

ISSN 2313-6715
(ONLINE)

ПРОЛОГ

Журнал о праве

Law Journal

2023

1 ② 3 4

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

<http://www.prolaw38.ru/>

ОСНОВАН В 2013 Г.

№ 2 • 2023

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

ИЗДАТЕЛЬ

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Главный редактор – И. М. Середа, д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

Заместитель главного редактора – Ю. Н. Румянцева, канд. юрид. наук, канд. экон. наук, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права, ведущ. науч. сотр. отдела научных исследований Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л. В. Андриченко – д-р юрид. наук, проф., заведующая центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия).

Н. П. Асланян – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Краснодар, Россия).

М. В. Баранова – д-р юрид. наук, проф., кандидат культурологии, академик Российской академии юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, вице-президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника».

Д. Е. Богданов – д-р юрид. наук, доцент, проф. кафедры гражданского права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

В. Ф. Васюков – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры криминологии и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова (Орел, Россия).

Е. Л. Васянина – д-р юрид. наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

В. А. Витушко – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь).

В. Ю. Войтович – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры теории и истории государства и права Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Ижевск, Россия).

Б. Я. Гаврилов – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России (Москва, Россия).

Р. Х. Гиззатуллин – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).

О. П. Грибунов – д-р юрид. наук, проф., директор Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Иркутск, Россия).

В. А. Гуреев – д-р юрид. наук, проф., проректор по научной работе Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Москва, Россия).

С. И. Давыдов – д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия).

О. А. Дизер – д-р юрид. наук, доцент, заместитель начальника института (по научной работе) Белгородского юридического института МВД РФ им. И. Д. Путилина (Белгород, Россия).

Л. А. Душакова – д-р юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой административного и служебного права Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС (Ростов-на-Дону, Россия).

Н. Н. Егоров – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Р. Н. Жаворонков – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

С. А. Карелина – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

А. Я. Кодинцев – д-р юрид. наук, канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия).

О. Ю. Косова – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

В. Ф. Лапшин – д-р юрид. наук, доцент, проректор по научной работе Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск, Россия).

А. В. Малько — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), заслуженный деятель науки Российской Федерации (Саратов, Россия).

Е. В. Михайлова — д-р юрид. наук, доцент, главный научный сотрудник, исполняющая обязанности заведующего сектором процессуального права Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

А. В. Морозов — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры компьютерного права и информационной безопасности МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Т. И. Отческая — д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

С. В. Пархоменко — д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета (Иркутск, Россия).

Б. А. Ревнов — канд. юрид. наук, доцент, советник Управления конституционных основ публичного права Конституционного Суда Российской Федерации, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург, Россия).

А. П. Скиба — д-р юрид. наук, профессор, начальник кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань, Россия).

Т. В. Соловьева — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия).

С. Ю. Суменков — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

С. И. Сулова — профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, заместитель директора по научной работе Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), д-р. юрид. наук, доцент (Иркутск, Россия).

Адрес редакции и издателя:

**664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, тел. (3952) 79-88-99,
e-mail: prolaw38@mail.ru**

© Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-64776 от 2 февраля 2016 года.

Сайт: <http://www.prolaw38.ru/>.

ISSN 2313-6715 (online).

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 12.00.01, 12.00.02, 12.00.03, 12.00.08, 12.00.15 (дата включения — 9 декабря 2020 г.); по научным специальностям 5.1.1., 5.1.2., 5.1.3., 5.1.4 (дата включения — 20 июля 2022 г.).

Всем статьям присваивается идентификатор цифрового объекта DOI (digital object identifier).

Электронная версия журнала размещена на платформе Научной электронной библиотеки — www.elibrary.ru.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Перепечатка материалов журнала допускается только по соглашению с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

<http://www.prolaw58.ru/>

FOUNDED IN 2013 г.

№ 2 • 2023

PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«The All-Russian State University of Justice»

PUBLISHER

Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice

Editor-in-Chief – Irina M. Sereda, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Law and Criminology Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Deputy Editor-in-Chief – Yulia N. Rumyantseva, Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (Economics), Head of the Civil and Business Law Department, Senior Researcher of the Research Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

EDITORIAL BOARD

Lyudmila V. Andrichenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Center for Public Law Studies, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Natalia P. Aslanian – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar, Russia).

Marina V. Baranova – Dr. Sci. (Law), Professor, Candidate of Cultural Science, Academician of the Russian Academy of Legal Sciences, Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Deputy Dean of the Faculty of Law of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Vice-President of the Nizhny Novgorod Research Science Applied Center «Legal Techniques» (Nizhny Novgorod, Russia).

Dmitriy E. Bogdanov – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia).

Vitaliy F. Vasyukov – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Criminalistics and Preliminary Investigation Department, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Orel, Russia).

Elena L. Vasyanina – Dr. Sci. (Law), Docent, Leading Researcher of the Administrative Law and Process Sector, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Vladimir A. Vitushko – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Economic Activity Legal Support Department, the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus).

Valery Yu. Vojtovich – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Izhevsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Izhevsk, Russia).

Boris Ya. Gavrilov – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Control of Crime Investigation Agencies Department, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia).

Ravil Kh. Gizatullin – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Financial and Environmental Law Department, the Institute of Law, Bashkir State University (Ufa, Russia).

Oleg P. Gribunov – Dr. Sci. (Law), Professor, Director, Irkutsk Law Institute (Branch), University of Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

Vladimir A. Gureev – Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (Moscow, Russia).

Sergey I. Davydov – Dr. Sci. (Law), Docent, Head of the Criminal Procedure and Criminalistics Department, Altai State University (Barnaul, Russia).

Oleg A. Dizer – Dr. Sci. (Law), Docent, Deputy Head of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work) (Belgorod, Russia).

Lesya A. Dushakova – Dr. Sci. (Law), Docent, Head of the Administrative and the Official Law Department, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SRIM RANEPА/Institute) (Rostov-on-Don, Russia).

Nikolay N. Egorov – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminalistics Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Roman N. Zhavoronkov – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Labour Law and Social Security Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia).

Svetlana A. Karelina – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Aleksander Ya. Kodintsev – Dr. Sci. (Law), Ph.D. in Historical Sciences, Docent, Professor of the Theory and History of State and Law Department, St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russia).

Olga Yu. Kosova – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil and Business Law Department, Irkutsk Institute (branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Valerii F. Lapshin – Dr. Sci. (Law), Docent, Vice-Rector for Research at Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russia).

Alexandr V. Malko – Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the State and Legal Disciplines Department, Povolzhsky Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Saratov, Russia).

Ekaterina V. Mikhailova – Dr. Sci. (Law), Docent, Chief Researcher, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Andrey V. Morozov – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Computer Law and Information Security Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Tatyana I. Otcheskaia – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Judicial and Prosecutorial Activities Department, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia).

Svetlana V. Parhomenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher of the Institute of Legal Studies, Baikal State University (Irkutsk, Russia).

Boris A. Revnov – Cand. Sci. (Law), Docent, Adviser to the Department of Constitutional Foundations of Public Law of the Constitutional Court of the Russian Federation, Assoc. Professor of Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute (St. Petersburg, Russia).

Andrey P. Skiba – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Executive Law Department at the Faculty of Law, the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russia).

Tatyana V. Solovieva – Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the Civil Procedure Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia).

Sergei Yu. Sumenkov – Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the State and Legal Disciplines Department, the Law Institute, Penza State University (Penza, Russia).

Svetlana I. Suslova – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil and Business Law Department, Deputy Director for Scientific Work, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Irina S. Shitkina – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Publisher and Editor Address:

4 Nekrasova St., Irkutsk, Russia, 664011, Tel.: +7(3952)79-88-99

e-mail: prolaw38@mail.ru

© The All-Russian State University of Justice

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number ЭЛ № ФС77-64776 of February 02, 2016.

URL: prolaw38@mail.ru.

ISSN-Online 2313-6715.

Included in the catalogue of peer-reviewed scientific publications, which should publish basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences on the scientific specialties 12.00.01, 12.00.02, 12.00.03, 12.00.08, 12.00.15 (date of inclusion – December 9, 2020); on the scientific specialties 5.1.1., 5.1.2., 5.1.3., 5.1.4 (date of inclusion – July 20, 2022).

All articles are assigned DOIs (digital object identifier).

The online version of the Journal is powered by the Scientific Electronic Library – www.elibrary.ru.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board's point of view.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

<http://www.prolaw38.ru/>

ОСНОВАН В 2013 Г.

№ 2 • 2023

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Антонов Б. А.* Война сквозь призму международного права в политико-правовом учении Карла Шмитта 7-17
- Герасименко Ю. А.* Норма-оговорка в российском законодательстве: понятие и сущность 18-25
- Котарева О. В.* Юридико-технические особенности преамбулы нормативных правовых актов МВД России 26-34
- Черевко Р. В.* Применение теоретико-игровых моделей в праве 35-44
- Земляченко Я. В.* Ответственность за недостатки товаров, работ и услуг. Практика применения и современные тенденции развития 45-53

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Ревнов Б. А., Кохман Д. В.* Сравнительно-правовой анализ Конституционных судов Российской Федерации и Республики Казахстан: процессуальный аспект 54-61
- Васянина Е. Л.* Управление денежной эмиссией 62-70

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Михайлова Е. В.* Некоторые проблемы участия прокурора в цивилистическом процессе 71-77
- Нестолый В. Г.* Промежуточное и частичное решение суда первой инстанции по гражданскому делу 78-85

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Рогова Е. В., Забавко Р. А.* Противодействие вовлечению несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий 86-96

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

<http://www.prolaw38.ru/>

FOUNDED IN 2013 г.

№ 2 • 2023

PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Antonov B. A.</i> War Through the Prism of International Law in Carl Schmitt's Political and Legal Teaching	7-17
<i>Gerasimenko Yu. A.</i> Norm-clause in Russian Legislation: Concept and Essence	18-25
<i>Kotareva O. V.</i> Legal and Technical Features of the Preamble of Normative Legal Acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia	26-34
<i>Cherevko R. V.</i> Application of Game-Theoretic Models in Law	35-44
<i>Zemlyachenko Y. V.</i> Product Liability Law. Legal Practices and Modern Tendencies of Development	45-53

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Revnov B. A., Kokhman D. V.</i> Comparative Legal Analysis of the Constitutional Courts of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: Procedural Aspect	54-61
<i>Vasyanina E. L.</i> Management of Money Issue	62-70

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

<i>Mikhailova E. V.</i> Some Problems of the Participation of the Prosecutor in the Civil Process	71-77
<i>Nestoliy V. G.</i> Intermediate and Partial Solution Courts of the First Instance in a Civil Case	78-85

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Rogova E. V., Zabavko R. A.</i> Counteraction to the Involvement of Minors in the Illicit Traffic in Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Their Analogues, Committed by the Information and Telecommunication Technologies	86-96
--	-------

УДК 340.143+341.312.5

Б. А. Антонов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8233-9520
ResearcherID: AAO-7496-2020*

ВОЙНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ УЧЕНИИ КАРЛА ШМИТТА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 7–17.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.1.
Дата поступления 20.04.2023, дата принятия к печати 01.06.2023,
дата онлайн-размещения 26.06.2023.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена политико-правовому анализу концепции войны Карла Шмитта (1888 – 1985 гг.). Неоднократно обращаясь к теме войны, немецкий ученый доказывал ее неизбежность, исходя из специфики политической действительности (в терминологии Шмитта – политического), имманентным свойством которой выступает разделение на друзей и врагов и постоянным противоборством между ними. В статье представлен краткий генезис научно-философских взглядов на феномен войны (начиная с эпохи Античности и до Новейшего времени), обоснована историческая закономерность перехода одного типа войны в другой (от войны дискриминационной к войне ограниченной и от войны ограниченной к войне дискриминационной) и на основании политико-правового учения Шмитта проанализирована систематизация войн по различным основаниям (правомерность/допустимость, отношение к военному противнику, театр (место) военных действий). Международно-правовой порядок, по мнению Шмитта, необходимо перестроить таким образом, чтобы в него были введены ограничения правового характера, которые могли бы предупредить перерастание военного конфликта в тотальную войну. Ставка в этом случае делалась не на право народов (в современной терминологии – международное право), а на «царство относительного разума» (термин Шмитта), которое возобладает отнюдь не под влиянием международных организаций, а вследствие соблюдения самими противоборствующими сторонами правил ведения боевых действий. Возможность правового ограничения военных действий Шмитт допускает лишь в случае ведения войны-дуэли, поскольку последняя носит ограниченный (европейский) межгосударственный характер и характеризуется Шмиттом как крупнейшее достижение европейской цивилизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Право народов; номос (сухопутный, морской, Суша-Море); война (справедливая, несправедливая, дискриминационная, недискриминационная, оборонительная, сухопутная, морская, воздушная); война-дуэль; захват земли; большое пространство; понятие политического; друг; враг.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Антонов Б. А. Война сквозь призму международного права в политико-правовом учении Карла Шмитта // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 7–17. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.1.

UDC 340.143+341.312.5**B. A. Antonov**

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8233-9520
ResearcherID: AAO-7496-2020*

**WAR THROUGH THE PRISM OF INTERNATIONAL LAW
IN CARL SCHMITT'S POLITICAL AND LEGAL TEACHING****PUBLICATION DATA**

Prologue: Law Journal, 2023, no. 2, pp. 7–17.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.1.
Received 20.04.2023, accepted 01.06.2023, available online
26.06.2023.

ABSTRACT

The article is devoted to the political and legal analysis of Carl Schmitt's (1888 – 1985) conception of war. Not once did Schmitt appeal to the topic of war arguing that it might be inevitable due to the specification of political reality (according to Schmitt – the concept of the political) characterized by the division into friends and enemies and constant confrontation between them. The author presents a brief genesis of Schmitt's predecessors' views on war (from Antiquity to Modernity), gives evidence to the regular transit from one type of war to another (from discriminational to limited and reverse) and on the basis of Schmitt's teaching systematizes wars according to a number of grounds (legality / acceptability, attitude to a foe and theatre (locus) of military actions). Taking this into consideration, according to Schmitt it is necessary to reconstruct an international-legal order aimed at introducing into it such limitations that could prevent a military conflict from growing into a total war. Schmitt believed that such reconstruction would be possible due to "the reign of relative human reason" rather than to the rule of people (interpreted as international law nowadays). According to Schmitt, such reign could dominate if combatants followed the rules of war fighting rather than under the influence of international organizations. Schmitt allowed the possibility of warfare limitation (by law) in case of waging a duel war only as the latter obtains a limited interstate (European) character and is considered by Schmitt as the greatest achievement of European civilization.

KEYWORDS

Jus gentium; nomos (Land-Sea nomos); war (just, unjust, discriminatory, private, defensive, land, sea, air); duel war; large space; the concept of the political; friend; enemy.

FOR CITATION

Antonov B. A. War Through the Prism of International Law in Carl Schmitt's Political and Legal Teaching. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 2, pp. 7–17. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.1.

Даже победоносная война —
это зло, которое должно быть
предотвращено мудростью народа.
О. Бисмарк

Введение

Эффективность любой системы международных отношений определяется ее способностью предотвращать и урегулировать военные конфликты. В противном случае (а именно, если конкретная система международных отношений по каким-либо причинам не выполняет данную функцию) война неизбежна, как неизбежен ее исход, предполагающий создание нового миропорядка и соответственно новой системы международных отношений. Таким образом, *поочередная смена права войны на право мира* (и наоборот) предопределяет и смену систем международных отношений (Вестфальской, Венской, Версальской и Ялтинско-Постдамской), разрушение которых связано с уходом прежних международных акторов и появлением последующих гарантов нового мироустройства.

Современная классификация международного права (далее — МП) предполагает его подразделение на международное публичное и международное частное. Основаниями для возможности соотнесения первого и второго направлений МП выступают: предмет правового регулирования, субъект правоотношений и основные источники. Традиционно считается, что в рамках такой модели МП получает приоритет над политической сферой любого государства. Однако политико-правовая реальность сегодняшнего дня демонстрирует ошибочность данного предположения: современное МП постепенно утрачивает свою значимость. Именно такой неутешительный прогноз был сделан немецким философом и юристом *Карлом Шмиттом* (1888—1985 гг.) еще задолго до того момента, когда «порядок международного права, бывший до сих пор европоцентрическим, начал двигаться к своему закату» [4, с. 135].

Потерю МП своего надгосударственного статуса Шмитт объясняет неспособностью права вообще и международного права в частности доминировать над государственной целесообразностью и государственными интересами в связи с изменением характера международных отношений после Первой мировой войны.

Еще одним основанием для утраты европейским МП его ведущей роли в межгосударственных отношениях выступает усиливающееся влияние на европейский правопорядок

Соединенных Штатов, сделавших после определенных колебаний между политикой изоляции и политикой интервенции окончательный выбор в пользу последней. В результате такого выбора европейское МП приобрело черты подчиненной (Соединенным Штатам) правовой системы, в рамках которой перестали действовать традиционные для Европы ограничения, характерные для ведения боевых действий (войны). Другими словами, война перестала «подчиняться» нормам международного гуманитарного права, в связи с чем и само право в его самом широком толковании постепенно теряло свое первоначальное предназначение, а именно — урегулирование военных конфликтов.

Перестав быть объектом надгосударственного регулирования, война не просто изменила характер (вместо ограниченной — дискриминационная), но и способствовала закату европейского МП. Возможность прогнозирования подобного исхода была заложена в тех работах Шмитта, которые так или иначе затрагивают тему войны: «Политическая теология» (1922 г.), «Понятие политического» (1927 г.), «Порядок больших пространств в праве народов» (1939 г.), «Море против Земли» (1941 г.), «Земля и Море» (1942 г.), «Номос Земли» (1950 г.), «Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря» (1959 г.), «Теория партизана» (1962 г.).

Генезис взглядов на феномен войны в политико-правовом учении К. Шмитта

Очевидно, что разрабатывая концепцию войны, Шмитт не мог не опираться на соответствующие труды своих предшественников: *Гераклида* (550—480 до н.э.) с его видением в войне «отца» и «царя» всего, *Платона* (427—347 до н.э.) с его отождествлением войны с яростью души человеческой и наконец, *Аристотеля* (384—322 до н.э.) с его трактовкой войны как естественного средства установления правления над варварами [2, с. 44].

Отношение к войнам (Крестовые походы против мусульман и еретиков) средневековых правоведов *Блаженного Августина* (354—430) и *Фомы Аквинского* (1225—1274) было связано исключительно с *теологической теорией происхождения государства и права*. Общим в понимании войны для периода Античности и Средневековья является признание так называемой *справедливой войны*, к которой Фома Аквинский предъявляет следующие четыре требования: «сугубо мирная цель без ненависти и тщеславия, *justa causa* («законная причина»), объявление

войны легитимным авторитетом и запрет на любую ложь» [10, с. 189].

Тридцатилетняя война (1618 – 1648), ставшая переходным периодом между Средневековьем и Новым временем, находит свое отражение в капитальном труде «Три книги о праве войны и мира» нидерландского юриста Гуго Гроция (1583 – 1645), где он изложил свои взгляды на проблему войны, которые вкратце сводятся к следующему: если ввести запрет на войну невозможно (право не может нести в себе запрета на войну), то необходимо сделать ее более «человечной», установив соответствующие ограничения. Именно эту мысль взял на вооружение Шмитт при формулировании концепции *ограниченной межгосударственной войны* («войны-дуэли»). Более того, Шмитт заимствует у Гроция такие две формы легитимации военного захвата земли, как *открытие и оккупация*, отвергая при этом войну частную (которой Гроций уделяет внимание при описании европейского миропорядка): «Она [непубличная, т.е. частная война] ... с точки зрения нового международного права более вообще не является войной. Она может быть всем чем угодно: мятежом, бунтом, нарушением общественного порядка, варварством или пиратством, но не войной с точки зрения нового европейского международного права» [Там же, с. 194]. И еще. В отличие от Гроция Шмитт допускал использование *критерия правомерности (допустимости)* в качестве основания для систематизации войн (справедливые и несправедливые).

Еще в большей степени на Шмитта повлиял современник Гроция – английский философ Томас Гоббс (1588 – 1679) с его концепцией «войны всех против всех» как вечного противоборства и естественного состояния человека, которое, в сущности, и является политической действительностью. При этом политическая действительность, в свою очередь, порождает, по мнению Шмитта, понятие политического с его неизбежным различием на группу друзей и группу врагов. Отметим, что данное различие в ранних работах Шмитта касается как государственного права, так и права народов (разделение на внешних и внутренних (публичных) врагов). Однако впоследствии, оперируя тем же самым понятием политического применительно к праву народов, Шмитт приходит к разделению номоса на морской и сухопутный и соответственно к разделению *права народов* (как прообраз МП) на *право Суши и право Моря* [10, 13].

Таким образом, используя средневековую (т.е. несекуляризованную) дефиницию

права народов¹, Шмитт по сути возвращается к *теологическому пониманию войны* (которое в какой-то степени подвергает сомнению его собственную теорию ограниченной межгосударственной войны), но уже в секуляризованном мире, что впоследствии обернулось неожиданным *эффектом дискриминации* врага до уровня преступника.

Конец XIX в. ознаменован ницшеанским подходом к пониманию войны, который (подход) находит свое выражение в тех работах Шмитта, где немецкий юрист и философ рассуждает о неизбежности различия на друзей и врагов в контексте понятия политического, а значит и неизбежности войны при условии высокой степени интенсивности социальных противоречий (Ср. рассуждения Ф. Ницше (1844 – 1900) о войне как о жизненно необходимом факторе «варваризации» человека). Логическим дополнением к учению о войне Шмитта выступает теория О. Шпенглера (1880 – 1936) о войне как «вечной форме» высшего человеческого бытия.

От войны ограниченной к дискриминационной

Создавая концепцию войны, Шмитт исходит из понятия политического, которое предполагает обязательную *политическую противоположность*, исходящую, в свою очередь, из противоположности религиозной, моральной, экономической или этнической. Если политическая противоположность обладает достаточной интенсивностью, то происходит разделение людей на группы друзей и врагов, которое (разделение) диалектично по своей природе, ибо означает не простое противостояние, а противоборство. Обязательность противоборства исходит из самой характеристики врага, его чужеродности, инаковости, невозможности интеграции в сообщество – в чужое, а иногда и в свое. В первом случае речь идет о противостоянии внешнему врагу, во втором – внутреннему. Дихотомия

¹ В своей работе «Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил» (1939 г.) Шмитт характеризует международное право как *jus gentium* (право народов), которое представляет собой *конкретный порядок*, определяемый ... персонально, т.е. принадлежностью к народу и государству [13, с. 482]. Однако уже в «Номосе Земли» (1950 г.) Шмитт приводит средневековую дефиницию права народов из Декрета Грациана (1150 г.): «*Право народов* – это захват земель, строительство городов и возведение укреплений, войны, пленение, лишение свободы, возврат пленных, союзы и заключение мира, перемирие, неприкосновенность послов и запреты на брак с чужестранцами» [13, с. 11 – 12].

«враг — друг» всегда носит собирательный публичный характер, олицетворяя государство, которое в понимании Шмитта выступает как «суверенное политическое единство»: «Нельзя объявить себя другом всех, надеясь, что врагов не останется — просто тогда один народ будет определять для другого народа, кто ему друг, а кто — враг... Если государство воздержится или не будет способно проводить ключевые различия, оно окажется под угрозой, ибо тогда в дело вступят чуждые ему силы» [7]. Такая логика должна была бы привести Шмитта к вполне закономерному выводу о неизбежности войны, но не тотальной (поскольку тотальная война предполагает полное уничтожение врага, а значит и исчезновение самого политического), а ограниченной межгосударственной войны, осуществляемой по принципу дуэли (в терминологии Шмитта «война-дуэль»), которую ученый считал наивысшим достижением европейской цивилизации.

Такая война предполагает ряд ограничений правового характера, которые предупреждали перерастание военного конфликта в тотальную войну. В качестве ограничений выступает отнюдь не цель, предполагающая борьбу за «правое дело», а соответствующий повод, участие только регулярных войск, жесткое разделение населения воюющей страны на комбатантов и не-комбатантов. И наконец, межгосударственная война, построенная по принципу «война-дуэль» согласно Шмитту возможна, если *суверенные территориальные государства признают равными друг друга, уважают друг друга и не квалифицируют (дискриминируют) друг друга как преступников и/или абсолютное зло* [1, с. 35]: «Международно-правовой порядок, основывавшийся на ликвидации гражданской войны и ограничивший войну, превратив ее в дуэль европейских государств, в действительности легитимировался как царство относительного разума» [10, с. 169, 171 — 173]. Другими словами, Шмитт делал ставку на возможность юридикации понятия войны при условии ограниченного характера последней, а значит — и соблюдения *определенных правил ведения боевых действий*. Однако следует оговориться, что «царство относительного разума», по мнению Шмитта, возобладает отнюдь не под влиянием международных организаций, а вследствие соблюдения *самими* противоборствующими сторонами правил войны-дуэли. И если реальная дуэль предполагает обязательное участие секундантов в качестве лиц, контролирующих процесс поединка, то в войне-дуэли, согласно учению Шмитта, таких «секундантов» в лице

международных органов контроля не предусмотрено...

Концепция Шмитта об ограниченной межгосударственной войне соответствовала основным направлениям европейского МП вплоть до окончания Первой мировой войны. Однако сразу после ее завершения и заключения Версальского мира возобладала политико-правовая позиция США, связанная с необходимостью *криминализации² действий* тех глав государств, которые ответственны за развязывание агрессивных войн³. При этом в европейском МП не существовало правового института уголовной ответственности главы государства за те действия, которые он совершил в период нахождения у власти, поскольку субъектами европейского МП могли быть только государства: «Международная юрисдикция одного государства над другим признанным государством или над признанным главой другого государства была неизвестна европейскому международному праву». И далее: «Война со всей определенностью понималась как отношения одного государства с другим государством, а не как отношения между индивидами или группами. В соответствии с принципами международного права она велась не отдельными людьми, в том числе и *лично главой государства, а государством как таковым*» [10, с. 368]. С введением института криминализации деяний глав государств, во-первых, стало возможным наделение их международно-правовой субъектностью и, во-вторых, произошло преобразование МП в аналог уголовного права США, в рамках которого деяния глав государств приравниваются к деяниям обычных граждан⁴. Результатом этих двух обстоятельств стал «*поворот к дискриминационному понятию войны*». Именно

² Криминализация — возведение деяния в ранг уголовного преступления.

³ В качестве примера Шмитт приводит попытку Англии и Франции провести судебный процесс над бывшим германским императором Вильгельмом II за развязывание Первой мировой войны. В качестве *соства* преступления, по поводу которого выдвигается обвинение, рассматривается тяжелейшее нарушение международных норм морали и святости договоров. Однако Нидерланды, на территории которых находился Вильгельм II, отклонили «направленное ему английским и французским правительством требование о его выдаче, аргументировав свой отказ тем, что это не допустимо в соответствии с международно-правовыми принципами классического *jus publicum* Europaеum. Оба вышеназванных правительства более не настаивали на его выдаче» [13, с. 369].

⁴ См.: Судебный кейс «Генерал Норвега против США» (1997 г.). URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/us-11th-circuit/1089768.html>.

так называется статья Шмитта, написанная им в 1938 г. В ней Шмитт оценивает этот тип войны как «духовную и моральную подготовку к новой, тотальной мировой войне...». Косвенными ее виновниками Шмитт считает либеральных экстремистов, ратующих за «равенство всех граждан перед законом вне зависимости от их богатства, положения и влияния». Шмитт полагает, что борьба либералов за равенство одновременно игнорирует естественные исторические, культурные, государственные и иные различия между нациями, что в конечном итоге приводит к «объявлению себя другом всех», а это, опять же по логике Шмитта, невозможно, поскольку политика «объявления себя другом» всех не способствует исчезновению врагов и не гарантирует, а наоборот провоцирует перерастание ограниченной межгосударственной войны в войну тотальную, в процессе которой «... все будет убито, друг и враг, регулярный солдат и нерегулярное население...» [2, с. 46].

Систематизация войн согласно учению К. Шмитта

В основе шмиттовской систематизации войн лежит разделение земного пространства на номосы⁵. Антагонизм сухопутного и морского номосов в толковании Шмитта приобретает целый ряд смысловых оттенков: борьба, сопротивление, конфликт и, наконец, *война*, которая сама по себе выступает критерием сравнения сухопутного и морского номоса.

Теме войны Шмитт посвящает целый ряд своих работ, наиболее значимой из которых является «Номос земли». Именно в этой книге Шмитт систематизирует все известные к тому моменту типы войн по тем или иным критериям (основаниям). Сразу оговоримся, что предложенные автором статьи основания для систематизации войн в соответствии с концепцией Шмитта — не повод считать эту систематизацию самостоятельной классификацией, поскольку достаточно часто (и это будет видно в процессе описания различных типов войн) основания для систематизации будут использоваться применительно не только к заявленным типам войн.

Итак, автор считает правомерным предложить следующие основания для систематизации войн согласно концепции Шмитта:

— *правомерность / допустимость (справедливая — несправедливая)*;

— *отношение к военному противнику или право Моря и право Суши? (дискриминационная — недискриминационная)*;

⁵ Номос — фундаментальная категория геополитической теории Шмитта. Краткое определение номоса в концепции Шмитта сводится к синтезу социума и пространства.

— *театр (место) военных действий (морская — сухопутная)*.

Согласно *первому основанию* (правомерность/допустимость) войны делятся на *справедливые*⁶ (оборонительные, партизанские) и *несправедливые* (агрессивные). Среди разновидностей справедливых войн Шмитт выделяет: *войну, санкционированную Святым престолом* или иным религиозным авторитетом (например, английским монархом, который является главой англиканской протестантской церкви); *оборонительную (в том числе партизанскую) войну и межгосударственную войну, построенную по принципу дуэли («война-дуэль»)*.

Анализируя характер сухопутных и морских войн в соответствии с местом (театром) ее проведения и пользуясь при этом понятиями *сухопутный и морской номосы*, Шмитт приходит к выводу, что континентальный порядок имел тенденцию к *оборонительной (справедливой) войне, а морской — к тотальной (агрессивной-несправедливой)*. Другими словами, в качестве еще одного основания (возможно, более значимого, чем допустимость) для подразделения войн на справедливые и несправедливые, Шмитт считает *место их проведения*, выявляя историческую закономерность тяготения сухопутных войн к справедливым, а морских — к несправедливым.

До некоторой степени подразделение войн на справедливые и несправедливые можно считать условным (как можно считать условным любую систематизацию сложных исторических или политических явлений), ибо далеко не всегда война, объявляемая как справедливая, была таковой. Примеров такого рода в истории войн немало, но мы ограничимся всего тремя.

Первый. Войны, санкционированные Святым престолом в период Средневековья, — «Крестовые походы» — по сути носили захватнический характер. Известный французский исследователь наследия Шмитта Ален де Бенуа писал о том, что «...правила (Авт. — ограничения войны) действуют только для народов «*respublica Christiana*», т.е. не применяются к язычникам⁷, «неверным», «варварам»,

⁶ Справедливой не в том смысле, что это война за правое дело, а это война, имеющая определенного рода повод, который можно описать в правовых терминах.

⁷ В период Альбигойских войн (1209—1229 гг.) против катаров накануне штурма города Безье 22 июля 1209 г. на вопрос крестоносцев о том, как им отличить правоверных католиков от еретиков папский легат (аббат) Арнольдо Амальрик ответил: «Бейте их всех, Господь узнает своих» (*Caedite eos. Novit enim Dominus qui sunt eius*) [3, с. 86].

«дикарям», пиратам и т.д., которые никогда не могут апеллировать в нем. В итоге получается, что все крестовые походы являются *ipso facto* справедливыми войнами, поскольку мандаты понтифика выступают в качестве разрешений на завоевание земель, принадлежащих нехристианским народам. Таким образом, безграничная враждебность выводится за пределы европейского мира» [1, с. 39–40]. Именно поэтому один из основателей науки международного права *Гуго Гроций* приходит к выводу о неправомерности использования понятия справедливости в данном случае: «...справедливость не входит в определение понятия войны» [10, с. 200].

Второй. Агрессивные (в том числе превентивные⁸) войны неоднократно выдавались за оборонительные: «Римляне всегда утверждали, что они не придерживались завоевательной политики и всегда вели оборонительные войны...» — пишет немецкий историк и юрист Т. Моммзен в своей знаменитой «Истории Рима» [6]. Итогом такой «обороны» явилось завоевание Древним Римом значительной части Западной Европы, Северной Африки и Малой Азии.

Третий. В ноте МИДа Германии от 21 июня 1941 г. также подчеркивался оборонительный (превентивный) характер военного удара: «Все вооруженные силы (авт. — СССР) на германской границе были сосредоточены и развернуты в готовности к нападению... Большевистская Москва готова нанести удар в спину национал-социалистической Германии, ведущей борьбу за существование»⁹. Итогом такой «обороны» стало вторжение трех групп немецких армий на тысячи километров вглубь территории Советского Союза.

Подразделяя войны на *дискриминационные* и *недискриминационные*, к дискриминационным Шмитт относит религиозную войну и международную гуманитарную интервенцию. Подгруппу недискриминационных войн в рамках его типологии составляют войны, санкционированные религиозным авторитетом; оборонительные / партизанские войны и межгосударственные войны по принципу «война-дуэль».

⁸ Превентивная война (от лат. *praevenio* — опережаю, предупреждаю) — война, которую начинают, считая, что будущий конфликт неизбежен, и основная цель которой — опередить агрессивные действия со стороны противника.

⁹ Нота Министерства иностранных дел Германии от 21 июня 1941 г. Меморандум. URL: <http://www.pobediteli.ru/documents/nota.html> (дата обращения: 03.04.2023).

В основе подразделения войн на дискриминационные и недискриминационные лежит по меньшей мере два критерия.

Первый — отношение к военному противнику. Ведение дискриминационной войны предполагало обязательное низведение противника до уровня недочеловека: «Лишь вместе с человеком, понимаемым в смысле абсолютной полноты человеческой природы, и именно в качестве оборотной стороны того же самого понятия, появляется его специфически новый враг — нелюдь (*Unmensch*). Затем, после отделения нелюдей от людей, в истории человека произошло еще более глубокое разделение — последовавшее в XIX столетии разделение человека на сверхчеловека и *негочеловека* (*Untermensch*)» [10, с. 103].

Шмитт заимствует понятие «нелюдь» (*Unmensch*) у немецких гуманистов XVIII в., связывая его появление с усилением дискриминационных тенденций, присущих гуманистической идеологии того времени. Причину же появления понятия «недочеловек» (*Untermensch*) в XIX в. Шмитт объясняет «диалектической необходимостью» порождения в качестве врага-близнеца врага-недочеловека. Какими бы ни были причины, указанные Шмиттом, последний, в отличие от своих предшественников (XIII — XIX вв.), объясняет превосходство одного народа над другим, используя разработанную им же теорию о трех видах юридического мышления — нормативного, децизионистского и мышления в категориях конкретного порядка [11].

Разрыв связи между народом и почвой является следствием нормативного мышления и, по логике Шмитта, неправильного понимания пространственного порядка: «Закат *jus publicum* *Europaeeum* и превращение его в универсальное всемирное уже невозможно было предотвратить. Растворение в универсально-всеобщем было в то же время и разрушением прежнего глобального порядка Земли. Его место на несколько десятилетий занял *пустой нормативизм* мнимо всеобщих правил, заслонивший от сознания людей тот факт, что в основании признанных на тот момент держав лежал определенный конкретный порядок, а *новый до сих пор все не найден*» [10, с. 308].

Нормативизм, по мнению Шмитта, имея дело с абстрактными правилами, законами и законностью, во-первых, не способен зафиксировать постоянную флюктуацию, которая выступает в качестве имманентного признака политической действительности, а, во-вторых, не оперирует понятием пространства, а это значит, что «законы и правила»

пишутся без учета связи между социумом и пространством. А если это так, то политическое пространство «работает по своим понятиям», а воображаемая действительность, которая создается посредством воплощенного в законах нормативного мышления, — по своим.

Классифицируя типы юридического мышления на основании критерия корректного — некорректного понимания пространственного порядка (а значит и корректного — некорректного мышления), Шмитт низводит одну нацию до статуса «недочеловек», а значит до статуса врага, с которым необходимо вести борьбу (войну). Отсутствие привязки к почве означает для Шмитта отсутствие и государства как такового, поскольку главным условием существования последнего является наличие государственной территории и ее границ. В случае отсутствия таких номос как синтез социума и пространства не возможен, а это значит, что враг в отсутствии своей территории подлежит тотальному уничтожению. Итак, Шмитт приходит к необходимости низвержения одной нации и соответственно возвышению другой (других), объявляя нормативизм мышления первопричиной для обожновения теории расизма¹⁰.

Второй критерий — право народов, разделяемое (согласно Шмитту) на право Суши и право Моря. Анализ войн дискриминационного и недискриминационного типа приводит Шмитта к выводу о том, что дискриминационные войны характерны, прежде всего, для стран морского номоса, а недискриминационные — для сухопутного. Следует, тем не менее, оговориться, что Третий рейх вел боевые действия по правилам дискриминационной войны, не являясь при этом морским номосом. И еще. Оба номоса — как морской, так и сухопутный — могут вести *комбинированные* военные действия (сухопутные, морские, воздушные). И, как отмечает профессор С. Ф. Черняховский, «если государство может успешно сочетать разные виды экспансии, традиционный спор о том, какая из двух альтернатив (сухопутная или морская экспансия) лучше, отчасти беспредметен» [9].

И, наконец, *третье основание* — зависимость типа войны от *театра ведения боевых*

действий (см. таблицу)¹¹. Традиционное подразделение войн на сухопутные и морские Шмитт преобразовал в сухопутный и морской номосы. Воздушная же война представляет собой, по меткому выражению, Шмитта, «театр, в котором нет зрителей» [10, с. 471]. Очевидно, что все три войны суть пространственные войны, которые должны подчиняться соответствующему пространственному порядку согласно логике их проведения. Тем не менее, практика ведения боевых действий может складываться таким образом, что правила ведения той или иной пространственной войны не совпадают с соответствующим именно ей пространственным порядком.

В этой связи Шмитт приводит мнение авторитетного социолога и теоретика военной науки генерала Густава Ратценхофера [13, S. 274–274] (бывшего солдата австро-венгерской монархии), согласно которому «война на острове Англия, если бы там были высажены войска, должна была бы вестись не по международно-правовым правилам сухопутной войны, а в соответствии с трофейным правом морской войны, ибо Англия в целом придерживается морской формы ведения войны и отвергает достигнутые в международном праве ограничения трофейного права»¹² [10, с. 459–460]. Из данного рассуждения Ратценхофера предположительно следует, что против Англии, как морской державы, которая неоднократно развязывала морские войны, возможно инициирование тотальной войны, которая, как известно, ведется по тем же правилам, что и война морская.

Сравнивая все три войны в зависимости от театра ведения боевых действий, считаем возможным выделить следующие дополнительные основания для их систематизации:

— в соответствии с *методами применения военной силы*, сухопутная война предполагает оккупацию, морская — блокаду части сухопутного побережья, а воздушная — уничтожение военного противника.

¹¹ Если принять во внимание образное сравнение войны и театра, необходимо помнить, что зрителей в театре можно по-разному разместить. Например, в римском амфитеатре (Колизее) плебей не мог сидеть рядом с сенатором (у каждого римского сословия имелись свои входы и выходы из помещения), чтобы избежать страшного несчастья — смешения гражданского коллектива (см. учение Аристотеля о геометрическом принципе равенства).

¹² В этом отношении морское существование Англии сравнимо с положением ее предшественниц — двух морских республик — Генуи и Венеции, которые вели боевые действия согласно понятиям морской войны.

¹⁰ Тем не менее, следует оговориться, что основания, которые были выбраны юристами Третьего рейха для защиты расовой теории, не во всем и не всегда совпадают с теорией нормативного мышления К. Шмитта.

— в соответствии с *целесолаганием* сухопутная война предназначена для захвата территорий и получения контрибуций, морская — для изъятия военных трофеев, а воздушная — для полного уничтожения военного противника.

— в соответствии с установлением соответствующих *отношений* между противоборствующими сторонами сухопутная война означает взаимодействие по принципу субординации между оккупационными властями и населением, проживающим на оккупируемой территории. Морская и воздушная война предполагает полное отсутствие подобных отношений. И если для сухопутной войны характерно «определенное позитивное отношение к европейской земле и ее обитателям», то у морских сил есть лишь «негативное отношение к подвергаемой блокаде территории и ее населению» [10, с. 468].

И наконец. Оценивая интересы воюющих сторон, Шмитт приходит к выводу о том, что «сухопутная армия, оккупирующая территорию врага, естественным образом заинтересована в том, чтобы сохранять на оккупированной территории порядок и безопасность..., а «осуществляющие блокаду морские силы ... ни в малейшей степени не заинтересованы в том, чтобы на блокируемой территории воцарились порядок и безопасность». Аналогичная ситуация имеет место и при ведении воздушной войны, когда «при бомбардировке с воздуха ... обе стороны полностью лишены возможности установления какой бы то ни было связи друг с другом...» [Там же, с. 467, 468, 473]. Другими словами, сухопутная война не просто предполагает, а диктует необходимость установления отношений между воюющей стороной и мирным населением в отличие от воздушной и морской, которые исключают их.

Заключение

Мыслитель — и не просто мыслитель, а именно тот, каким был и оставался Шмитт до конца своей долгой жизни — это не предназначение и даже не миссия, это неизбежность бытия, тот самый Номос в разных его вариациях, которому посвящены его многочисленные труды.

Сознание Шмитта как ученого во многом определяло его бытие, а главное — бытие той страны, в которой он родился и жил.

В Германии 1920-х гг. Шмитт отстаивает те политические взгляды, которые так или иначе были близки нацистским. В трудах «Диктатура» (1921) и «Политическая теология» (1922) Шмиттом переосмыслены с точки зрения чрезвычайного положения такие

понятия, как «правовое государство» и «суверенитет»: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном (осадном) положении ...» [12, с. 8]. И хотя тема чрезвычайного положения (как перехода от состояния мира к состоянию войны) была разработана еще в период Древнего Рима, именно Шмитт помещает право суверена о введении чрезвычайного и военного положения в центр создаваемой им правовой системы. Подобная позиция, развиваемая Шмиттом в вышеупомянутых (и не только) работах, явилась политической предпосылкой для установления нацистской диктатуры в 1933 г. Именно в это время, когда разработанные Шмиттом юридические механизмы оказались востребованы лидерами Третьего рейха, ученый добровольно вступает в состав НСДАП.

Через три года происходит разрыв, а точнее — изгнание Шмитта из власти. Его биографы либо воздерживаются от указания точных причин этого разрыва, либо наоборот — указывают на целый ряд мотивов: от личной обиды до принципиального несогласия с политикой НСДАП. Как бы то ни было, к 1945 г. и в течение значительного периода после него Шмитт создает ряд работ, в которых пытается переосмыслить международный правопорядок, указывая на закат международного права, якобы не способного предотвратить тотальную войну.

И наконец, в своих более поздних работах («Номос земли», «Теория партизана») Шмитт пытается определить место новой, «другой» Германии в координатах нового миропорядка, отвергая при этом и демократизацию, и американизацию.

Другая Германия... Другая ли ...? И что прежде всего из пророчеств Шмитта повлияло на нее? Нетрудно догадаться, что одним из таких факторов была война... Ничем и никем не ограниченная, несправедливая, содержащая в себе риски перейти в тотальную... А затем война холодная с обязательным разделением на два лагеря противоборствующих сторон, которых и в мирное время, в соответствии с терминологией Шмитта, следует называть «друзья» и «враги». А друзья ли, если под воздействием политической «целесообразности» они легко и быстро переходят в стан врагов? За всем этим стоит шмиттовское понятие политического, в рамках которого международное право по меткому выражению Шмитта, означает «размывание границ между войной и миром» [5, с. 167].

Не единожды Шмитт задавался вопросом «как возможен мир и с ним международное право между суверенными государствами,

каждое из которых располагает свободным, предоставленным его суверенному решению *правом войны?*» [8, с. 555–556]. Рискнем поспорить с великим философом и юристом, предположив, что помимо права войны суще-

ствует и право мира. Но, как бы парадоксально это ни звучало, чтобы осмыслить сущностную природу права мира, нам необходимо снова и снова обращаться к трудам Карла Шмитта.

*Сухопутная, морская и воздушная война: сравнительный анализ
согласно правовому учению Карла Шмитта*

<i>Основания для сравнения</i>	<i>Сухопутная война</i>	<i>Морская война</i>	<i>Воздушная война</i>
Театр военных действий	Сухопутный	Морской (в том числе подводный)	«Театр без зрителей»
Методы применения военной силы	Оккупация, военный захват	Морская блокада	Война на уничтожение (например, ядерная война)
Цель войны	Захват территорий и контрибуция	– изъятие военных трофеев; свобода морской торговли; свобода проливов	Война на уничтожение
Отношения между противоборствующими сторонами	По принципу субординации между оккупационными властями и населением, проживающим на оккупируемой территории	Отсутствие таковых	
Интересы воюющих сторон	Установление порядка и спокойствия на оккупируемой территории	Создание хаоса на заблокированной территории	Господство в воздухе

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бенуа А., де. Карл Шмитт сегодня. «Справедливая война», терроризм, чрезвычайное положение «Номос Земли»: пер. с фр. – Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 192 с.
2. Берендеев В. А. Политическое учение Карла Шмитта как продолжение традиции классического европейского философствования о войне // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2012. – № 4. – С. 44–48.
3. Григулевич И. Р. Инквизиция. – 3-е изд. – Москва: Политиздат, 1985. – 448 с.
4. Желтов В. В., Желтов М. В. Сравнительная политология: политическая власть и политическое выражение: учеб. пособие. – 3-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2020. – 548 с.
5. Михайловский А. В. Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического // Вопросы философии. – 2008. – № 9. – С. 158–171.
6. Моммзен Т. История Рима. – Санкт-Петербург: Наука: Ювента, 1995. – Т. 3: От смерти Суллы до битвы при Тапсе. – 431 с.
7. Филиппов А. Ф. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология = Politische Theologie. – Москва: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. – С. 259–314.
8. Филиппов А. Ф. К политико-правовой философии пространства К. Шмитта // Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2008. – С. 650–652.
9. Черняховский С. Ф. И сушей, и морем // Литературная газета. – 2014. – 22 окт. (№ 41).
10. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2008. – 670 с. – (Civitas Terrana / Центр фундаментальной социологии).
11. Шмитт К. О трех видах юридического мышления // Шмитт К. Государство: Право и политика: пер. с нем. / сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. – Москва: Территория будущего, 2013. – 446 с.

12. Шмитт К. Понятие политического : пер. с нем. / под ред. А. Ф. Филиппова. — Санкт-Петербург : Наука, 2016. — 568 с.

13. Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил // Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. — Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. — С. 479—572.

14. Ratzenhofer G. Die Staatswehr. Wissenschaftliche Untersuchung der öffentlichen Wehrangelegenheiten. — Stuttgart, 1881. — S. 274—275.

REFERENCES

1. Benoit Alain, de. *Carl Schmitt actuel. Guerre «juste» terrorisme état d'urgence «nomos de la terre»*. Paris, Krisis, 2007.

2. Berendeev V. A. The political theory of Carl Schmitt in the context of classical european philosophizing of war's phenomenon. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh technology = Herald of Siberian institute of business and information technologies*, 2012, no. 4, pp. 44—48. (In Russian).

3. Zheltov V. V., Zheltov M. V. *Sravnitel'naya politologiya: politicheskaya vlast' i politicheskoe vyrazhenie* [Comparative Political Science: Political Power and Expression]. 3rd ed. Moscow, Flinta Publ., 2020. 548 p.

4. Grigulevich I. R. *Inkvizitsiya* [The Inquisition]. 3rd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 448 p.

5. Mikhailovskii A. V. The Fight for Karl Schmitt. The Reception and Relevance of the Concept of Political. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2008, no. 9, pp. 158—171. (In Russian).

6. Mommsen Theodor. *Römische Geschichte*. Bd. 3: Von Sullas Tode bis zur Schlacht von Thapsus. Berlin, Weidmann, 1881.

7. Filippov A. F. Karl Schmitt. Blossoming and Disaster. In Schmitt Carl. *Politische Theologie*. Moscow, Kanon-press-TS, Kuchkovo pole Publ., 2000, pp. 259—314. (In Russian).

8. Filippov A. F. Towards the Political and Legal Philosophy of Space K. Schmitt. In Schmitt Carl. *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus publicum Europaeum*. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2008, pp. 650—652. (In Russian).

9. Chernyakhovskii S. F. And Land and Sea. *Literaturnaya gazeta*, 2014, October 22 (no. 41). (In Russian).

10. Schmitt Carl. *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum*. Berlin, Duncker & Humblot, 1997. 308 S.

11. Schmitt Carl. *Über die drei Arten des rechtswissenschaftlichen Denkens*. Berlin, 1934.

12. Schmitt Carl, Filippov A. F. (Hrsg.). *Der Begriff des Politischen*. Saint Petersburg, Nauka, 2012. 568 S.

13. Schmitt Carl. *Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte: ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht*. Unveränderte Ausgabe der 4., erw. Aufl. Berlin, Leipzig, Dt. Rechtsverlag, 1941. Berlin: Duncker und Humblot, 1991.

14. Ratzenhofer Gustav. *Die Staatswehr. Wissenschaftliche Untersuchung der öffentlichen Wehrangelegenheiten*. Stuttgart, 1881. 332 S.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонов Борис Александрович (Москва) — кандидат юридических наук, доцент кафедры международной безопасности Российского государственного гуманитарного университета (125047, г. Москва, Миусская пл., 6, e-mail: heidel@rambler.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boris Antonov (Moscow) — Cand. of Sci. (Law), Assoc. Professor of the International Security Department, the Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047, e-mail: heidel@rambler.ru).

УДК 340.13

Ю. А. Герасименко

*Ростовский государственный
экономический университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6461-0962
ResearcherID: HLH-1838-2023*

**НОРМА-ОГОВОРКА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ:
ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ**

**ИНФОРМАЦИЯ
О СТАТЬЕ**

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 18 — 25.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.2.

Дата поступления 30.01.2023, дата принятия к печати 01.06.2023,
дата онлайн-размещения 26.06.2023.

АННОТАЦИЯ

Автором предпринята попытка расширения знания о специализации законодательства путем изучения юридической природы и сущности такой разновидности правового предписания, как норма-оговорка. На основе совокупности методов и приемов исследования, включая диалектический, формально-юридический подходы, метод интерпретации, автором выдвигается гипотеза о возможности позиционирования нормы-оговорки в качестве самостоятельного вида правового предписания, обладающего акцессорным характером по отношению к основному правилу поведения, и направленного на дополнение и изъятие в правовом регулировании. Используя достижения юридической доктрины, проанализировав имеющиеся взгляды относительно юридической техники правотворчества, опираясь на примеры законодательства и правоприменительной практики, доказываются сущностные признаки нормы-оговорки, позволяющие выделить ее в числе иных специальных правовых норм, установить ее конкретизирующее и детализирующее значение, определить место в числе приемов и средств правового воздействия. В результате предложен авторский вариант дефиниции нормы-оговорки, которая представлена как акцессорный элемент правового регулирования, применяемый в совокупности с основным юридическим установлением, дополняя, конкретизируя его положение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Норма права; норма-оговорка; юридическая техника; правотворчество.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Герасименко Ю. А. Норма-оговорка в российском законодательстве: понятие и сущность // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 18 — 25. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.2.

NORM-CLAUSE IN RUSSIAN LEGISLATION: CONCEPT AND ESSENCE

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2023, no. 2, pp. 18 – 25.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.2.
Received 30.01.2023, accepted 01.06.2023, available online
26.06.2023.

ABSTRACT

The author has made an attempt to expand knowledge about the specialization of legislation by studying the legal nature and essence of such a kind of legal prescription as a norm-clause. On the basis of a set of research methods and techniques, including dialectical, formal-legal approaches, the method of interpretation, the author puts forward a hypothesis about the possibility of positioning the norm-clause as an independent type of legal prescription, having an accessory character in relation to the basic rule of conduct, and aimed at supplementing and withdrawing in legal regulation. The author pointed out the essential features of the norm-clause, using the achievements of legal doctrine, analyzing the existing views on the legal technique of law-making and relying on examples of legislation and law enforcement practice. These signs make it possible to single out a norm-clause among other special legal norms, to establish its concretizing and detailing meaning, to determine its place among the methods and means of legal influence. As a result, the author's version of the definition of the norm-clause is proposed, which is presented as an accessory element of legal regulation applied in conjunction with the main legal establishment, supplementing, specifying its provision.

KEYWORDS

Norm of law; norm-clause; legal technique; law-making.

FOR CITATION

Gerasimenko Yu. A. Norm-clause in Russian Legislation: Concept and Essence. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 2, pp. 18 – 25. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.2.

Юридические нормы, находясь в фокусе ключевых проблем правоведения, эволюционировали на протяжении всего периода их исследования. Менялись подходы к их рассмотрению, в том числе как через призму определения их места в кругу иных социальных норм (политических, религиозных, технических и иных), так и соотношения со специальными их разновидностями (исключениями, дополнениями, отсылками и пр.). При этом особые средства фиксации правил поведения зачастую рассматривались как компоненты правового воздействия, но не относились непосредственно к типам и видам правовых предписаний, регулирующих отношения в обществе.

Тем не менее, появление и последующее активное использование в нормах законодательства уточнений, дополнений, корректировок, изъятий, предусматривающих иной, отличный от общеустановленного правовой порядок, актуализировало обращение ученого сообщества к проблематике оговорок в целом, и норм-оговорок – в частности. Интересным в этой связи выступает рассмотрение природы нормы-оговорки, с учетом соотнесения ее с основополагающими качествами нормы права, которая должна иметь характер общеобязательности, строгой определенности, стабильности и пр.

В отечественной правовой мысли одним из первых предложил дефиницию оговорки к актам законодательства И. Д. Шутак. Автор

считает, что это «социально-обусловленное, имеющее специальную нормативно-лексическую форму условия (заявление, положение), которое частично изменяет содержание или объем действия нормы закона, создает новый правовой режим, выступает формой согласования интересов и порождает определенные правовые последствия» [13, с. 10]. Принимая во внимание, что И. Д. Шутак выступил новатором исследования данного сложного юридического феномена, сам по себе факт формулирования дефиниции не может не вызывать позитивной реакции. Однако содержательная составляющая этой дефиниции, полагаем, может быть уточнена по нескольким основаниям.

Первое что обращает на себя внимание — это позиционирование оговорки как условия изменения нормы права. В таком контексте она сама должна выступать либо частью данного правового предписания (например, диспозицией), либо полностью являться неким альтернативным правилом поведения. Полагаем, что воспринимать все оговорки в законодательстве исключительно в качестве особенных диспозиций было бы неправильным, поскольку законодательные акты содержат немало оговорок-принципов¹, оговорок-наименований статей²,

¹ К примеру, «принцип общего (совокупного) покрытия расходов бюджетов означает, что расходы бюджета не могут быть увязаны с определенными доходами бюджета и источниками финансирования дефицита бюджета, если иное не предусмотрено законом (решением) о бюджете в части, касающейся: субвенций и субсидий, полученных из других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» — статья 35 Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ в редакции от 28 декабря 2022 года (Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823; 2022. № 48. Ст. 8315).

² См., например: статья 15.39 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ в редакции от 24 ноября 2022 года «Нарушение требований законодательства Российской Федерации в части открытия в кредитной организации банковского счета и аккредитива, заключения договора банковского вклада (депозита) хозяйственным обществом и федеральным унитарным предприятием, имеющим стратегическое значение для оборонно-промышленного комплекса и безопасности Российской Федерации, открытия банковского и иного счета в кредитной организации, заключения договора банковского вклада (депозита) государственной корпорацией, государственной компанией и публично-правовой компанией, заключения договора банковского вклада (депозита) с Федеральным казначейством, государственными внебюджетными фондами (территориальными фондами обязательного медицинского страхования)» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1; 2022. № 45. Ст. 7656).

и даже оговорок-наименований нормативных правовых актов³.

Второй аспект, который обратил на себя наше внимание в высказывании И. Д. Шутака, обусловлен позиционированием оговорки в качестве средства создания нового правового режима. Правовой режим, в нашем понимании⁴, тем более новый, должен отличаться от существующего порядка регулирования общественных отношений несколькими фундаментальными условиями. Во-первых, кардинально иным, и при этом сочетающимся набором используемых средств, методов и технологий правового регулирования. Так, сочетание юридических средств как признак правового режима обоснован в работе профессоров Н. И. Матузова и А. В. Малько [4, с. 17 – 18]. Норма-оговорка, хотя и содержит в себе изъятие и (или) дополнение, но все же опирается на базовое предписание, реализуется в рамках установленного порядка. Во-вторых, правовой режим должен быть образован совокупностью норм права (они, по верному выражению Г. С. Беляевой, составляют его основу [2, с. 25]), при этом не только нормами-оговорками, а еще и нормами-принципами, нормами-аксиомами и пр.

Одной из наиболее распространенных точек зрения в отечественной и зарубежной науке [14, 15, 16], является рассмотрение оговорки как элемента юридической техники, без позиционирования в качестве особой нормы права. Так, близким к обозначенной позиции является мнение М. Л. Давыдовой, согласно которому оговорка в праве может рассматриваться в качестве определенной части содержания юридического предписания [11, с. 26]. Профессор А. Г. Репьев пишет о том, что оговорка характеризуется факультативностью и конкретизирующим свойством, имеет нормативно-обязывающий характер, а в качестве ее функций обозначены «дифференциация и индивидуализация правового регулирования, согласование интересов участников правоотношений» [6, с. 25]. Как нами ранее обозначалось, работы, посвященные непосредственно рассмотрению правовых норм, являющихся по своей сути оговорками, крайне редки. Следует в целом признать, что профессора М. Л. Давы-

³ См.: Об укреплении бюджетной дисциплины в части таможенных платежей : Указ Президента Российской Федерации от 18 сент. 1996 г. № 1363 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 39. Ст. 4529.

⁴ При условии, что мы не берем во внимание точку зрения, согласно которой конструкции «правовой режим» и «правовое состояние» являются тождественными. В частности, подобное мнение, например, высказывается в работе Ю. С. Новиковой [5, с. 134].

дова, А. Г. Репьев, И. Д. Шутак также феномен «оговорка» воспринимали в большей степени как технико-юридический прием [13, с. 3]. Это объясняет несколько зауженный характер юридической природы оговорки, которая на наш взгляд:

во-первых, вполне может быть рассмотрена как самостоятельная разновидность специального правового предписания, то есть в качестве вида нормы права;

во-вторых, безусловно имеет больший потенциал, чем только лишь дифференциация и индивидуализация (аналогичной позиции, связывающей правовую оговорку преимущественно с тенденцией дифференциации правового регулирования, придерживается Р. С. Кашанский [3, с. 27 – 28]).

Остановимся более подробно на аргументации выдвинутой гипотезы.

Относительно первого момента, укажем, что для обеспечения конкретизации, детализации правового регулирования, устоявшейся практикой законодательных органов является использование норм-изъятий, норм-дополнений и пр. К примеру, согласно требованиям Федерального закона от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «при подписании электронной подписью пакета электронных документов каждый из электронных документов, входящих в этот пакет, считается подписанным электронной подписью того вида, которой подписан пакет электронных документов»⁵. Однако в тексте этой же статьи присутствует норма-оговорка «исключения составляют случаи, когда в состав пакета электронных документов лицом, подписавшим пакет, включены электронные документы, созданные иными лицами (органами, организациями) и подписанные ими тем видом электронной подписи, который установлен законодательством Российской Федерации для подписания таких документов»⁶.

Подобные разновидности специальных правовых установлений, по мнению А. Г. Репьева, И. Н. Сенякина, А. Ф. Черданцева и других, регулируют не родовые общественные отношения, а видовые, то есть более узкие [7, с. 50 – 53; 9, с. 43; 12, с. 128]. Вместе с тем, участвуя в правовом регулировании, они устанавливают сферу действия общих норм, детализируют механизмы регламентации через дополнительные элементы, стороны, которые

входят в подвид общественных отношений. Эту тенденцию подметил еще в советское время С. С. Алексеев, указав, что «развитие специализации права состоит в том, что общие предписания обрастают конкретизирующими положениями, и, таким образом, постепенно формируются самостоятельные правовые общности» [1, с. 111].

Относительно второй части выдвинутой нами гипотезы, убеждены, что потенциал норм-оговорок значительно шире и не ограничивается дифференциацией и индивидуализацией. Нормы-оговорки – полноценный инструмент правового регулирования, посредством которого законодатель реализует и общеохранительное, и общедозволительное правовое воздействие. Подтверждением сказанному служат нормативные правовые акты, в наименовании которых содержатся оговорки. Полагаем, прибегая к такому технико-юридическому варианту формулирования наименования, орган правотворчества показывает, что акт в целом направлен на видовые отношения (вытекающие из родовых), но их регулирование будет проходить в рамках всех имеющихся средств и технологий юридического воздействия. В подобных актах есть место и ограничительному регулированию, и стимулирующему, в нем предусмотрено как правовое поощрение, так и юридическая ответственность. К примеру, постановление Правительства РФ от 22 июня 2006 г. № 390 хотя содержательно и выполнено в рамках детализации, конкретизации родовых общественных отношений (вещевое обеспечение военнослужащих), но по своему функциональному назначению регулирует видовую разновидность данных отношений, а именно – складывающихся в мирное время⁷. При этом, образовавшись как совокупность норм-оговорок (предусматривающих юридические правила исключительно для мирного времени), по своей структуре и наполнению нормативный правовой акт логически непротиворечив, объемлен, содержит соответствующий дефинитивный аппарат, механизм реализации правовых предписаний, гарантии их действия и пр.

Нормам-оговоркам, как видовой разновидности правовых норм, присущи основные

⁵ Об электронной подписи : Федер. закон от 6 апр. 2011 г. № 63-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2036; 2022. № 29. Ст. 5306.

⁶ Там же. Ч. 4 ст. 6.

⁷ См.: О вещевом обеспечении в федеральных органах исполнительной власти и федеральных государственных органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, в мирное время : Постановление Правительства Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 390 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 27. Ст. 2936; 2022. № 15. Ст. 2514.

признаки родового явления, но также и характерны специфические черты. Так, по нашему мнению, существенными качествами норм-оговорок является:

а) их содержанием выступает устоявшаяся лексическая конструкция, служащая сигнализатором для адресата нормативного предписания и указывающая на дальнейшее уточнение, дополнение или изъятие из существующего порядка правового регулирования: «в части, касающейся»⁸, «если иное не предусмотрено законодательством»⁹, «в случае, если»¹⁰, «при наличии уважительных причин»¹¹,

⁸ К примеру, «Виза – выданное (оформленное – в части, касающейся единой электронной визы) уполномоченным государственным органом разрешение на въезд в Российскую Федерацию и пребывание в Российской Федерации или транзитный проезд через территорию Российской Федерации по действительному документу» – абзац 1 ст. 25.1 Федерального закона от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ в редакции от 14 июля 2022 года «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 34. Ст. 4029; 2022. № 29, ч. III. Ст. 5238).

⁹ Так, «социальные налоговые вычеты <...> могут быть предоставлены налогоплательщику до окончания налогового периода на основании его обращения с письменным заявлением к работодателю, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации о налогах и сборах» – абзац 2 ч. 2 ст. 219 Налогового кодекса Российской Федерации (части второй) от 5 августа 2000 года № 117-ФЗ в редакции от 29 декабря 2022 года с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 1 января 2023 года (Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340; Российская газета. 2022. 30 дек.).

¹⁰ См. часть 2 ст. 315 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза в редакции от 29 мая 2019 года (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) (Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://eaeunion.org>).

¹¹ К примеру, «начальник Управления обеспечивает <...> проведение в случае обращения гражданина, претендующего на замещение должности главного финансового уполномоченного, или лица, замещающего указанную должность, беседы с ним, в ходе которой ему должно быть разъяснено, какие сведения, представляемые в соответствии с настоящим Положением, подлежат проверке, – в течение семи рабочих дней со дня обращения, а при наличии уважительной причины – в срок, согласованный с гражданином» – пункт 23 Положения о представлении гражданином, претендующим на замещение должности главного финансового уполномоченного, и лицом, замещающим указанную должность, сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 года № 217 в редакции от 25 апреля 2022 года (Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 20. Ст. 2422; 2022. № 18. Ст. 3053).

«при условии»¹² и многие другие [8, с. 76; 10, с. 35];

– возникновение на основе не только закономерностей развития общества и государства, что определено усложнением общественных отношений и их юридической природой как правил поведения, но и с учетом объективных законов природы, факторов окружающей среды, естественных условий проживания. Так, бурение скважин на основании разработанного рабочего проекта происходит как на основании данных о их назначении, но и с оговоркой – при наличии сведений о «плотности бурового раствора, отличающейся от предусмотренной в рабочем проекте в пределах $\pm 0,3$ г/см³ (кроме случаев ликвидации газонефтеводопроявлений и осложнений)»¹³;

– целью установления норм-оговорок является достижение максимального уровня удовлетворения потребностей субъектов, путем согласования их интересов. К примеру, несмотря на то, что при обнаружении недостатков товара, которые не были «оговорены продавцом», у покупателя имеется возможность соразмерного уменьшения покупной цены, часть 2 ст. 475 Гражданского кодекса Российской Федерации (части второй) предусматривает и норму-оговорку: «в случае существенного нарушения требований к качеству товара <...> покупатель вправе по своему выбору отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар денежной суммы»¹⁴;

– являются акцессорным элементом правового регулирования, поскольку применяются лишь в совокупности с основными (базовыми) юридическими установлениями, при отсутствии которых теряют свое регулятивное свойство. В этом проявляется служебная роль норм-оговорок, поскольку они

¹² Так, «имущественные налоговые вычеты <...> могут быть предоставлены налогоплательщику <...> при условии представления налоговым органом налогового агенту подтверждения права налогоплательщика на получение имущественных налоговых вычетов» – часть 8 ст. 220 Налогового кодекса Российской Федерации (части второй).

¹³ Об утверждении федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила безопасности в нефтяной и газовой промышленности»: Приказ Ростехнадзора от 15 дек. 2020 г. № 534 (в ред. от 19 янв. 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г., с изм. от 8 июля 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 янв. 2022 г.), ч. 2 ст. 475 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410; 2021. № 27. Ст. 5123.

воздействуют на общественные отношения в совокупности с иными (в первую очередь с генеральными) предписаниями, дополняя, конкретизируя их положения. Это может происходить и путем уточнения круга регулируемых отношений, и корректируя условия действия базового предписания, и устанавливая изъятия относительно отдельных субъектов, подпадающих под действие базовой нормы и пр. К примеру, потерпевшему, в рамках расследования возбужденного уголовного дела разрешается «знакомиться по окончании предварительного расследования, в том числе в случае прекращения уголовного дела, со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств»¹⁵. Однако «в случае, если в уголовном деле участвует несколько потерпевших, каждый из них вправе знакомиться с теми материалами уголовного дела, которые касаются вреда, причиненного данному потерпевшему»¹⁶;

— взаимодействуют с иными технико-юридическими средствами и приемами правового регулирования (отсылками, ссылками, примечаниями и пр.), нередко приобретаю юридическую оболочку последних. Так, норма-оговорка, регламентирующая порядок отбывания наказания в местах лишения свободы, сопряжена с положениями иной статьи нормативного правового акта и поэтому

выполнена в виде отсылочного предписания: «порядок отбывания наказания осужденных в обычных, облегченных и строгих условиях в части, касающейся расходования средств на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, количества и вида свиданий, количества посылок, передач и бандеролей, определяется статьей 125 настоящего Кодекса»¹⁷;

— характеризуются особым набором средств и способов, направленных на осуществление и реализацию нормы-оговорки, образующих в конечном итоге полноценную систему организационно-правовых мероприятий. К примеру, «для удостоверения иных не предусмотренных настоящей статьей обстоятельств оформляются акты общей формы и другие акты. Порядок составления актов определяется правилами перевозок грузов железнодорожным транспортом, правилами перевозок»¹⁸. Речь может идти об оформлении документов, касающихся оформления нарушений грузоперевозок, либо выполнения данной работы не на должном уровне.

В свете сказанного, норма-оговорка может быть определена как разновидность нормативного предписания, являющаяся следствием специализации правил поведения, закрепляющая изъятия и (или) дополнения в правовом регулировании, а также конкретизирующая и детализирующая данный процесс, путем установления связи узкого (агрессного) предписания с генеральной нормой поведения.

¹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года №174-ФЗ (ред. от 21 нояб. 2022 г.), п. 12 ч. 2 ст. 42 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921; 2022. № 48. Ст. 8314.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 29 дек. 2022 г.), ч. 6 ст. 127 // Там же. 1997. № 2. Ст. 198; Российская газета. 2023. 9 янв.

¹⁸ Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации : Федер. закон от 10 янв. 2003 г. № 18-ФЗ (ред. от 11 июня 2022 г.), абз. 16 ст. 119 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст. 170; 2022. № 24. Ст. 3938.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев С. С. Структура советского права. — Москва : Юридическая литература, 1975. — 263 с.
2. Беляева Г. С. Правовой режим в общетеоретическом измерении : монография. — Москва : Юрлитинформ, 2013. — 240 с.
3. Кашанский Р. С. Толкование правовых оговорок (общетеоретический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Саратов, 2021. — 181 с.
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Известия ВУЗов. Правоведение. — 1996. — № 1. — С. 16 — 29.
5. Новикова Ю. С. Правовое состояние и правовой режим: вопросы разграничения понятий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2006. — № 13 (68-2). — С. 131 — 135.
6. Репьев А. Г. Конкретизация правовой нормы посредством технико-юридической оговорки (на примере словосочетания «в случае») // Журнал российского права. — 2021. — Т. 25, № 10. — С. 20 — 34.
7. Репьев А. Г., Репьева А. М. Спецификация правовых норм как тенденция правотворчества (на примере уголовно-исполнительного законодательства) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2021. — № 2 (54). — С. 49 — 55.
8. Репьев А. Г. Технико-юридическая лексема «исключительный случай» в российском законодательстве и правоприменительной практике // Юристы-Правоведы. — 2022. — № 4. — С. 75 — 78.
9. Сенякин И. Н. Специальные нормы советского права / ред. М. И. Байтин. — Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1987. — 97 с.
10. Суменков С. Ю. Законодательная оговорка как доминантный способ закрепления исключений из правил // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2017. — № 6 (119). — С. 30 — 36.
11. Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку : монография / ред. А. В. Аверин, М. Л. Давыдова. — Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2022. — 242 с.
12. Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. — Свердловск : Изд-во Свердловского юридического института, 1972. — 19 с.
13. Шутак И. Д. Оговорки в законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Санкт-Петербург, 1994. — 16 с.
14. Millard E. Constitutional interpretation as norm creation // Legal Concept. — 2017. — Vol. 16, № 4. — P. 8 — 16.
15. Lorenzo S. The Russian arbitration reform: between lights and shadows // Russian Law Journal. — 2020. — Vol. 8, № 2. — P. 79 — 103.
16. Sirzén F. Treaty of Versailles 1919, article 231 — the German guilt clause // История: факты и символы. — 2020. — № 1 (22). — P. 149 — 152.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. *Struktura sovetskogo prava* [Structure of Soviet Law]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1975. 263 p.
2. Belyaeva G. S. *Pravovoi rezhim v obshcheteoreticheskom izmerenii* [Legal Regime in a General Theoretical Dimension]. Moscow, Yurilitinform Publ., 2013. 240 p.
3. Kashanskii R. S. *Tolkovanie pravovykh ogovороk (obshcheteoreticheskii aspekt). Kand. Diss.* [Interpretation of Legal Reservations (General Theoretical Aspect. Cand. Diss.]. Saratov, 2021. 181 p.
4. Matuzov N. I., Malko A. V. Legal Regimes: Issues of Theory and Practice. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Establishments*, 1996, no. 1, pp. 16 — 29. (In Russian).
5. Novikova Yu. S. Legal Status and Legal Regime: Issues of Delimitation. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series Law*, 2006, no. 13 (68-2), pp. 131 — 135. (In Russian).
6. Repev A. G. Concretization of the law through a technical and legal clause (using the phrase "in case"). *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2021, vol. 25, no. 10, pp. 20 — 34. (In Russian).
7. Repev A. G., Repeva A. M. Specification of legal norms as a trend of law-making (on the example of penal law). *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 2 (54), pp. 49 — 55. (In Russian).
8. Repev A. G. Technical-legal lexeme "exceptional case" in the Russian legislation and law-enforcement practice. *Yurist-Pravoved*, 2022, no. 4, pp. 75 — 78. (In Russian).
9. Senyakin I. N., Baitin M. I. *Spetsialnye normy sovetskogo prava*. [Special Soviet Law]. Saratov State University Publ., 1987. 97 p.
10. Sumenkov S. Yu. Legislative reservation as a prevalent method to fix exceptions to the rule. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Academy of Law Bulletin*, 2017, no. 6 (119), pp. 30 — 36. (In Russian).
11. Aверин А. В., Давыдова М. Л. (eds). *Teoriya i metateoriya yuridicheskoi tekhniki: ot pravosoznaniya k pravoporyadku* [Theory and Metatheory of Legal Techniques: From Legal Awareness to the Rule of Law].

Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2022. 242 p.

12. Cherdantsev A. F. *Voprosy tolkovaniya sovetskogo prava* [Questions of Interpretation of Soviet Law]. Sverdlovsk State Law Institute Publ., 1972. 19 p.

13. Shutak I. D. *Ogovorki v zakonodatelstve. Avtoref. Kand. Diss.* [Norms-clause in the Legislation. Cand. Diss. Thesis]. Saint-Petersburg, 1994. 16 p.

14. Millard E. Constitutional interpretation as norm creation. *Legal Concept*, 2017, vol. 16, no. 4, pp. 8 – 16.

15. Lorenzo S. The Russian arbitration reform: between lights and shadows. *Russian Law Journal*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 79 – 103.

16. Sirzén F. Treaty of Versailles 1919, article 231 – the German guilt clause. *Istoriya: fakty i simvoly = History: facts and symbols*, 2020, no. 1 (22), pp. 149 – 152.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Герасименко Юлия Андреевна (Ростов-на-Дону) – аспирантка кафедры теории и истории государства и права Ростовского государственного экономического университета (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69, e-mail: julia.tsikolenko@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gerasimenko, Julia A. (Rostov-on-Don) – Postgraduate Student of the Theory and History of State and Law Department, Rostov State University of Economics (69 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russia, e-mail: julia.tsikolenko@mail.ru).

УДК 340.1

О. В. Котарева

*Белгородский юридический
институт МВД России имени И. Д. Путилина,
Белгород, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-0548-3959
ResearcherID: HLQ-2446-2023*

ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕАМБУЛЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ МВД РОССИИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 26—34.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.3.

Дата поступления 06.02.2023, дата принятия к печати 01.06.2023,
дата онлайн-размещения 26.06.2023.

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены технико-юридические особенности использования преамбулы в нормативных правовых актах. Актуальность темы заключается в неоправданном умалении, как со стороны законодателя, так и со стороны научного сообщества, значения преамбулы в структуре нормативного правового акта. Незначительный объем положений преамбулы имеет огромное технико-юридическое, культурно-воспитательное значение, определяет дальнейшую мыслительную деятельность субъекта, способствует повышению уровня правосознания и правовой культуры, выступает средством правового воспитания. Мотивационный характер преамбулы предопределяет вектор не только нормотворческой и правоприменительной, но и интерпретационной деятельности. Проведенное исследование позволило выявить следующие технико-юридические особенности оформления вступительной части нормативных правовых актов: 1) отсутствие в правилах подготовки проектов нормативных правовых актов различного уровня императивности включения преамбулы в структуру документа; 2) законодательное закрепление положения о том, что преамбула не обладает свойством нормативности; 3) отсутствие среди элементов вступительной части мотивов ее принятия. Императивное положение о наличии преамбулы в структуре нормативных правовых актов, имеющих высшую юридическую силу, а также указание в преамбуле мотивов издания акта, представляется теоретически назревшим и практически оправданным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Преамбула; вступительная часть; прием юридической техники; средство юридической техники; правило юридической техники.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Котарева О. В. Юрико-технические особенности преамбулы нормативных правовых актов МВД России // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 26—34. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.3.

LEGAL AND TECHNICAL FEATURES OF THE PREAMBLE OF NORMATIVE LEGAL ACTS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2023, no. 2, pp. 26 – 34.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.3.
Received 06.02.2023, accepted 01.06.2023, available online
26.06.2023.

ABSTRACT

The article discusses the technical and legal features of the use of the preamble in regulatory legal acts. The relevance of the topic lies in the unjustified belittling, both by the legislator and by the scientific community, of the meaning of the preamble in the structure of the normative legal act. The insignificant volume of the provisions of the preamble has a huge technical, legal, cultural and educational significance, determines the further mental activity of the subject, contributes to raising the level of legal awareness and legal culture, acts as a means of legal education. The motivational nature of the preamble determines the vector of not only normative and law enforcement, but also interpretative activity. The conducted research made it possible to identify the following technical and legal features of the design of the introductory part of regulatory legal acts: 1) the absence in the rules for the preparation of draft normative legal acts of various levels of imperative inclusion of the preamble in the structure of the document; 2) legislative consolidation of the provision that the preamble does not have the property of normativity; 3) the absence of motives for its adoption among the elements of the introductory part. The imperative provision on the presence of a preamble in the structure of normative legal acts having the highest legal force, as well as the indication in the preamble of the motives for issuing the act, seems theoretically overdue and practically justified.

KEYWORDS

Preamble; introductory part; reception of legal technique; means of legal technique; rules of legal technique.

FOR CITATION

Kotareva O. V. Legal and Technical Features of the Preamble of Normative Legal Acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 2, pp. 26 – 34. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.3.

Название преамбулы как структурной единицы нормативного правового акта исходит от лат. *praeambulus* — идущий впереди, предшествующий. Законодатель использует дефиниции «преамбула» и «вступительная часть» как синонимы (... вступительная часть (преамбула)¹, преамбула (введение))².

Обращаясь к истории, впервые упоминание о преамбуле можно встретить в древнеримском государстве и праве. «*Vonum factum!* — так благословлялись на благо и счастье различные документы.

В преамбуле обычно содержится описание мотивов принятия нормативного акта, его задач и целей. Наличие в преамбуле указанных структурных элементов позволяет познать обычному гражданину и правоприменителю истинный смысл нормативного акта, способствует добровольной реализации документа. Однако законодатель необоснованно недооценивает значение преамбулы, указывая на ее наличие лишь «в случае необходимости», придавая ей тем самым диспозитивный характер.

Значение преамбулы как структурного элемента нормативного правового акта трудно переоценить. Преамбула имеет огромное воспитательное [20, с. 355], идеологическое [18, с. 276], концептуально-мировоззренческое, культурное, нравственное значение [11, с. 79]. Наличие преамбулы способствует определению вектора не только нормотворческой и правоприменительной [14, с. 100; 19, с. 129], но и интерпретационной деятельности [4, с. 138; 8, с. 255], определяя дальнейшую мыслительную деятельность субъекта [10, с. 41]. Представляя собой вводную (вступительную) часть правового акта, преамбула способствует повышению уровня правосознания и правовой культуры [6, с. 50], выступает средством правового воспитания.

Достаточно часто в судебной практике при рассмотрении различных категорий дел суды обращаются к толкованию преамбул нормативных правовых актов для уяснения смысла требований основного текста³. Не-

смотря на кажущуюся очевидность необходимости преамбулы, современное законодательство практически не использует этот структурный элемент нормативного правового акта. Исключение составляют конституции государств и международные нормативные правовые акты.

Среди представителей научного сообщества также не существует единого подхода относительно применения преамбулы. Возможно, это связано с недостаточностью монографического исследования, отсутствия *единых* выработанных методических рекомендаций относительно ее использования. Так, Т. В. Кашанина указывает на желательность помещения хотя бы кратной преамбулы для придания правовому акту убедительности и обоснованности [15, с. 116].

В юридической литературе также отсутствует единство подходов относительно самой сущности преамбулы. Так, А. Н. Маремкулов и А. М. Ивазов определяют преамбулу как «элемент юридической техники» [17, с. 382—388], Д. И. Артемова рассматривает использование преамбулы как «правила законодательной техники» [1, с. 28—29]. Т. Е. Зяблова, Т. А. Стрельникова [13, с. 125], Е. В. Корейво [16] определяют преамбулу одним из распространенных «средств юридической техники». По мнению Е. Н. Шведа, формирование преамбулы относится к приемам юридической техники [21, с. 108]. А некоторые представители научного сообщества в одной и той же работе рассматривают преамбулу сначала как «средство», а затем как «прием юридической техники» [16, с. 2—5], или же поочередно используют категории «средство», «правило» и «прием юридической техники» [5, с. 5—8].

Возможность включения преамбулы (ст. 2) в структуру законопроекта в качестве самостоятельной, но не обязательной части документа предусматривают «Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов (редакция 2021 года)»⁴, называя в качестве составляющих преамбулы лишь цели и задачи. Возможно, именно эта формулировка порождает столь обширные научные дискуссии относительно необходимых элементов преамбулы. Так, абсолютное большинство ученых [7, с. 22] высказываются за необходимость наличия в преамбуле помимо целей и задач, мотивов ее принятия. В то время как В. М. Баранов [2, 3], напротив, настаивает на законодатель-

¹ Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России : Приказ МВД России от 27 июня 2003 г. № 484 // СПС «КонсультантПлюс».

² Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов (ред. 2021 г.) : утв. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

³ Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Москва, 2000. Т. 1. С. 532—540 ; Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское изд., 2007. № 12.

⁴ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_379680 (дата обращения: 10.03. 2022).

ном закреплении последовательно размещаемых шести обязательных элементов преамбулы (предмет регуляции документа, цель нормативного правового акта, сфера действия, принципы регламентируемой деятельности, система используемых в акте дефиниций, нормативные ссылки), среди которых мотивы приятия не значатся.

Разъяснения Минюста России указывают, что в обязательном порядке преамбула нормативного акта должна включать указание на конкретный акт, в соответствии с которым он принимается. Мотивы и цели подлежат включению при необходимости и в кратком виде. Далее приводится так называемый образец оформления преамбулы: «В целях приведения правовой базы в соответствие с законодательством Российской Федерации ...»⁵, наглядно демонстрирующий привычное отсутствие мотивов издания акта.

Еще один часто используемый в законодательстве вариант изложения преамбулы выглядит следующим образом — в проекте дается преамбула, если необходимо разъяснить цели и мотивы принятия акта. Однако отсутствуют указания относительно того, кому требуется такое разъяснение⁶.

Анализ указанных нормативных правовых актов содержит еще одну особенность, в отношении которой сходны все акты, определяющие технико-юридические особенности оформления вступительной части — это отсутствие нормативности ее предписаний. Однако анализ судебной практики (при формулировании своей позиции Конституционный Суд РФ неоднократно ссылается на преамбулы) и многочисленных юридических исследований свидетельствуют о дискуссионности этого положения. Так, А. С. Пиголкин и А. В. Мицкевич солидарны с законодателем в вопросе отсутствия нормативности в преамбуле. Однако, большинство юристов (В. М. Баранов [2], Ю. А. Дмитриева [9, с. 35 — 38], напротив, наделяют положения преамбулы возможностью выступать регулятором общественных отношений.

⁵ Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации : Приказ Минюста России от 23 апр. 2020 г. № 105 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 27.04.2020.

⁶ Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Федеральной службе исполнения наказаний : приказ ФСИН России от 10 авг. 2011 г. № 464 // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 11.

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует отсутствие в действующем законодательстве императивного правила о необходимости включения в структуру нормативного правового акта преамбулы. Что касается мотива, то его наличие в преамбуле прямо предусмотрено только нормами ведомственного правотворчества.

Определенную специфику технико-юридического оформления вступительной части можно выявить в ходе анализа нормативных актов МВД России.

Правовую основу организации правовой работы и делопроизводства в системе МВД России составляют Приказ МВД России от 27 июня 2003 г. № 484 «Об утверждении правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России» (далее — Приказ № 484) и Приказ МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 «Об утверждении инструкции по делопроизводству в ОВД Российской Федерации» (далее — Приказ № 615)⁷. Несмотря на то, что предмет правового регулирования указанных документов различен, они содержат правовые коллизии оформления отдельных реквизитов правовых документов.

Перечень документов, который в процессе своей деятельности издают органы внутренних дел, определен исчерпывающим образом в пункте 18 Инструкции и расширительному толкованию не подлежит. Правовое регулирование основных вопросов организации и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации осуществляется посредством издания приказов.

Анализ ведомственных нормативных правовых актов МВД России за последнее десятилетие наглядно демонстрирует следующее.

Во-первых, пункт 54-55 Приказа № 484 определяет, что ведомственные приказы классически состоят из вступительной (при необходимости обоснования) и распорядительной (приказной) части. При наличии вступительной части в ней указываются цели, мотивы и основания издания приказа. Действительно, изучение правовых актов МВД России свидетельствует о том, что все приказы МВД России оснащены преамбулой.

Во-вторых, одной из юридико-технических особенностей оформления приказов в системе МВД России является то, что вступи-

⁷ Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации : Приказ МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 // СПС «КонсультантПлюс».

тельная часть документа никогда не содержит наименования «преамбула».

В-третьих, к юридико-техническим особенностям нормативных правовых актов МВД России относится и то, что вступительная и распорядительная части документа должны быть наглядно отделены друг от друга. Об этом свидетельствует образец приказа МВД России, который содержится в первом приложении к приказу МВД России № 484. В нем графически демонстрируется, что между текстом преамбулы и приказной частью акта с новой строки, заглавными буквами вразрядку (с двумя машинописными интервалами), с учетом равнения по центру должно располагаться слово «ПРИКАЗЫВАЮ».

В-четвертых, по своей структуре, вступительная часть ведомственных нормативных правовых актов должны содержать следующие элементы: цели, мотивы и основания издания акта.

Однако проведенное исследование преамбул показывает нарушение предусмотренной законодательством структуры вступительной части документов, а именно полное отсутствие мотивов издания актов. Цели либо основания издания, напротив, находят отражение во всех приказах МВД России посредством использования следующих законодательных формулировок: «В целях реализации (совершенствования⁸, приведения) ...», «В соответствии со ст ...⁹ (с Федеральным законом) ...»¹⁰, «Во исполнение ...». Анализ преамбулы основополагающего ведомственного нормативного правового акта, который определяет правила подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России (Приказ № 484), также не содержит в структуре вступительной части ни мотивов, ни оснований издания акта, определяя лишь цели документа: «В целях совершенствования правовой работы в системе МВД России и повышения ее эффективности приказываю:» Приказ № 615 также в преамбуле содержит указание толь-

ко на цель документа — совершенствование делопроизводства в органах внутренних дел Российской Федерации. То есть образцовые акты, начиная со вступительной части документа, образцовыми не являются. Указанная специфика формулировок вступительной части документов предопределяет наличие следующей особенности.

В-пятых, утвержденная Приказом № 615 Инструкция определяет особенности оформления служебных писем в системе МВД. Согласно пункту 28.19. «Текст документа», служебные письма могут содержать в своей структуре вступительную фразу, которая содержит предложение, включающее благодарность адресату, а также пояснение мотивов, целей и просьб служебного письма. В такой преамбуле в качестве юридико-технического приема используются фразеологические формулы подтверждения, обоснования действия, предложения, благодарности и другие (например, подтверждение: Ваше письмо от ... №... получено»¹¹.

В-шестых, большинство преамбул приказов МВД России, начинающихся со слов «В соответствии с ...» далее содержат указание на пункт статьи федерального закона, положения или иного нормативного правового акта, во исполнение которого принимается приказ и сноска(и) на источник(и) его опубликования. Такую особенность вряд ли стоит признать верным решением, поскольку постоянно изменяющееся законодательство неизбежно приводит к необходимости внесения изменений в преамбулы. Так, большинство преамбул приказов МВД России сегодня находятся в измененной редакции (например, преамбула в ред. приказа МВД России от 29 марта 2013 № 178Дсп).

Проведенный анализ нормативных правовых актов, регламентирующих правовую основу деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, свидетельствует об отсутствии «образцовых» преамбул. Среди федеральных законов прослеживается тенденция либо полного отсутствия вступительной части¹², либо признание преамбулы утра-

⁸ Об утверждении правил и норм снабжения имуществом, снаряжением и предметами ухода для содержания, дрессировки и применения служебных животных в органах внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 27 дек. 2019 г. № 979 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ О некоторых вопросах обработки персональных данных в МВД России: Приказ МВД России от 13 янв. 2020 г. № 3 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 17.02.2020.

¹⁰ Об утверждении Порядка формирования кадровых резервов Министерства внутренних дел Российской Федерации, его территориальных органов и подразделений: Приказ МВД России от 12 янв. 2021 г. № 5 // Там же.

¹¹ Приказ МВД России от 20 июня 2012 г. № 615.

¹² О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49, ч. 1. Ст. 7020; О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 19 июля 2011 г. № 47-ФЗ // Там же. 2011. № 30, ч. 1. Ст. 4595.

тившей силу в новой редакции нормативного правового акта¹³. А имеющиеся преамбулы содержат немногочисленные однотипные формулировки, такие как «Настоящим Федеральным законом устанавливаются...»,¹⁴ не содержащие ни мотивов, ни целей издания.

Анализ подзаконных правовых актов, издаваемых в виде постановлений Правительства Российской Федерации и указов Президента Российской Федерации, также наглядно демонстрирует наличие преамбулы с формулировками «Во исполнение...»¹⁵, «В соответствии...»¹⁶, «В целях ...»¹⁷ или вообще «Правительство постановляет...»¹⁸.

¹³ Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации : Федер. закон от 28 марта 199 г. № 52-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.1998. № 13. Ст. 1474.

¹⁴ О знамени Вооруженных Сил Российской Федерации, знамени Военно-Морского Флота, знаменах иных видов Вооруженных Сил Российской Федерации : Федер. закон от 29 дек. 2000 г. № 162-ФЗ // Там же. 2001. № 1, ч. 2. Ст. 14.

¹⁵ Об установлении окладов месячного денежного содержания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 3 нояб. 2011 г. № 878 // Там же. 2011. № 46. Ст. 6504 ; О порядке и условиях присвоения званий «Ветеран военной службы», «Ветеран органов внутренних дел, прокуратуры, юстиции и судов», «Ветеран труда : Распоряжение Президента Российской Федерации от 28 февр. 1995 г. № 105-рп // Российская газета. 1995. 11 марта.

¹⁶ О порядке формирования фонда денежного довольствия сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 6 авг. 2015 г. № 810 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 33. Ст. 4840.

¹⁷ О некоторых вопросах материального обеспечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, откомандированных из Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств : Постановление Правительства Российской Федерации от 12 дек. 2007 г. №857 // Там же. 2007. № 51. Ст. 6369.

¹⁸ Об индексации размера ежемесячной денежной компенсации, установленной частью 1.1 статьи 12 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 18 нояб. 2020 г. № 1873 // Там же. 2020. № 47. Ст.7562.

В качестве примера преамбулы нормативного правового акта, в которой содержится мотив ее принятия, можно привести преамбулу Указа Президента Российской Федерации «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»¹⁹, которая указывает на учащение случаев нарушения сотрудниками ... дисциплины, которые вызывают необоснованную реакцию ... умаляют авторитет власти ... и нуждаются в модернизации.

Таким образом, проведенное исследование юридико-технических особенностей оформления преамбулы в нормативных правовых актах различного уровня свидетельствует о недооценимости как законодателем, так и правоприменителем, значения вступительной части правового документа и, как следствие, отсутствие единых требований к ее оформлению и повсеместное отсутствие в своей структуре обстоятельств, послуживших поводом его принятия.

В современной науке и практике недооценивается роль преамбулы в нормативных правовых актах, в то время как она имеет огромное технико-юридическое, культурно-воспитательное и интерпретационное значение. Императивное положение о наличии в преамбуле мотивов издания акта; необходимость использования преамбулы в структуре нормативных правовых актов, имеющих высшую юридическую силу [12, с. 187], также, как и нормативность положений преамбулы, представляется назревшим и практически оправданным.

¹⁹ О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 24 дек. 2009 г. № 1468 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 52, ч. 1. Ст. 6536.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Артемова Д. И. Преамбула устава Пензенской области как сосредоточение достижений общественного развития в формировании гражданского общества // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2018. — № 1 (120). — С. 28–33.
2. Баранов В. М. Преамбула нормативного правового акта (доктрина, практика, техника) : монография. — Москва : Юрлитинформ, 2014. — 248 с.
3. Баранов В. М. Преамбула нормативного правового акта // Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2021. — 648 с.
4. Батюшкина М. В. К вопросу о жанровых особенностях конституционных преамбул // Жанры речи. — 2020. — № 2 (26). — С. 136–145.
5. Болдырев С. Н. Преамбула как прием юридической техники // Юристъ-Правоведъ. — 2014. — № 5 (66). — С. 5–8.
6. Ваганова М. А. Значение преамбулы как структурного элемента нормативного правового акта: историко-правовой аспект // Трансформация права в информационном обществе : материалы III Всероссий. науч.-практ. форума молодых учёных и студентов. — Екатеринбург : Изд-во Уральского государственного юридического университета, 2020. — С. 49–54.
7. Василевич С. Г. Роль и значение преамбулы нормативного правового акта // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2017. — № 2 (38). — С. 19–22.
8. Волков М. С. О преамбуле в международных налоговых договорах // Вопросы российского и международного права. — 2020. — № 7-1. — С. 255–265.
9. Дмитриева Ю. А. О юридическом значении преамбулы // Государство и право. — 2008. — № 12. — С. 35–38.
10. Железняк Н. С. О необходимости корректировки преамбулы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Труды Академии управления МВД России. — 2018. — № 2 (46). — С. 40–45.
11. Зырянов И. А. Моральные основы конституционного строя в преамбуле конституции России: вопросы практического значения // 25 лет Конституции Российской Федерации: тенденции развития и перспективы реализации : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвященной 25-летию Конституции Российской Федерации / ред. М. А. Липчанская. — Саратов : Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2018. — С. 76–82.
12. Зяблова Т. Е., Мамчун В. В. Некоторые аспекты изучения преамбул нормативных правовых актов в российской и польской теории права // Вестник Владимирского юридического института. — 2020. — № 2 (55). — С. 184–191.
13. Зяблова Т. Е., Стрельникова Т. А. Основные проблемы исследования преамбул нормативных правовых актов в российской теории права // Пенитенциальное право: юридическая теория и правоприменительная практика. — 2020. — № 2 (24). — С. 124–128.
14. Ибрагимов К. Х. Актуальность преамбулы Конституции Российской Федерации в контексте проблем коронавирусной пандемии (сравнительно-правовое исследование) // Вестник Комплексного научно-исследовательского института им. Х. И. Ибрагимова Российской академии наук. — 2020. — № 4 (4). — С. 100–109.
15. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. — Москва : Норма : Инфра-М, 2007. — 495 с.
16. Корейво Е. В. Использование преамбул в международном праве // Международное публичное и частное право. — 2010. — № 3. — С. 2–5.
17. Маремкулов А. Н., Ивазов А. М. Преамбула нормативных правовых актов как важнейший элемент юридической технологии (по материалам актов органов российского самодержавия XVIII–XIX вв.) // Системы власти и права автохтонных народов Кавказа, Российской империи, Советов (XVIII–XX вв.): сравнительный анализ : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Нальчик, 18–21 мая 2016 г.) / сост. Д. Ю. Шапсугов. — Нальчик ; Ростов-на-Дону : Альтаир, 2016. — С. 382–388.
18. Тренина Е. Г. Юридическое значение преамбулы Конституции Российской Федерации // Современный ученый. — 2020. — № 6. — С. 276–280.
19. Федоскин Н. Н., Гапонов О. Н. Преамбула Конституции Российской Федерации и ее политико-правовое значение // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. — 2018. — № 1 (2). — С. 127–130.
20. Хачатурова Л. К. Преамбула нормативного правового акта как высокоценное технико-юридическое и культурно-воспитательное средство вузовской подготовки правоведов // Юридическая техника. — 2009. — № 3. — С. 355–364.
21. Швед Е. Н. Типология средств и приемов правотворческой техники // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — № 3 (42). — С. 97–108.

REFERENCES

1. Artemova D. I. Preamble to the charter of the Penza region as the concentration of the social development achievements in the formation of the civil society. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Academy of Law Bulletin*, 2018, no. 1 (120), pp. 28–33. (In Russian).

2. Baranov V. M. *Preambula normativnogo pravovogo akta (doktrina, praktika, tekhnika)* [Preamble to the Normative Legal Act (Doctrine, Practice, Technology)]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 248 p.
3. Baranov V. M. Preamble to the Normative Legal Act. In Baranov V. M. (ed.). *Yuridicheskaya tekhnika* [Juridical Techniques]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 648 p. (In Russian).
4. Batyushkina M. V. To the question of genre features of preambles to constitutions. *Zhanry rechi = Speech Genres*, 2020, no. 2 (26), pp. 136 – 145. (In Russian).
5. Boldyrev S. N. Preamble as a way of legal techniques. *Jurist-Pravoved*, 2014, no. 5 (66), pp. 5 – 8. (In Russian).
6. Vaganova M. A. The Meaning of the Preamble as a Structural Element of a Normative Legal Act. Historical And Legal Aspect. *Transformatsiya prava v informatsionnom obshchestve. Materialy 3-go Vserossiiskogo nauchno-prakticheskogo foruma molodykh uchenykh i studentov* [Transformation of Law in the Information Society. Materials of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Forum of Young Scientists and Students]. Yekaterinburg, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev Publ., 2020, pp. 49 – 54. (In Russian).
7. Vasilevich S G. Role and meaning of the preamble of the normative legal act for provision of sistematic character of legal regulation. *Yuridicheskaya nauka i praktika: vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal science and practical: Journal of Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2017, no. 2 (38), pp. 19 – 22. (In Russian).
8. Volkov M. S. About the preamble of the double tax treaties. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and international law*, 2020, no. 7-1, pp. 255 – 265. (In Russian).
9. Dmitrieva Yu. A. On the Legal Meaning of the Preamble. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2008, no. 12, pp. 35 – 38. (In Russian).
10. Zheleznyak N. S. To the Issue About Correction of the Federal Law's Preamble «About Operative and Investigative Activity». *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the management academy of the Ministry of interior of Russia*, 2018, no. 2 (46), pp. 40 – 45. (In Russian).
11. Zyryanov I. A. Moral Foundations of the Constitutional Order in the Preamble to the Russian Constitution: Questions of Practical Significance. *25 let Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii: tendentsii razvitiya i perspektivy realizatsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 25-letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [25 years of the Constitution of the Russian Federation: Development Trends and Prospects for Implementation. Materials of the International Research Conference Devoted to the 25th anniversary of the Constitution of the Russian Federation]. Saratov State Academy of Law Publ., 2018, pp. 76 – 82. (In Russian).
12. Zyablova T. E., Mamchun V. V. Some aspects of studying the preamble of normative legal acts in the Russian and the Polish theory of law. *Vestnik Vladimirsikogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir law institute*, 2020, no. 2 (55), pp. 184 – 191. (In Russian).
13. Zyablova T. E., Strelnikova T. A. The main problems of the study of the preambles normative legal acts in the Russian theory of law. *Penitentsialnoe prava: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika = Penal law: legal theory and law enforcement practices*, 2020, no. 2 (24), pp. 124 – 128. (In Russian).
14. Ibragimov K. Kh. Relevance of the preamble to the Constitution of the Russian Federation in the context of problems coronavirus pandemic (comparative legal research). *Vestnik Kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta imeni Kh. I. Ibragimova Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of KNII RAS. H. I Ibragimova RAS (Bulletin of KNII RAS)*, 2020, no. 4 (4), pp. 100 – 109. (In Russian).
15. Kashanina T. V. *Yuridicheskaya tekhnika* [Juridical Techniques]. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 2007. 495 p.
16. Koreivo E. V. Use of Preambles in International Law. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = Public International and Private International Law*, 2010, no. 3, pp. 2 – 5. (In Russian).
17. Maremkulov A. N., Ivazov A. M. Preamble of Normative Legal Acts as an Important Element of Legal Technology (Based on the Materials of Acts of the Russian Autocracy of the XVIII-XIX Centuries. *Sistemy vlasti i prava avtokhtonnykh narodov Kavkaza, Rossiiskoi imperii, Sovetov (XVIII–XX vv.): sravnitel'nyi analiz. Materialy 6-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Nalchik, 18–21 maya 2016.* [Systems of Power and Rights of the Autochthonous Peoples of the Caucasus, the Russian Empire, the Soviets (18th-20th Centuries): Comparative Analysis. Materials of the 6th International Research Conference, Nalchik, May 18 – 21 2016. Nalchik, Rostov-on-Don, Altair Publ., 2016, pp. 382 – 388. (In Russian).
18. Tronina E. G. Legal significance of the preamble to the Constitution of the Russian Federation. *Sovremenniy Ucheniy = Modern Scientist*, 2020, no. 6, pp. 276 – 280. (In Russian).
19. Fedoskin N. N., Gaponov O. N. Preamble the Russian Federation Constitution and its political and legal significance. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta voisk natsionalnoi gvardii = Vestnik of Saint-Petersburg Military Order Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian federation*, 2018, no. 1 (2), pp. 127 – 130. (In Russian).
20. Khachaturova L. K. The Preamble to the Normative Legal Act as a Highly Valuable Technical-Legal and Cultural-Educational Means of University Training of Legal Scholars. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2009, no. 3, pp. 355 – 364. (In Russian).

21. Shved E. N. Typology of means and receptions of legal technology. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series Law*, 2020, no. 3 (42), pp. 97–108. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Котарева Оксана Валерьевна (Белгород) — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (Бел ЮИ МВД России имени И. Д. Путилина) (308019, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71, e-mail: kotareva_82@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kotareva, Oksana V. (Belgorod) — Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor of the State and Legal Disciplines Department, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin (71 Gorky St., Belgorod, 308019, Russia, e-mail: kotareva_82@mail.ru).

УДК 340.1

Р. В. Червко

*Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5883-6332
ResearcherID: HKN-8206-2023*

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРЕТИКО-ИГРОВЫХ МОДЕЛЕЙ В ПРАВЕ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 35—44.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.4.
Дата поступления 31.01.2023, дата принятия к печати 01.06.2023,
дата онлайн-размещения 26.06.2023.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос о применении моделей теории игр в юриспруденции. Хотя проблема применения междисциплинарных методов в праве в настоящее время является весьма актуальной, в современной российской правовой науке теория игр не получила должного распространения. В отечественной научной литературе имеются преимущественно предпосылки для использования теоретико-игрового подхода в праве, однако дальнейшая разработка идеи о применении теории игр в праве почти не ведется. Автор ставит задачу выделить некоторые теоретико-игровые модели, которые могли бы быть полезны для юриспруденции. В статье дается оценка трем правовым теоретико-игровым моделям. Эти модели были разделены по уровню субъектов-участников правоотношений, что продемонстрировано на примерах. В исследовании также осуществлен поиск судебной практики, в которой можно обнаружить теоретико-игровые элементы. В результате применения теоретико-игровых моделей был проведен анализ правоотношений, где указано, каким образом право может вмешиваться в правоотношения для более эффективного правового регулирования. Обосновано, что модели теории игр полезны для юриспруденции, и использование теоретико-игрового подхода в праве необходимо развивать.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Теория права; теория игр; математические методы; экономический анализ права; правовые методы; правовое регулирование.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Червко Р. В. Применение теоретико-игровых моделей в праве // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 35—44. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.4.

APPLICATION OF GAME-THEORETIC MODELS IN LAW

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2023, no. 2, pp. 35–44.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.4.
Received 31.01.2023, accepted 01.06.2023, available online
26.06.2023.

ABSTRACT

The article deals with the application of game theory models in jurisprudence. Although the problem of the application of interdisciplinary methods in law is currently very relevant, in modern Russian legal science, the theory of games has not received proper distribution. In the domestic scientific literature, there are mainly prerequisites for the use of a game-theoretic approach in law, but there is almost no further development of the idea of applying game theory in law. The author sets the task to identify some game-theoretic models that could be useful for jurisprudence. The article evaluates three legal game-theoretic models. These models were divided by the level of subjects participating in legal relations, which is demonstrated by examples. The study also searches for judicial practice in which game-theoretic elements can be found. As a result of the application of game-theoretic models, an analysis of legal relations was carried out, which indicates how the law can interfere in legal relations for more effective legal regulation. It is proved that game theory models are useful for jurisprudence, and the use of a game-theoretic approach in law needs to be developed.

KEYWORDS

Legal theory; game theory; mathematical methods; economic analysis of law; legal methods; legal regulation.

FOR CITATION

Cherevko R. V. Application of Game-Theoretic Models in Law. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 2, pp. 35–44. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.4.

Введение

Право призвано регулировать общественные отношения, учитывая интересы разных участников этих отношений. Но едва ли можно сказать, что в современной юриспруденции есть действенные способы отразить интересы общества так, чтобы удовлетворить интересы всех членов этого общества. Из-за столкновения противоположных интересов часто возникают конфликты. В математической теории есть интересный подход, который анализирует подобные ситуации. «Теория игр» — это прикладной раздел математики, с помощью которого моделируется поведение нескольких субъектов, когда принятие решения каждого зависит от решений, принимаемых остальными [7, с. 12].

Теория игр может предложить праву методологию принятия решений, имеющих правовые последствия. Это крайне важно, поскольку часто решения принимаются, основываясь не на научных теориях, а на общих представлениях, чувствах, опыте человека. Польза теории игр заключается в возможности анализировать поведение сторон и предугадывать возможный итог взаимодействия. Эти два преимущества теории крайне интересны праву, поскольку это позволит более эффективно регулировать общественные отношения. В частности, зная итоги взаимодействия между игроками, право может вмешиваться и изменять соотношение выигрышей, тем самым сдвигая равновесие в нужную для права сторону.

Основная часть

1. Актуальность применения теоретико-игрового подхода.

Попытка совместить теорию игр и юриспруденцию отвечает современным тенденциям междисциплинарности, которая здесь проявляется через цепочку математика — экономика — право.

С экономикой у права особая связь, которая выделяется в отдельный раздел — экономический анализ права, где с точки зрения экономики строится более рациональное и выгодное правовое регулирование. Р. Познер продемонстрировал, что экономический анализ может быть применен почти ко всем областям права. Концепция рациональности лежит в основе экономической теории, теории игр и далеко не последнее место занимает в юриспруденции. В экономической теории она «подразумевает, что люди реагируют на стимулы, т.е. если внешние условия изменяются таким образом, что индивид может более полно удовлетворить свои потребности путем изменения своего поведения, то он это сделает» [11, с. 4]. Представляется, что экономический анализ права может оказаться связующим звеном между юриспруденцией и теорией игр, проводя в себе те основные идеи (рациональность, полезность...), которые олицетворяют теорию игр.

Теория игр не получила в отечественной правовой науке широкого распространения. Это может быть объяснено тем, что теория игр зародилась и развивалась в основном на западе, в странах англо-саксонского права, где применение теории игр в праве связывалось с экономическим анализом права [4, с. 21]. Применение последнего в странах континентального права затруднялось в связи с особой ролью судебной деятельности, в частности судебного прецедента, который не имеет силу источника права, какую он имеет в системе общего права. При существовании единой модели регулирования, установленной законом, судьбы континентального права не так свободны в применении принципов «экономической эффективности», которые предусматриваются экономическим анализом права.

Как указывает В. М. Сырых, «правовая наука может раскрыть свой предмет лишь при условии изучения политико-правовых явлений в их непосредственных конкретно-исторических условиях, она вынуждена исследовать значительную часть социальных процессов, выступающих объектами других гуманитарных наук: экономической теории, этики, социальной психологии, педагогических наук и др.» [13, с. 41]. Так, например, юристы, опи-

раясь на выводы экономической науки, изучают как будет воплощён экономический закон, и каковы будут последствия введения такого закона.

Г. А. Гаджиев рассматривает связь экономики и права через наличие у них общих предметов, принципов регулирования, например, собственности, экономической свободы [3, с. 16].

А. Г. Карапетов указывает, что «позитивное право всегда находилось и находится под значительным влиянием экономических ... реалий» [9, с. 16], экономический анализ права получает развитие в странах романо-германской правовой семьи, а именно «... в Европе, в особенности в таких странах, как Германия, Голландия, Италия и Скандинавские страны» [9, с. 27].

Поэтому, несмотря на некоторые препятствия, необходимо пытаться выделять сферы использования теоретико-игрового подхода в праве. В рамках настоящей статьи предлагается демонстрация трех разных по уровню правоотношений правовых теоретико-игровых моделей, а также их последующий анализ. Однако, вначале стоит оговорить общий механизм теоретико-игрового подхода.

2. Описание теоретико-игрового анализа.

Теория игр позволяет проанализировать поведение сторон в условиях конфликта и выявить закономерности такого поведения. Закономерности носят названия моделей, одна из самых популярных — «дилемма заключенного». Суть этой модели заключается в том, что в определенных случаях поведение сторон будет тяготеть к эскалации конфликта, к взаимному предательству, и, как итог, к наиболее худшему исходу такого взаимодействия для обеих сторон.

Модели теории игр имеют свое описание. Описание дилеммы заключенных выглядит следующим образом. «В совершении преступления подозреваются двое: А и Б. Есть основания полагать, что они действовали по сговору, и полиция, изолировав их друг от друга, предлагает им одну и ту же сделку: если один свидетельствует против другого, а тот хранит молчание, то первый освобождается, а второй получает максимальный срок лишения свободы (7 лет). Если оба молчат, то они приговариваются к 6 месяцам. Если оба свидетельствуют друг против друга, они получают минимальный срок (по 2 года). Каждый подозреваемый выбирает, молчать ему или свидетельствовать против другого. Однако ни один из них не знает точно, что сделает другой» [10, с. 18]. Игру можно представить в виде таблицы, где сроки заключения и возможность освобождения являются выигрышами игроков.

Любое лишение свободы для игроков несет отрицательный выигрыш, соответственно числовым показателям присвоен отрицательный знак, тогда как освобождение является отсутствием такого выигрыша, т.е. 0.

Закономерностью данной модели является результат взаимного «предательства», т.е. реализация стратегий «дать показания» обоими игроками. В таком случае итог игры будет -2; -2. Этот итог является устойчивым и в ситуациях, аналогично описанной, возникает вероятность именно такого исхода. Связано это с тем, что каждый игрок оптимизирует свой собственный выигрыш, а стратегия «дать показания» является выгодной и отклоняться от такой стратегии ни один из игроков не желает.

Таким образом, с помощью теоретико-игрового подхода возможно выявить мотивацию и конфликт интересов сторон, а также предположительный результат столкновения таких интересов.

Вышеуказанная дилемма заключенных и некоторые другие модели теории игр в итогах взаимодействия имеют крайне негативный итог для всех сторон. Этот негативный итог заключается в лишениях, которые понесут стороны, однако, этих лишений они могли бы избежать, выбрав другие стратегии поведения. Как, например, в дилемме заключенных, если бы игроки выбрали стратегию «молчания», т.е. сотрудничества.

В общем смысле, теоретико-игровой подход может быть применен ко множеству ситуаций, где можно обнаружить столкновение противоположных интересов. Это теоретическая предпосылка, из которой стоит исходить при определении практических направлений использования теории игр в праве.

Одним из вариантов применения на практике теоретико-игровых моделей является наложение отдельно взятой модели на реальную правовую ситуацию. Для этого нужно выделить признаки и теоретико-игровой модели, и характерные черты отдельной взятой реальной ситуации, а затем их сопоставить, как бы наложить признаки модели на эту ситуацию.

3. Рассмотрение трех теоретико-игровых правовых моделей.

Первая модель. Исторически, одним из первых направлений применения теории игр являлось использование модели дилеммы заключенного при иллюстрации международных отношений между двумя государствами [5, с. 91]. Например, в состоянии «гонки вооружений» под стратегиями государства рассматривались наращивание военного потен-

циала и сокращение военного потенциала. Если государство решает потратить доходы на вооружение, то затраты на экономические и социальные институты падают, поэтому такая стратегия считается менее выгодной для государства.

Из-за того, что государственное взаимодействие строится при отсутствии полной информации о намерениях другой стороны, каждое государство считает, что лучше обеспечить наибольшую безопасность. Таковая будет в случае, если этот игрок выбрал стратегию вооружения, а другой — сокращения вооружения. Это приоритетная для них стратегия. Случай, когда ни одно государство не вооружилось — второй по приоритету. Затем, итог, когда вооружились оба. А наихудший вариант развития событий — это когда другой игрок нарастил вооружения, а первый решил не вооружаться (имеется ввиду, что тогда государство остается без защиты и его легко захватить военным путем).

Рассмотрим рассуждения каждой стороны. Если игрок А считает, что В не вооружается, то А лучше вооружиться, тогда получится наилучший результат (А вооружен, а В — нет). Если В все же вооружается, то, чтобы не получить наихудший результат (когда государство не нарастило военный потенциал, а его противник военную мощь увеличил), А тоже вооружается. Рассуждения В абсолютно идентичны. Хотя самый выгодный вариант для обоих государств — не вооружаться, в таком случае сэкономленные денежные средства могут пойти на развитие, например, социальных институтов. Дилемма заключенных в чистом виде.

Наиболее выгодным в рамках такой модели будет взаимная кооперация, то есть договоренность по поводу стратегий. В таком смысле логичными являются международные договоры, которые ограничивают наращивание вооружений, например, международный договор о нераспространении ядерного оружия¹.

Вторая модель. Теория игр применима не только к «глобальным» отношениям, то есть к отношениям в масштабах государств на международной арене, но и к конкретным субъектам права, отдельным личностям, которые вступают в различные правоотношения.

¹ Договор о нераспространении ядерного оружия : одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 года // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 13.10.2022).

Конфликты между участниками правоотношений могут доходить до судебного разбирательства, например, когда две стороны не готовы уступать друг другу, не согласны идти на компромисс. Их противоположные интересы сталкиваются, и редко бывает, что участники такого конфликта остаются удовлетворены итогами судебного разбирательства.

В теории игр модель, которая позволяет описать вышеуказанную ситуацию, формулируется следующим образом: «Если по узкой дороге навстречу друг другу двигаются два автомобиля, то единственный вариант избежать столкновения — свернуть. Согласно условиям такой игры, сделать это нужно как можно ближе к моменту возможного столкновения, чтобы подвинуть противника свернуть, а самому проехать. В результате, тот, кто свернул — проиграл, тот, кто проехал — стал победителем» [6, с. 150]. Эта теоретико-игровая модель отражает ситуацию, где ни один из игроков не хочет уступить другому, надеясь выиграть за счет «трусости» своего оппонента. Таким образом, когда ставки повышаются, но никто не сдаётся, это приводит к тому, что по итогу в проигрыше окажутся все.

Из фабулы можно выделить признаки такой теоретико-игровой модели, то есть такие характеристики, которые в полной мере описывают эту модель. В первую очередь это состояние конфликта, который постепенно нарастает (эскалация); у игроков есть одинаковые стратегии — свернуть или ехать прямо (их возможности равны); каждый из игроков рассчитывает, что другой игрок уступит ему; и последнее — столкновение, как итог взаимодействия — достижение худшего варианта развития событий для сторон.

Как указывает Д. И. Степанов, «такая игра наблюдается в дедлоке, где сторона, запускающая дедлок, надеется, что оппонент в итоге сдастся, и лишь тогда она выйдет победителем. Однако проигрывают оба, когда корпорация останавливает свою деятельность. Обе стороны получают самый худший вариант из всех возможных — ликвидацию корпорации. Тем самым стороны вынуждены двигаться по пути, где нужно поступиться своими требованиями, не допуская излишнего накала конфликта, и в итоге не допустить дедлока под страхом потерять все» [12, с. 74].

Попробуем формализовать данную ситуацию с использованием теоретико-игрового подхода. Для этого в первую очередь необходимо выделить правовые нормы, которые регламентируют указанные отношения, то есть определить существующие «правила игры».

На основании п. 5 ст. 61 ГК РФ любой участник общества может обратиться в суд с требованием о принудительной ликвидации общества, поскольку достижение целей, ради которых создавалось общество, осуществление его деятельности оказалось невозможным или существенно затрудняется². Если противостояние между участниками столь велико, что даже о добровольном прекращении общества они не могут договориться, существует возможность судебного разрешения конфликта. Согласно п. 29 постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой ГК РФ», ликвидация юридического лица в качестве способа разрешения корпоративного конфликта возможна только в том случае, когда все иные меры для разрешения корпоративного конфликта и устранения препятствий для продолжения деятельности юридического лица (исключение участника юридического лица, добровольный выход участника из состава участников юридического лица, избрание нового лица, осуществляющего полномочия единоличного исполнительного органа и т.д.) исчерпаны или их применение невозможно³.

Из вышеуказанного можно выделить ключевые обстоятельства, при наличии которых организация будет ликвидирована, то есть будет достигнут самый худший для обеих сторон результат. Таковыми являются: наличие конфликта; исчерпаны иные меры разрешения конфликта или их применение невозможно (конфликт достиг максимальной точки); у сторон равные возможности в управлении организацией (равные доли); невозможность достижения целей, ради которых создавалось общество; осуществление его деятельности оказалось невозможным или существенно затрудняется.

Если попытаться соотнести эти ключевые обстоятельства с признаками вышеописанной модели теории игр, то можно отметить их схожесть. Попробуем наложить модель теории игр на реальную правовую ситуацию.

Игроки знают, что каждый из них может инициировать судебное разбирательство и понимает, что если он уступит, то другой

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 5 дек. 2022 г.) // Российская газета. 2006. 22 дек.

³ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. 2015. 30 июня.

игрок получит максимально возможный выигрыш. Худший результат — это выигрыши 0; 0 (когда организация ликвидируется), в то время как самый лучший по отдельности для каждого из них это 1; 3 и 3; 1 соответственно (когда один уступает и получает 1, а другой 3). С точки зрения кооперации, если игроки договоятся, они могут получить выигрыши 2; 2. Рассуждения игроков могут выглядеть следующим образом.

Если игрок А подаст исковое заявление в суд, то для игрока В будет выгодно уступить, в таком случае он выиграет 1 (уступка), а не 0 (ликвидация организации). Отклониться от такой пары стратегий невыгодно ни одному из игроков, поскольку в ином случае их выигрыш будет меньше, подобные ситуации называются «равновесием Нэша» [7, с. 21]. В итоге получаются две ситуации, то есть пара итогов с выигрышами 1; 3 и 3; 1 соответственно. Однако, не нужно забывать о признаке эскалации конфликта, когда рациональность сторон снижается и преобладает желание скорее «навредить» другому, вместо того, чтобы пойти на компромисс.

Таким образом, можно предугадать результат взаимодействия. В ситуациях дедлока в организациях стороны будут стремиться усилить конфликт, чтобы побудить другого игрока пойти на уступку. Итогами же могут быть как ситуации, где один из них все же уступает, так и итог, где организация ликвидируется.

Так выглядит теоретико-игровой анализ конфликтной правовой ситуации. Поскольку эти ситуации реальны, то их можно отследить в судебных решениях, где можно обнаружить установленные судом фактические обстоятельства дела, которые указывают на наличие признаков модели теории игр, а разрешение спора судом может являться одним из итогов модели.

Примером такой процедуры ликвидации может являться следующая ситуация. Между обладателями равных долей возник корпоративный конфликт: один из акционеров желал установить единоличный контроль над обществом. В результате работа общества остановилась, оказалось втянутым во множество корпоративных споров. Другой акционер обратился в суд с требованием о ликвидации общества. Суды констатировали наличие в обществе кризиса корпоративных отношений его участников, имеющих равное количество акций (по 50 %), высокую степень недоверия между ними, непреодолимые разногласия в вопросах управления обществом, невозможность продолжения такого управления на кор-

поративных началах. Суд сделал вывод, что ликвидация общества — это единственный способ разрешения возникшего корпоративного конфликта⁴.

В другом деле суд в исковых требованиях отказал⁵. Было установлено следующее. Два участника организации имеют равные доли в уставном капитале, между участниками возник конфликт по вопросу назначения директора общества. Истец настаивал, что общество не способно достигнуть целей, ради которых оно создавалось, а действия другого участника направлены на установления единоличного контроля над обществом. Суд мотивировал отказ тем, что не были исчерпаны иные способы разрешения конфликта: истец не предложил выкупить свою долю другому участнику, и не направил предложение купить долю другого. Интересно, что, не согласившись с решением суда, истец направил апелляционную жалобу, однако затем сам ее отозвал. На момент написания статьи организация продолжает существовать, а изменений в руководителях общества нет, что может указывать на достижение некоторого баланса интересов.

Стоит отметить, что такой способ разрешения конфликта как предложение о выкупе своей доли или выкуп чужой доли может указывать на стремление либо выйти из участников общества, либо стать полноправным владельцем, то есть иметь все 100 % уставного капитала. Если предложения о выкупе своей доли не было, то это указывает на нежелание ликвидировать организацию, поскольку отказываться от прав владения частью уставного капитала сторона не хочет, а значит и прекращать деятельность организации сторона не намерена.

В некоторых решениях суды указывают причину конфликта. В одном из таких дел суд установил, что истец намеренно создал ситуацию, приводящую общество к ликвидации. Суд указал на искусственную природу конфликта, мотивировав тем, что истец стремиться стать мажоритарным акционером общества⁶.

Право в такой ситуации должно не допускать даже начала подобного процесса,

⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 1 сентября 2015 г. № Ф04-20935/2015 по делу № А46-12003/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Арбитражного суда Краснодарского края от 24 февраля 2022 г. по делу № А32-35362/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17 февраля 2022 г. по делу № А60-50481/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

стороны не должны злоупотреблять правом на судебную защиту, с целью запугивания друг друга. Один из игроков будет инициировать судебное разбирательство, если будет достаточно уверен, что другой игрок уступит и что организация ликвидирована не будет (поскольку ликвидация организации рассматривается сторонами как наиболее худший результат). Необходимо создать правило, которое изменит стратегии для игроков. Например, если в законодательстве будет установлен жесткий порядок ликвидации, то есть такой порядок, который будет почти всегда означать ликвидацию организации, то игроку уже будет невыгодно инициировать такой процесс, потому как с большей вероятностью ликвидация случится, а для него этот вариант самый худший. В рамках этой игры подразумевается, что сторона, которая инициирует судебное разбирательство, на самом деле не хочет, чтобы организацию ликвидировали, а наоборот — хочет, чтобы организация функционировала, и именно её интересы, а не других участников, удовлетворялись в большей степени. Однако, такое правило о «жесткой» ликвидации может спровоцировать другую проблему: шантаж ликвидацией. В такой ситуации стороны удовлетворяют уже два варианта: уступка других и ликвидация организации, при этом выигрыши уже будут другими, отличными от вышеописанной модели. В этом проявляется недостаток теории игр: «исправляя» одну проблему, могут возникнуть другие. Но это не означает, что теоретико-игровой подход не стоит применять, скорее, наоборот, возможности теории игр в праве нужно продолжать изучать, формируя новые модели и пути решения подобных проблем.

Третья модель. Если первый рассмотренный случай применения теории игр относится к международным отношениям, второй тяготеет к частным отношениям по управлению организацией, то следующий имеет публичный характер, поскольку описывает коррупционные отношения.

Некоторыми исследователями отмечено, что теория игр может быть использована для построения системы предупреждения правонарушений. Описанная ранее дилемма заключенного подразумевает «предательское отношение» игроков. Как утверждает А. Г. Карапетов, «теория игр и банальный жизненный опыт показывают, что при отсутствии права или иных социальных регуляторов стратегия некооперативного и бесчестного (оппортунистического) поведения в принципе оказывается доминирующей стратегией поведения рационального участника оборота в рамках

одноразового взаимодействия с другими людьми в условиях, когда каждый из участников этого взаимодействия не знает о том, какую стратегию поведения выберет другой» [8, с. 27]. С помощью моделей теории игр можно выявлять подобное оппортунистическое поведение и его предотвращать, изменяя варианты поведения сторон.

Существует точка зрения, что теоретико-игровые модели можно эффективно применять для предотвращения коррупции. Предлагается «по аналогии» использовать программу «сотрудничества со следствием», которая применялась для выявления картельных сговоров. Сама игровая модель формулируется следующим образом. В игре представлено два игрока: импортер, который принимает решение о даче взятки, и таможенник, который решает, взять взятку или нет. Также есть государство, которое является выгодополучателем пошлин. Если импортер решает не давать взятку, то и коррупционных отношений нет, проводятся стандартные процедуры. Если решает дать, то таможенник может взять или отказаться. Предполагается, что выигрыш импортера состоит в разнице между той суммой, которая составляет налог и размером взятки, а выигрыш таможенника складывается из его заработной платы и взятки, которую он получил [2, с. 85]. А. А. Волков и А. Ю. Филатов делают вывод, что изменение выигрышей игроков, то есть добавление экономических стимулов для правомерного поведения, в частности, таможенного инспектора, является эффективным механизмом для предотвращения коррупции.

Описать добавление экономических стимулов можно следующим образом. Предположим такую ситуацию. Игрок импортер ввозит товар, который облагается пошлиной в размере 1000. Заработная плата таможенника составляет 1500. Импортер предлагает взятку в размере 500. Если таможенник ее примет, то выигрыш импортера составит 500, а таможенника 2000. При таких условиях, то есть без вмешательства государства, ситуация будет тяготеть к тому, что таможенник в итоге будет требовать до 99,99 % процентов от пошлины, получая максимально возможный выигрыш, а импортеру ничего не останется как смириться с минимально возможным выигрышем в одну единицу. Для импортера это все равно будет выгоднее: заплатить таможеннику 999, вместо 1000 государству. Но для государства такая ситуация крайне невыгодна.

Г. Беккер в своей работе «Человеческое поведение: экономический подход» исходит из того, что «человек совершает преступление в том случае, если ожидаемая полезность от

этого действия превышает полезность, которую он мог бы получить, используя свои время и средства иным образом» [1, с. 293]. Другими словами, когда выигрыш стороны будет выше, чем издержки на реализацию этой стратегии (данная стратегия будет наиболее выгодной), то игрок будет придерживаться именно этой стратегии.

Право должно стимулировать к правомерному поведению, достичь этого можно, если сделать стратегии «дача взятки» или «принять взятку» невыгодными, то есть такими, которые при их реализации вызовут издержки, превышающие их выигрыш. Первый вариант состоит в построении неотвратимой системы наказания. При такой системе, когда импортер дает взятку, а таможенник принимает ее, их всегда наступает наказание со стороны государства, например, штраф в двукратном размере от пошлины. В таком случае издержки при реализации стратегий дать взятку или принять взятку будут выше, другими словами, эти стратегии станут невыгодными.

Но достичь такой неотвратимости наказания крайне сложно, если вообще возможно. Если в первом случае увеличиваются издержки, которые понесет сторона, и именно из-за этих издержек она не реализует эту стратегию, то во втором случае право делает поведение «не брать взятку» более выгодным, чем стратегия «взять взятку». В законодательстве могут быть закреплены, например, такие правила. Если таможенник не примет взятку и сообщит о предложении ее получить, то государство вознаграждает его, а импортер дополнительно штрафует. Если установить правило, что таможенник получает премию в размере предложенной взятки, то у таможенника будет лишь одна стратегия — всегда сообщать государству о факте коррупции, поскольку он гарантированно получает сумму взятки и при этом избегает наказания. Импортер понимает, что таможенник при любой сумме взятки сообщит о ней, и для импортера единственной выгодной стратегией останется не давать взятку (то есть уплатить пошлину в установленном размере).

Если при первом варианте государство получает выгоду в виде штрафа, но тратится на систему выявления и наказания коррупционных отношений, то во втором случае таких расходов нет, расходы государства состоят в премировании сотрудника таможни, которые покрываются штрафом с импортера.

Заключение

В статье были рассмотрены некоторые теоретические аспекты применения теоре-

тико-игрового подхода, а также приведены практические примеры использования теории игр.

Реальные правовые ситуации возможно формализовать с помощью теоретико-игрового подхода, используя уже существующие в теории игр модели. Польза такой формализации выражается в анализе правоотношений и в выявлении их закономерностей.

Установлено, что для наложения моделей теории игр на реальные ситуации необходимо выделить признаки такой модели и определить существующие особенности конкретного конфликтного взаимодействия. Их совпадение свидетельствует о возможности применения теоретико-игрового подхода к этой ситуации.

Выбор именно рассмотренных в статье трех теоретико-игровых моделей сделан случайно. Выделяя разных субъектов правоотношений по уровню и моделируя их теоретико-игровое взаимодействие, можно сделать вывод о применимости теоретико-игрового подхода к широкому набору ситуаций. Не важно, какого уровня правоотношения: межгосударственные, отношения внутри корпораций или отношения между частными лицами и государством. При успешном наложении моделей теории игр можно предугадывать итоги взаимодействий и, если итог не удовлетворяет, то попытаться его изменить путем правотворчества. Это может выражаться в добавлении или исключении дополнительных обстоятельств (правил поведения), которые могут повлиять на размер выигрышей сторон, тем самым сдвигая равновесие в нужную для права сторону.

Таким образом, игроков можно будет побуждать к реализации тех стратегий поведения, которые полезны для права. В первом рассмотренном в этой статье примере — создать механизмы достижения договоренностей об ограничении вооружений, во втором — предупредить злоупотребление возможностью обратиться в судебные органы с требованием о ликвидации организации, в третьем — предотвратить коррупционные отношения.

Возможности теории игр не ограничиваются описанными в настоящей работе примерами. По моему представлению, в праве есть множество ситуаций, где можно применить теоретико-игровой подход. Поэтому исследование в данной области необходимо продолжать, выявляя новые способы и пути усовершенствования правового регулирования с помощью теории игр.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории : пер. с англ. / сост. Р. И. Капелюшников ; авт. предисл. М. И. Левин. — Москва : ГУ ВШЭ, 2003. — 672 с.
2. Волков А. А., Филатов А. Ю. Теоретико-игровое моделирование коррупционного поведения на таможне // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. — 2022. — № 1. — С. 79–91.
3. Гаджиев Г. А. Право и экономика (методология) : учеб. для магистрантов. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2016. — 256 с.
4. Дегтерев Д. А. Теоретико-игровой подход в праве. — Изд. стереотип. — Москва : ЛЕНАНД, 2016. — 240 с.
5. Дегтерев Д. А. Теоретико-игровой подход в правовых исследованиях // Право и управление. XXI век. — 2013. — № 2 (27). — С. 90–96.
6. Диксит А., Нейлбафф Г. Теория игр. Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни / пер. с англ. Н. Яцюк. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2015. — 605 с.
7. Захаров А. В. Теория игр в общественных науках : учеб. для вузов. — Москва : ИД Высшей школы экономики, 2015. — 304 с.
8. Карапетов А. Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2014. — № 11. — С. 24–80.
9. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. — Москва : Статут, 2016. — 528 с.
10. Кремлев А. Г. Основные понятия теории игр : учеб. пособие. — Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2016. — 144 с.
11. Познер Р. Экономический анализ права / пер. с англ. под ред. В. Л. Тамбовцева. — Санкт-Петербург : Экономическая школа, 2004. — Т. 1. — 541 с.
12. Степанов Д. И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2015. — № 9. — С. 60–113.
13. Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2012. — 464 с.

REFERENCES

1. Becker Cary S. *Human Behavior. Economical Approach*. Moscow, SU HSE Publ., 2003. 672 p.
2. Volkov A. A., Filatov A. Yu. Theoretical and game modeling of corrupt behavior at the customs. *Izvestiya Dalnevostochnogo federalnogo universiteta. Ehkonomika i upravlenie = Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*, 2022, no. 1, pp. 79–91. (In Russian).
3. Gadzhiev G. A. *Pravo i ehkonomika (metodologiya)* [Law and Economics (Methodology)]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2016. 256 p.
4. Degterev D. A. *Teoretiko-igrovoi podkhod v prave* [Theoretical and Gameplay Approach in Law]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 240 p.
5. Degterev D. A. Theoretical-gaming Approach in Legal Research. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Journal of Law and Administration*, 2013, no. 2 (27), pp. 90–96. (In Russian).
6. Dixit Avinash K., Nalebuff Barry J. *The Art of Strategy: A Game Theorist's Guide to Success in Business and Life*. W. W. Norton & Company Publ., 2010. 512 p.
7. Zakharov A. V. *Teoriya igr v obshchestvennykh naukakh* [Game Theory in Social Sciences]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2015. 304 p.
8. Karapetov A. G. Models of Civil Rights Protection: An Economic View. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2014, no. 11, pp. 24–80. (In Russian).
9. Karapetov A. G. *Ehkonomicheskii analiz prava* [Economical Analysis of Law]. Moscow, Statut Publ., 2016. 528 p.
10. Kremlev A. G. *Osnovnye ponyatiya teorii igr* [Basic Concepts of Game Theory]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2016. 144 p.
11. Posner Richard A. *Economic Analysis of Law*. A Division of Aspen, Inc, Awolters Kluwer Company Publ., 1998. 1026 p.
12. Stepanov D. I. Deadlocks in private corporations: A call for reform of legislation and case-law. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2015, no. 9, pp. 62–115. (In Russian).
13. Syrykh V. M. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoi nauki* [History and Methodology of Legal Science]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2012. 464 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Черевко Роман Владимирович (Красноярск) – аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета (660075, Россия, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6, e-mail: cherevkorv@bk.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Cherevko, Roman V. (Krasnoyarsk) – Postgraduate Student of the Theory and History of State and Law Department, the Law Institute of the Siberian Federal University (6 Maerchaka St., Krasnoyarsk, 660075, Russia, e-mail: cherevkorv@bk.ru).

УДК 347.451.031.3

Я. В. Земляченко

*Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
(НИУ «БелГУ»),
Белгород, Российская Федерация
ORCID 0000-0001-7713-1330
Researcher ID: HJH-0378-2022*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕДОСТАТКИ ТОВАРОВ, РАБОТ И УСЛУГ. ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 45 — 53.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.5.

Дата поступления 20.04.2023, дата принятия к печати 01.06.2023,
дата онлайн-размещения 26.06.2023.

АННОТАЦИЯ

Представленная статья посвящена вопросу защиты российских потребителей импортных товаров в условиях широкомасштабных принципиальных изменений внешнеэкономической конъюнктуры на фоне глобальных геополитических преобразований. Впервые за всю современную историю Российской Федерации, с момента изменения политического и экономических курсов и утверждения в 1991 году новой рыночной парадигмы развития независимого государства Российской Федерации страна столкнулась проблемой «разлома» культурно-нравственных связей. Происходящие события сегодняшнего времени с высокой степенью очевидности демонстрируют крайнюю степень запущенности указанной проблемы и, как следствие, невиданную ранее реакционность теперь уже политических оппонентов и бизнес-партнеров России, происходящих с территории их стран. Под вуалью непринятия традиционных ценностей российского общества страны Запада предлагают исключительно абсурдную внешнеторговую повестку — экономические санкции, зачастую вынуждая национальный бизнес прекращать какие-либо торгово-экономические отношения с российскими партнерами. В таких условиях рынок, как живой социальный организм, ищет варианты преодоления искусственных, противоречащих условиям здоровой конкуренции барьеров для удовлетворения потребительского спроса, в том числе посредством параллельного импорта. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, возникает потребность в юридическом анализе правовых последствий для иностранных производителей в результате поставки некачественного товара на российский рынок в условиях экономических ограничений на их поставку стране-экспортеру. Основываясь на базовых принципах деликтной ответственности за вред, причиненный недостатками товаров, работ и услуг, производитель соответствующей товарной группы независимо от условий торговли и характера товара должен выступать субъектом ответственности перед лицами, которым был причинен ущерб в результате потребления производимого им товара.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Деликтная ответственность; товары; работы; услуги; параллельный импорт; иностранный импортер; экономические санкции; геополитические изменения; новая экономическая повестка; западные партнеры.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Земляченко Я. В. Ответственность за недостатки товаров, работ и услуг. Практика применения и современные тенденции развития // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 45–53. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.5.

UDC 34.347.5

Y. V. Zemlyachenko
*Belgorod State National
Research University,
Belgorod, Russian Federation
ORCID 0000-0001-7713-1330
Researcher ID: HJH-0378-2022*

**PRODUCT LIABILITY LAW. LEGAL PRACTICES AND MODERN
TENDENCIES OF DEVELOPMENT****PUBLICATION DATA**

Prologue: Law Journal, 2023, no. 2, pp. 45–53.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.5.
Received 20.04.2023, accepted 01.06.2023, available online 26.06.2023.

ABSTRACT

The presented article is devoted to the issue of protecting Russian consumers of imported goods in the context of large-scale, fundamental changes in the external economic environment against the backdrop of global geopolitical transformations. For the first time in the entire modern history of the Russian Federation, since the change in political and economic courses and the establishment in 1991 of a new market paradigm for the development of an independent state of the Russian Federation, the country has faced the problem of a "break" in cultural and moral ties. The current events of today demonstrate with a high degree of obviousness the extreme degree of neglect of this problem and, as a result, the unprecedented reactionariness of now political opponents and business partners of Russia, originating from the territory of their countries. Under the veil of non-acceptance of the traditional values of Russian society, Western countries offer an extremely absurd foreign trade agenda - economic sanctions, often forcing national businesses to stop any trade and economic relations with Russian partners. In such conditions, the market, as a living social organism, is looking for options to overcome artificial, contrary to the conditions of healthy competition, barriers to meet consumer demand, including through parallel imports. Taking into account the current situation, there is a need for a legal analysis of the legal consequences for foreign manufacturers as a result of the supply of low-quality goods to the Russian market in the face of economic restrictions on their supply to the exporting country. Based on the basic principles of tort liability for damage caused by defects in goods, works and services, the manufacturer of the relevant product group, regardless of the terms of trade and the nature of the goods, must be liable to persons who have suffered damage as a result of the consumption of the goods produced by him.

KEYWORDS

Tort liability; goods; works; services; parallel import; foreign importer; economic sanctions; geopolitical changes; new economic agenda; Western partners.

FOR CITATION

Zemlyachenko Y. V. Product Liability Law. Legal Practices and Modern Tendencies of Development. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 2, pp. 45 – 53. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.5.

В современных условиях широкомасштабных экономических западных санкций и растущим на их фоне объеме «параллельного импорта», сложившиеся меры правовой защиты прав российских потребителей неизбежно требуют адаптации под новые вызовы мировой торговой политики. К числу юридических вопросов, требующих анализа, в этой связи также относится вопрос защиты российских потребителей импортных товаров, поступающих на российский рынок «в обход» западных санкций. В данной статье проводится анализ института деликтной ответственности за вред, причиненный недостатками импортных товаров, работ и услуг.

В соответствии со статьей 1095 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ), вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара, работы или услуги, а также вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе, услуге), подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу (исполнителем), независимо от их вины и от того, состоял потерпевший с ними в договорных отношениях или нет.

Таким образом, потребление как форма удовлетворения жизненных потребностей физического лица-потребителя обязывает предпринимателей независимо от вида юридической связи с потребителем компенсировать причиненный ему вред. Данный подход является общепринятым в мировой практике. Он получил свое закрепление в правовых системах стран как континентальной, так и англо-саксонской системы [15, с. 62; 17; 19, с. 792]. Следует также особо подчеркнуть, что на уровне унификации европейского частного права подход в оценке оснований и субъектов ответственности за рассматриваемый деликт не претерпел изменений.

Впервые о необходимости разработки механизма массовой правовой защиты потребителей еще в 1961 году заявил американский президент Джон Кеннеди в послании депутатам Конгресса, где он озвучил позицию о необходимости защиты интересов потреби-

телей, как одном из основных направлений государственной политики США по обеспечению права на безопасность. С этого момента в праве США начинается компания по разработке базовых принципов оценки наличия или отсутствия права у потребителя на предъявление исковых требований к компании о возмещении вреда. Безусловно, как отмечают некоторые эксперты, тенденциозность в разработке законодательства в указанной сфере была обусловлена началом формирования «общества потребления» [8, с. 54; 12, с. 12]. Рост промышленного производства в США в середине XX века послужил началом для новой глобальной вехи в истории потребительского права США, которая неминуемо заставила обратить на себя внимание стран Европейского континента.

Так, 25 июля 1985 г. в рамках Европейского Союза была принята Директива № 85/374/ЕЭС «Относительно сближения законодательств государств-членов, касающихся ответственности за выпуск неисправной продукции»¹. В 1986 году Европарламентом был принят Единый европейский акт (Single European Act),² в рамках которого все инициативы в области защиты прав потребителей стали рассматриваться в качестве элементов европейской стратегии по созданию единого внутреннего рынка.

Принимая во внимание вышеизложенное, представляется, что «параллельный импорт» как форма внешнеэкономической активности в условиях односторонних ограничений для российской экономики является понятием новым. Оно было знакомо экономике постсоветского периода на фоне отсутствия культуры рыночных отношений и опыта работы с представителями западных компаний. Глобальное эмбарго как таковое заставляет российский рынок использовать рудиментарные механизмы в определенном

¹ Council Directive 85/374/EEC of 25 July 1985 on the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States concerning liability for defective products. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A31985L0374>.

² URL: <https://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/in-the-past/the-parliament-and-the-treaties/single-european-act>.

объеме для удовлетворения потребностей национальной экономики, в связи с чем возникает интерес к изучению правовых последствий их применения.

На первый взгляд, вопросы деликтной ответственности за причиненный вред потребителю не имеют прямой причинно-следственной связи с основанием поступления товара на российский рынок. Однако это не так. По крайней мере, есть почва для научного анализа оснований наступления рассматриваемого деликта в контексте «обходных путей» поступления товаров к отечественному потребителю.

Понятие параллельного импорта не получило своего легального закрепления как в российском, так и международном законодательстве. Вместе с тем, оценка последствий его воздействия на глобальные рынки проводилась не только учеными-теоретиками, но и экспертами крупных экономических интеграционных объединений, таких, как Европейский Союз и Всемирная Торговая Организация. Так, в рамках Европейского Союза *пог параллельным импортом или параллельной торговлей понимается продажа товаров, которые идентичны или существенно схожи с товарами, которые выводятся на рынок через официальные дистрибьюторские сети производителей или оригинальных поставщиков, но продаются за пределами таких сетей, часто параллельно с ними* [5, с. 33]. Всемирная Торговая Организация признает в качестве параллельного импорта деятельность по продаже брендовых товаров по более низким ценам с согласия правообладателя бренда в государстве его регистрации и импорту данных товаров без его согласия на территории третьих стран, где правообладатель бренда пользуется судебной защитой своих прав и продает свои товары по более высокой цене [4, с. 192 – 193]. В науке существуют и иные интерпретации рассматриваемого понятия [1, с. 6].

Принимая во внимание указанные определения, ключевое правовое значение данного явления характеризуется в параллельном или исключительном импорте товаров лицом, который не является правообладателем бренда на территории страны импортера по причине ввоза товаров без согласия зарегистрированного правообладателя.

В данном, на первый взгляд, очевидном правонарушении с позиции права кроется огромный социально-экономический эффект, который заставил экспертное сообщество не единожды обсуждать допустимость такого рода деятельности. В частности, в рамках Европейского Союза Европейская комиссия на разных этапах развития единого рынка давала

оценку вопросу допустимости параллельного импорта разных видов товаров и в особенности товаров фармацевтической промышленности на предмет соответствия нормам Соглашения о создании Европейского Союза, в которых приходила к выводу о его недопустимости по причине несоответствия параллельного импорта целям единого рынка³.

Однако положение дел на мировом рынке товаров и услуг в условиях тотальной политической диктатуры со стороны правительств и той же Еврокомиссии побуждает бизнес-сообщество России и сопредельных государств возвращаться к альтернативным (параллельным) каналам поставок, в связи с чем возникает вопрос о влиянии параллельного импорта на защиту прав потребителей данных товаров и услуг.

Дискуссионным представляется вопрос о признании права потребителя обращаться к правообладателю-производителю товара с требованием возместить причиненный ущерб некачественным товаром, приобретенным у неофициального дистрибьютора.

Российская законодательство в главе 59 ГК РФ не дает однозначного ответа на поставленный вопрос. В соответствии с частью первой статьи 1095 ГК РФ, вред потребителю возмещается продавцом или изготовителем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу независимо от их вины и от того, состоял потерпевший с ним в договорных отношениях или нет.

В соответствии со статьей 1098 ГК РФ, продавец или изготовитель товара, исполнитель работы или услуги освобождается от ответственности в случае, если докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или нарушения потребителем установленных правил пользования товаром, результатами работы, услуги или их хранения.

Вряд ли есть основания оценивать потребность внутреннего рынка в иностранном санкционном товаре в качестве форс-

³ См.: Информационное письмо Комиссии ЕС (1982 г.) в отношении параллельного импорта лекарственных препаратов, интеллектуальная собственность на которые защищена, и которые допущены к обороту в части регулирования условий и ограничений параллельного импорта лекарственных препаратов в рамках единого товарного рынка ЕС; Информационное письмо Комиссии ЕС (2003 г.) в отношении параллельного импорта лекарственных препаратов, интеллектуальная собственность на которые защищена, и которые допущены к обороту в части уточнения регулирования условий и ограничений параллельного импорта лекарственных препаратов в рамках единого товарного рынка ЕС.

мажорного обстоятельства, однако же вопрос о возможности безусловного признания обязанности по компенсации причиненного вреда российскому потребителю иностранным правообладателем товара, который поставляется на территорию Российской Федерации по каналам параллельного импорта, представляется дискуссионным.

Так, по мнению автора, в свете обозначенной проблемы возможны три основных подхода в оценке поведения иностранного производителя.

Первый заключается в возможности признания иностранного производителя или экспортера в третьи страны, с территории которых в последующем товары или услуги импортируются на территорию Российской Федерации ответственными, поскольку их ответственность перед российским потребителем возникает по закону независимо от вины без учета иных обстоятельств, влияющих на волю иностранного производителя поставлять товар на российский рынок.

Второй подход требует принять во внимание политический характер введенных односторонних ограничений на ввоз определенных товаров на территорию Российской Федерации, а также порой вынужденный отказ иностранных производителей от поставок своих товаров в Россию под давлением местных властей при отсутствии официальных экономических барьеров. В таких условиях возможно признание права российского предпринимателя на поиск «обходных» путей в удовлетворении национального рынка запрещенными по политическим мотивам к ввозу товарами и, соответственно, солидарной или субсидиарной природы деликтной ответственности иностранного производителя и российского поставщика перед отечественными производителями.

И третий подход, при котором иностранный импортер является политически ангажированным или в силу иных субъективных причин не желает поставлять свой товар на российский рынок, но российский бизнес, проявляя интерес к товару иностранного производителя посредством параллельного импорта, обеспечивает его импорт в Россию. В данном случае следует дать оценку отсутствию воли производителя, как фактора, влияющего на возможные последствия, вызванные недостатками его товара.

Прежде чем перейти к оценке каждого из подходов, следует отметить, что воля причинителя вреда как основание ответственности не рассматривалась учеными в качестве элемента состава гражданского правонарушения

по вполне понятным причинам. Воля — это категория договорного права. Без воли не может быть сделки. Деликт по определению является правонарушением, в связи с чем значение воли утрачивает свое юридическое значение, уступая место отношению причинителя вреда к совершенному правонарушению и его последствиям, то есть вине.

Однако, как справедливо замечает профессор О. С. Иоффе, в гражданском праве степень вины для квалификации правонарушения и объема ответственности значения не имеет. Неосторожность по своему объективному проявлению есть следствие несоблюдения тех требований внимательности и осмотрительности, которые предъявляются к данному виду деятельности и осуществляющему ее субъекту [3, с. 134]. Е. А. Суханов, в свою очередь, также обращал особое внимание на значительную специфику ответственности в гражданском праве — на ее компенсаторно-восстановительную функцию, исключаящую существенное значение субъективного отношения причинителя вреда к своему поведению [2, с. 321].

Право Европейского Союза и Соединенных Штатов Америки выработало свои подходы в оценке вины деликвента. Базовым в мировой практике является теория строгой ответственности — *strict liability* — то, что в российском праве именуется безвиновной ответственностью.

В Европейском Союзе данный подход нашел свое закрепление в Директиве Совета Европы 85/374 / ЕЕС от 25 июля 1985 года «О сближении законов, правил и административных положений государств-членов, касающихся ответственности за дефектную продукцию» (далее — Директива). В соответствии со статьей 4 Директивы, лицо, которому причинен вред, должно доказать наличие ущерба, неисправности и причинной связи между неисправностью и ущербом⁴. В соответствии со статьей 7 Директивы, Производитель не несет ответственности согласно настоящей директиве, если докажет:

а) что он не выпускал продукт в оборот; или

⁴ URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuzaj-dokumenty-o-pravah-cheloveka-i-grazhdanina/normativnye-akty-o-svobodeperedvizheniya-tovarov-lits-i-uslug/direktiva-soveta-ot-25-iyulya-1985-g-o-sblizhenii-zakonov-reglamentov-i-administrativnyh-polozhenij-gosudarstv-chlenov-primenyaemyh-k-otvetstvennosti-za-neispravnyuyu-produktsiyu-85-374-ees-perevod/> (дата обращения 23.12.2021).

b) что, с учетом конкретных обстоятельств, существует вероятность, что причинившая ущерб неисправность не существовала в момент выпуска им продукта в оборот, или что данная неисправность возникла впоследствии; или

c) что продукт не был произведен им для продажи или любой формы распространения в хозяйственных целях, а равно, что он не был произведен или не распространялся им в ходе осуществления своей предпринимательской деятельности; или

d) что неисправность является результатом подчинения продукта обязательным требованиям, установленным публичными властями; или

e) что состояние научных и технических познаний в момент, когда он выпустил продукт в оборот, не обеспечивало ему возможность обнаружить неисправность; или

f) в случае производителя компонентов, что неисправность вызвана конструкцией продукта, в который был включен данный компонент, или данными ему инструкциями производителя этого продукта⁵.

Анализ указанных положений дает основания утверждать, что производитель освобождается от ответственности, только лишь в случае, если вредоносность его товара стала следствием обстоятельств, на которые он был не в силах повлиять. С учетом статьи 7 Директивы, данные обстоятельства могут быть как предвидимыми, так непредвидимыми, но во всех случаях непредотвратимые. Именно непредотвратимость исключает ответственность производителя. Право Англии и США, как юрисдикций, стоявших у истоков рассматриваемого вида деликта, в процессе анализа сложных экономических форм и значения товаров для жизнедеятельности общества выработали особые подходы для оценки непредотвратимости вреда в результате потребления товаров и услуг. Считаю целесообразным дать им оценку для более объективного анализа ответственности производителей при поставках их товаров параллельно основному импорту.

Начнем с концепции, которую условно можно назвать «концепцией относительности». В соответствии с Параграфом 7 Свода деликтного права США (далее — Свод), лекарства, продаваемые по рецепту, или медицинская техника не признаются безопасными по причине конструктивного недостатка, если очевидный риск причинения вреда данными видами товаров значительно превышает их предвидимый терапевтический эффект, что

⁵ Там же.

установлено проверкой безопасности причинения вреда здоровью и данная информация исключала бы поступление данных товаров пациентам [17, с. 98]. В англо-американском праве такой подход получил название *risk-utility test*.

Вопрос соотношения пользы и вреда, как критерий для оценки вины причинителя вреда, не знаком российской юридической науке. Безусловно, такой подход в законодательстве США разработан для категории товаров, которые выпущены на рынок для решения проблем здоровья населения, что не позволяет проводить аналогию для всех категорий товаров. Но вместе с тем он заслуживает внимания в контексте законодательного признания факта выпуска в обращения вредоносного товара его производителем. Данный подход выходит за рамки безвиновной ответственности. Свод признает вину производителя, но освобождает его от ответственности на основании критерия соотношения *пользы и вреда*. Такой подход не берет вину во внимание, он ее признает. Основанием освобождения производителя от ответственности выступает «чаша весов» соотношения спасенных и поврежденных пациентов.

Следующим концептуальным вопросом в оценке действий производителей вредоносной продукции, стал вопрос момента обнаружения опасных качеств продукта. Суть вопроса в том, когда рынок мог узнать о том, что конкретный товар является небезопасным. То есть позволял ли уровень развития науки и техники дать оценку самой вероятности причинения вреда. Данный вопрос возник в судебной практике США по так называемым асбестовым делам [6, с. 222] и по делу о последствиях применения медицинского препарата дикломицин [7, с. 107]. В данном случае юридическая наука и практика в очередной раз сталкивается с незаурядным подходом для теории деликтной ответственности. Полагаю, что данный подход можно назвать «теорией неосознанного риска». Как известно, коммерческий риск всегда связан с непредвидимыми последствиями наступления убытков, но вероятность их наступления может быть осознана и подвержена оценке. В ранее рассмотренных примерах зарубежной судебной практики данный риск причинения вреда здоровью пациентов не мог быть предвидим и соответственно положен в основу деликтной ответственности.

Принимая во внимание вышеизложенное, следует сделать следующий вывод. Вина, как фактор, влияющий на оценку поведения производителя товаров, которыми причиняет-

ся вред потребителю утрачивает свое юридическое значение. Даже должная заботливость и осмотрительность, которая была проявлена деликвентом, но не позволила избежать вреда не выступает в качестве основания для освобождения производителей некачественных товаров от ответственности. Современный уровень правовой защиты потребителей в странах Западной Европы и США исходит из принципа компенсации за коммерческий риск. Именно в этом суть концепции строгой ответственности (*strict liability*) [18, с. 623].

Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что вопрос безвиновной ответственности уже давно и достаточно критически оценивался русскими цивилистами. Так, определяя значение вины для привлечения к ответственности причинителя вреда источником повышенной опасности, учеными выработана концепция «двух начал» гражданско-правовой ответственности. Смысл данной концепции в том, что гражданское право устанавливает ответственность причинителя вреда без его вины в содеянном за причинение вреда прежде всего источником повышенной опасности и, вместе с тем, признавая вину в качестве обязательного условия наступления гражданско-правовой ответственности, за вину при совершении всех остальных видов деликтов. А. А. Тебряев отметил, что наиболее последовательно отстаивать идею двух начал К. К. Яичков, который указывал, что ответственность возможна как за вину, так и без вины. Оба эти начала ответственности отражены в законе. Поэтому нет никаких оснований утверждать, что вина как одно из этих начал — главное, определяющее, исходное по сравнению с другим — причинением (отсюда название теории). Соответственно вина ответственного лица является лишь дополнительным условием ответственности в тех случаях, когда по закону установлена ответственность за виновное причинение вреда [см.: 10; 14, с. 170]. Профессор О. В. Красавчиков полагал такой подход неприемлемым. Он выделяет «безвиновную» ответственность как самостоятельный вид деликтной ответственности, который не стоит смешивать или применять как альтернативу виновной ответственности [4, с. 45]. Другие авторы используют категорию риска в том случае, если в силу закона потерпевшему обязаны возместить вред независимо от вины причинителя вреда. Такой подход получил в науке название «исключительного виновного начала» или «теории вины и риска» [5; 8, с. 54]. Смысл данных концепций сводится к тому, что без вины нет ответственности. Ответственность всегда результат правонарушения, то есть противо-

правного виновного поведения. Что же касается других указанных в законе отношений по возмещению вреда и именуемых законодателем ответственностью, то в этих случаях правильнее было бы говорить не об ответственности, а об обязанности возместить вред или уплатить штраф [6, с. 117]. Принимая во внимание вышеизложенное, следует выделить некую общность в подходах правового регулирования рассматриваемого вида ответственности в России и иностранных юрисдикция Западе. Не погружаясь теоретическую дискуссию о допустимости признания ответственности без вины видом юридической ответственности в целом и гражданско-правовой ответственности в частности, хотелось бы подчеркнуть, что вопрос ответственности без вины, это в буквальном смысле указанного правового явления ответственность за риск. Все концептуальные подходы, выработанные судебной практикой в Англии и США, исходят из принципа создания цепочки субъектов права, которые в силу прямого отношения к процессу выпуска товара в свободное обращение приобретают статус носителя коммерческого риска компенсации вреда потребителю их товара, работы или услуги.

Таким образом, по итогам проведенного анализа выработанной и широко применяемой юридической теорией и практикой международной торговли принципа строгой ответственности (*strict liability*) производителя или продавца некачественных товаров, работ или услуг, государственные экономические барьеры на пути прямого импорта товара в Российскую Федерацию не следует признавать основанием освобождения от ответственности перед потребителем. Параллельное поступление импортных товаров на российский рынок с целью преодоления политических барьеров экономического характера это не вопрос наличия у потребителя права на защиту или его отсутствие. Система риска, положенная в основу рассматриваемого вида деликтной ответственности, должна включать, в том числе и политические риски для экспортера.

Я также склонен утверждать, что прямо выраженная воля производителя о запрете поставок товаров на территорию соответствующего государства не может выступать основанием для освобождения его от ответственности. Мотивом такой позиции служит отсутствие причинно-следственной связи между запретом и качеством поступившего на закрытый по его воле рынок для его продукции. Противники данной позиции могут апеллировать к тому, что если бы запрет производителя не был нарушен, причинения

ущерба можно было бы избежать. Но в таком случае предметом анализа должны служить причины его возникновения. Если потребитель либо импортер произвели с товаром недопустимые манипуляции и был нарушен порядок его потребления, то в таком случае можно говорить о том, что производитель не должен отвечать за нарушение третьими лицами очевидных требований применительно к конкретному товару. При условии должного

потребления товара, причиной вреда является недостаток товара, как следствие рецептурного, технологического, химического или иных видов недостатков, за которые несет полную ответственность производитель. Тот факт, что соответствующий недостаток стал причиной на территории запрещенной для импорта указанного товара, не должен признаваться основанием освобождения от ответственности его производителя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борзова М. Регулирование параллельного импорта лекарственных препаратов: зарубежный опыт // *Ремедиум*. — 2015. — № 5. — С. 6–16.
2. *Гражданское право* : в 2 т. / под ред. Е. А. Суханова. — Москва : Wolters Kluwer, 2007. — Т. 1. — 447 с.
3. Иоффе О. С. *Советское гражданское право (Курс лекций)*. — Ленинград : Из-во Ленинградского университета им. А. А. Жданова, 1967. — Ч. 1. — 462 с.
4. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. — Москва : Юридическая литература, 1966. — 200 с.
5. Малеин Н. С. Вина — необходимое условие имущественной ответственности // *Советское государство и право*. — 1971. — № 2. — С. 28–35.
6. Матвеев Г. К. Вина в советском гражданском праве. — Киев : Изд-во Киевского государственного университета, 1955. — 308 с.
7. Нургалеев М. С. Правовое регулирование параллельного импорта в Европе на примере Европейского Союза и Швейцарии // *Право: история, теория, практика : материалы IV Междунар. науч. конф. (Казань, 20–23 июля 2016 г.)*. — Санкт-Петербург : Молодой учёный, 2016. — С. 106–109.
8. Нургалеев М. С., Петров Е. Н. Понятие параллельного импорта, его правовое регулирование и особенности регулирования параллельного импорта лекарственных средств в Европейском Союзе // *Наука России: цели и задачи : сб. науч. тр. по материалам XVIII Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 10 дек. 2019 г.) / Междунар. объедин. акад. наук*. — Екатеринбург, Л-Журнал, 2019. — Ч. 2. — С. 52–56.
9. Ойгензихт В. А. Проблема риска в гражданском праве. — Душанбе, Ирфон, 1972. — 224 с.
10. Соловьёв А. В. Общество потребления и движение контркультуры в США во второй половине XX века // *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*. — 2011. — № 1 (30). — С. 37–46.
11. Тебряев А. А. Вина причинителя вреда в деликтных обязательствах // *Юрист*. — 2002. — № 3. — С. 27–31.
12. Халин Р. В. *Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный недостатками товаров, работ и услуг по праву России, Англии и США* : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Курск, 2015. — 22 с.
13. Шерстобитов А. Е. Ответственность за вред, причиненный потребителям недостатками товаров (работ, услуг) // *Арбитраж и регулирование международного коммерческого оборота: российские, иностранные и трансграничные подходы. Liber Amicorum в честь 70-летия А. С. Комарова* / сост. и науч. ред. Н. Г. Маркалова, А. И. Муранов. — Москва : СТАТУТ, 2019. — С. 622–632.
14. Яичков К. К. Система обязательств из причинения вреда в советском гражданском праве // *Вопросы гражданского права : сб. статей / редкол.: В. А. Рясенцев (отв. ред.) [и др.]*. — Москва : Изд-во МГУ, 1957. — 288 с. — (Ученые записки / Всесоюз. юрид. заоч. ин-т; Вып. 5).
15. Ferguson Pamela R. Liability for Pharmaceutical Products: A Critique of the Learned Intermediary Rule // *Oxford Journal of Legal Studies*. — 1992. — Vol. 12, № 1. — P. 59–82.
16. Kuilwijk Kees Jan. Parallel Imports and WTO Law: Some Thoughts After Silhouette // *European Competition Law Review*. — 1999. — P. 292–298.
17. Owen David G., Montgomery John E., Davis Mary J. *Products Liability and Safety. Case and Statutory Supplement*. — 5th ed. — New York : The Foundation Press, 2008. — 1028 p.
18. Schwarz Sabagh, Peltzer, Schuecking. *Product liability in the USA and German*. 2000.
19. Wassenaer van Catwijck, A. J. O. baron van. *Products liability in Europe* // *The American Journal of Comparative Law*. — 1986. — Vol. 34, № 4. — P. 789–801.

REFERENCES

1. Borzova M. Regulation of parallel imports in pharmaceuticals: Foreign experience. *Remedium*, 2015, no. 5, pp. 6. (In Russian).
2. Sukhanov E. A. (ed.). *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2007. Vol. 1. 447 p.

3. Ioffe O. S. *Sovetskoe grazhdanskoe pravo (Kurs lektsii)* [Soviet Civil Law (Course of Lectures)]. Zhdanov Leningrad State University Publ., 1967. Pt. 1. 462 p.
4. Krasavchikov O. A. *Vozmeshchenie vreda, prichinennogo istochnikom povyshennoi opasnosti* [Compensation for Damage Caused by a Source of Increased Risk]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1966. 200 p.
5. Malein N. S. Guilt is Property Liability Requirement. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1971, no. 2, pp. 28 – 35. (In Russian).
6. Matveev G. K. *Vina v sovetskom grazhdanskom prave* [Guilt in Soviet civil law]. Kiev State University Publ., 1955. 308 p.
7. Nurgaleev M. S. Legal Regulation of Parallel Imports in Europe on the Example of the European Union and Switzerland. *Pravo: istoriya, teoriya, praktika. Materialy 4-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kazan, 20–23 iyulya 2016* [Law: History, Theory, Practice. Materials of the 4th International Research Conference, Kazan, July 20-23, 2016. Saint Petersburg, Molodoi uchenyi Publ., 2016, pp. 106 – 109. (In Russian).
8. Nurgaleev M. S., Petrov E. N. The Concept of Parallel Import, Its Legal Regulation and Features of Regulation of Parallel Import of Medicines in the European Union. *Nauka Rossii: tseli i zadachi. Materialy 18-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Yekaterinburg, 10 dekabrya 2019* [Russian Science: Goals and Objectives. Materials of the 18th International Research Conference, Yekaterinburg, December 10, 2019. Yekaterinburg, L-Zhurnal Publ., 2019, pt. 2, pp. 52 – 56. (In Russian).
9. Oigenzikht V. A. *Problema riska v grazhdanskom prave* [Risk Problem in Civil Law]. Dushanbe, Irfon Publ., 1972. 224 p.
10. Solovyev A. V. Consumption society and counterculture in the USA in the second half of the 20th century. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina = Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2011, no. 1 (30), pp. 37 – 46. (In Russian).
11. Tebryaev A. A. Guilt of the Injurer in Tort Obligations. *Yurist = Jurist*, 2002, no. 3, pp. 27 – 31. (In Russian).
12. Khalin R. V. *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost za vred, prichinennyi nedostatkami tovarov, rabot i uslug po pravu Rossii, Anglii i SShA. Avtoref. Kand. Diss.* [Civil Liability for Damage Caused By Defects of Goods, Works and Services Under The Law of Russia, England and the USA. Cand. Diss. Thesis]. Kursk, 2015. 22 p.
13. Sherstobitov A. E. Liability for harm caused to consumers by defects in goods (works, services). In Markalova N. G., Muranov A. I. (eds). *Arbitration and regulation of international trade: Russian, foreign and cross-border approaches: Liber Amicorum in Honor of the 70th Anniversary of A. S. Komarov*. Moscow, Statut Publ., 2019, pp. 622 – 632. (In Russian).
14. Yaichkov K. K. The System of Liability for Injury in Soviet Civil Law. In Ryasentsev V. A. et al. (eds). *Voprosy grazhdanskogo prava* [Civil Law Issues]. Moscow State University Publ., 1957. 288 p. (In Russian).
15. Ferguson Pamela R. Liability for Pharmaceutical Products: A Critique of the Learned Intermediary Rule. *Oxford Journal of Legal Studies*, 1992, vol. 12, no. 1, pp. 59 – 82.
16. Kuilwijk Kees Jan. Parallel Imports and WTO Law: Some Thoughts After Silhouette. *European Competition Law Review*, 1999, pp. 292 – 298.
17. Owen David G., Montgomery John E., Davis Mary J. *Products Liability and Safety. Case and Statutory Supplement*. 5th ed. New York, The Foundation Press, 2008. 1028 p.
18. Schwarz Sabagh, Peltzer & Schuecking. *Product liability in the USA and German*. 2000.
19. Wassenaer van Catwijck, A. J. O. baron van. Products liability in Europe. *The American Journal of Comparative Law*, 1986, vol. 34, no. 4, pp. 789 – 801.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Земляченко Ярослав Владимирович (Белгород) — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ») (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: zemlychenko@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zemlyachenko, Yaroslav V. (Belgorod) — Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor of the Civil Law and Procedure Department, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, e-mail: zemlychenko@mail.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 432.470:432.574

Б. А. Ревнов

*Юридический институт (Санкт-Петербург),
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6668-6760
ResearcherID: GXG-4571-2022*

Д. В. Кохман

*Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-1899-3894
ResearcherID: G-4033-2018*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 54 — 61.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.6.

Дата поступления 20.05.2023, дата принятия к печати 01.06.2023,
дата онлайн-размещения 26.06.2023.

АННОТАЦИЯ

Авторы данной работы предприняли попытку продемонстрировать отличия и схожие черты в статусе, составе, структуре и полномочиях органов конституционной юстиции Российской Федерации и Республики Казахстан. Подобный сравнительно-правовой анализ востребован юридической наукой в связи с произошедшей в Казахстане в 2022 году значимой конституционной реформы, в результате которой на смену Конституционному Совету пришел Конституционный Суд. Кроме того, были приняты Конституционные законы Республики Казахстан «О прокуратуре» и «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан». Существенным преобразованием в 2020 году подвергся и Основной закон Российской Федерации. Нельзя забывать и о схожести путей развития конституционализма в России и Казахстане, что обусловлено советским прошлым, ближайшим соседством и тесным сотрудничеством во всевозможных сферах деятельности. Результатом проведенного исследования стал вывод о близости российской и казахстанской модели конституционного правосудия. Несмотря на это, есть достаточно уникальных норм, характерных для конституционных актов каждой из стран. Обращают на себя внимание отличия в статусе органов конституционного правосудия, а также различия в их компетенции. Отличен порядок формирования Конституционных Судов Российской Федерации и Республики Казахстан, по-разному разрешены вопросы обеспечения их деятельности. Установлены отличия в субъектном составе, пользующимся правом обращения в Конституционный Суд своего государства. Выявлены особые условия для обращения с жалобой граждан России и Казахстана в национальные органы конституционного правосудия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Государство; компаративный метод; конституционализм; конституционное право; сравнительно-правовой анализ; суд; Конституционный Суд Российской Федерации; Конституционный Суд Республики Казахстан.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ревнов Б. А., Кохман Д. В. Сравнительно-правовой анализ Конституционных судов Российской Федерации и Республики Казахстан: процессуальный аспект // Пролог: журнал о праве. – 2023. – № 2. – С. 54–61. – DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.6.

UDC 432.470:432.574**B. A. Revnov**

*The Law Institute (St. Petersburg),
St. Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0001-6668-6760
ResearcherID: GXG-4571-2022*

D. V. Kokhman

*St. Petersburg Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation
St. Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-1899-3894
ResearcherID: G-4033-2018*

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS CONSTITUTIONAL COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: PROCEDURAL ASPECT

PUBLICATION DATA

*Prologue: Law Journal, 2023, no. 2, pp. 54–61.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.6.
Received 20.05.2023, accepted 01.06.2023, available online 26.06.2023.*

ABSTRACT

The authors of this work made an attempt to demonstrate the differences and similarities in the status, composition, structure and powers of the bodies of constitutional justice of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. Such a comparative legal analysis is in demand by legal science in connection with the significant constitutional reform that took place in Kazakhstan in 2022, as a result of which the Constitutional Court replaced the Constitutional Council. In addition, the Constitutional Laws of the Republic of Kazakhstan "On the Prosecutor's Office" and "On the Commissioner for Human Rights in the Republic of Kazakhstan" were adopted. In 2020, the Basic Law of the Russian Federation also underwent significant changes. We should not forget about the similarity of the paths of development of constitutionalism in Russia and Kazakhstan, which is due to the Soviet past, close proximity and close cooperation in various fields of activity. The result of the study was the conclusion about the proximity of the Russian and Kazakhstani models of constitutional justice. Despite this, there are quite unique norms that are characteristic of the constitutional acts of each country. Attention is drawn to the differences in the status of constitutional justice bodies, as well as differences in their competence. The procedure for the formation of the Constitutional Courts of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan is different, the issues of ensuring their activities are resolved in different ways. Differences are established in the subject composition that enjoys the right to apply to the Constitutional Court of their state. Identified special conditions for filing a complaint with citizens of Russia and Kazakhstan in the national bodies of constitutional justice.

KEYWORDS

State; comparative method; constitutionalism; constitutional law; comparative legal analysis; court; Constitutional Court of the Russian Federation; Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan.

FOR CITATION

Revnov B. A., Kokhman D. V. Comparative Legal Analysis of the Constitutional Courts of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: Procedural Aspect. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 2, pp. 54 – 61. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.6.

Конституционный судебный процесс имеет свои существенные черты, позволяющие говорить о его особом месте в юридическом процессе [2, с. 149]. Конституционное судопроизводство во многих государствах сильно отличается от гражданского, уголовного, административного видов производств, но при этом оно незаслуженно обделяется вниманием в правовой компаративистике. Произошедшая в 2022 году в Республике Казахстан конституционная реформа, включающая в себя преобразование Конституционного Совета Республики Казахстан в Конституционный Суд Республики Казахстан, дает нам еще один повод, чтобы обратиться к сравнительно-правовому анализу не только материальных норм, посвященных органам конституционной юстиции России и Казахстана, но и процессуальных норм, закрепляющих порядок их деятельности. Российская Федерация и Республика Казахстан, как государства-соседи с близкими правовыми системами, восприняли австрийскую разновидность кельзеновской модели конституционного контроля, что сказывается на наличии многих точек соприкосновения правовых материй, но в то же время есть достаточно уникальных норм, представляющих интерес для отечественной практической юриспруденции и науки конституционного права [1, с. 54 – 57; 6, с. 250 – 257].

Выделяется несколько [7, с. 708 – 713; 8, с. 7] определений конституционного судебного процесса, однако для целей настоящего исследования предлагается использовать понятия «конституционный судебный процесс» и «конституционное судопроизводство» как синонимичные и понимать под ними порядок деятельности органа конституционного правосудия по принятию обращения к рассмотрению, подготовку к судебному заседанию, проведение слушаний по делу, вынесение итогового решения и его исполнение.

Порядок рассмотрения обращений в органах конституционного контроля Российской Федерации и Республики Казахстан в целом является общим, прежде всего — по основаниям допустимости и содержания жалобы, запроса или представления, уплаты пошлины для подачи жалобы. Допускается направлять

обращения в письменном и электронном виде¹.

Срок предварительного рассмотрения обращений, поступивших в Конституционный Суд Российской Федерации, составляет 30 дней с момента его регистрации², а в Конституционный Суд Республики Казахстан — 15 рабочих дней (с возможностью продления на разумный срок)³. С очевидностью вдвое меньший общий срок предварительного рассмотрения обращений, пусть и с возможностью продления в неординарных случаях, с одной стороны, может показаться излишне кратким, с другой — представляется более чем достаточным (при условии адекватной нагрузки на делопроизводство), с учетом того, что на данной стадии разрешается вопрос о соответствии обращения формальным требованиям.

Заявители в обоих государствах могут устранять недостатки, имеющиеся в их обращениях. Вместе с тем, в России, если обращение с устраненными недостатками поступит в Конституционный Суд Российской Федерации в течение четырех месяцев после отправления заявителю соответствующего уведомления, то срок для подачи жалобы гражданином будет исчисляться с учетом дня первого обращения⁴. Аналогичный срок в Казахстане составляет всего один месяц⁵, что также свидетельствует

¹ См.: ст. 37 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (Российская газета. 1994. 23 июля); п. 1 ст. 44 Конституционного закона Республики Казахстан «О Конституционном Суде Республики Казахстан» от 5 ноября 2022 года № 153-VII ЗРК (Казахстанская правда. 2022. 7 нояб.).

² См.: п. 1 § 23 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации (Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2011. № 1).

³ См.: п. 17 Регламента Конституционного Суда Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/395785?lang=ru> (дата обращения: 5.05.2023).

⁴ См.: ч. 3 ст. 40 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

⁵ См.: п. 2 ст. 25 Конституционного закона Республики Казахстан «О Конституционном Суде Республики Казахстан» от 5 ноября 2022 года № 153-VII ЗРК.

о сравнительно более сжатых сроках данной стадии производства по жалобе.

Несколько отличается у законодателей России и Казахстана подход к определению кворума, необходимого для проведения заседаний Конституционного Суда и принятия решений. Заседание Конституционного Суда Республики Казахстан правомочно в присутствии не менее двух третей от общего числа судей⁶, в то время как Конституционный Суд Российской Федерации может принимать решение, если в заседании участвуют не менее шести судей⁷. Следует отметить, что до 1 декабря 2021 года законодательство Российской Федерации также устанавливало правомочность на принятие решений Конституционного Суда Российской Федерации при наличии той же цифры — не менее двух третей от числа действующих судей, однако от подобной формулировки сознательно отказались. Состав же Конституционных Судов рассматриваемых государств одинаков — по 11 судей. Вместе с тем законодательство Республики Казахстан предусматривает одну процедурную оговорку, выступающую исключением из общего правила о количественном составе судей, допуская возможность принятия решений на заседании с участием всего пяти судей при условии их единогласного решения⁸. Данная норма скорее облегчает процедуру проведения заседаний, так как при минимальном составе (две трети) пяти голосов с одной позицией достаточно для принятия решения. С другой стороны — достаточно только при минимальном составе.

Очевидна схожесть в общем перечне лиц, участвующих в конституционном производстве, отличия наблюдаются в институте представительства. Так, в Республике Казахстан представителями по обращениям граждан могут быть законные представители, адвокаты или юридические консультанты, состоящие в палатах юридических консультантов. Количество представителей не может превышать двух⁹. В Конституционном Суде Российской Федерации каждая сторона может иметь не свыше трёх представителей. Представлять интересы сторон в Конституционном Суде Российской Федерации, кроме представителей сторон по должности (руководитель орга-

на, обратившегося в Конституционный Суд; руководитель или представители органа, издавшего оспариваемый акт и др.), могут либо адвокаты, либо лица, имеющие ученую степень¹⁰ по юридической специальности. К слову, в российском законодательстве подобные требования о наличии ученой степени у представителя не упоминаются.

Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 153-VII «О Конституционном Суде Республики Казахстан» в ст. 53 определяет срок, в течение которого должны быть рассмотрены обращения — один месяц, а итоговое решение по обращению гражданина должно быть вынесено в течение трех месяцев. Оба срока исчисляются со дня принятия обращения к производству. Несмотря на такие четкие временные рамки, все же допускается исключение — при определенной сложности обращения и необходимости более полного исследования всех обстоятельств, допускается продление времени рассмотрения обращения на разумный срок. При этом отдельно законодательно оговаривается возможность сокращения сроков рассмотрения обращения до десяти календарных дней.

Рассмотрение обращения и принятие по нему решения в российском конституционном судопроизводстве сроком не ограничено. Доктрина отдельно подчеркивает, что заседание судей Конституционного Суда Российской Федерации не ограничено по времени и может прерываться для отдыха, сна и по другим объективным причинам [10, с. 125]. Вместе с тем следует отметить, что редакция Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусматривала трехмесячный срок¹¹, в течение которого принимается решение по вопросу о принятии обращения к рассмотрению (то есть либо отказ в принятии жалобы к рассмотрению на данном этапе, либо, собственно, принятие к рассмотрению и, по сути, дальнейшее изучение вопросов, поставленных в жалобе). Несмотря на то, что данные законоположения утратили силу, оговоренный ранее срок в целом соблюдается: обычно названное решение принимается примерно в полуторамесячный срок, однако с учётом того, что в августе судьи Конституционного Суда Российской Федерации уходят в коллективный отпуск,

⁶ Там же. П. 2 ст. 25.

⁷ См.: ст. 30 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

⁸ См.: п. 3 ст. 25 Конституционного закона Республики Казахстан «О Конституционном Суде Республики Казахстан» от 5 ноября 2022 года № 153-VII ЗРК.

⁹ Там же. П. 4, 6 ст. 41.

¹⁰ См.: ч. 2 ст. 53 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

¹¹ Там же. Ст. 42.

разрешение вопроса о судьбе обращений, поступивших в середине июля может затянуться до сентября (что хоть и превышает средний полуторамесячный срок, но укладывается в установленные ранее три месяца).

Приоритетность проведения слушаний по различным делам определяется исходя из их общественной значимости и очередности поступления обращений¹². Этому же вопросу посвящен § 38 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации, где в старой редакции содержалась формулировка: «В случаях, не терпящих отлагательства, очередность может быть изменена». Пример случая, не терпящего отлагательства, приводит Г. А. Гаджиев, указывая на необходимость скорейшего рассмотрения и разрешения дела Судом для восстановления прав заявителя, которые были нарушены в результате применения оспариваемых норм в его деле [5, с. 269]. Понятие «общественной значимости» видится нам шире словосочетания «случаи, не терпящие отлагательства», что при разности толкований подобного оценочного положения еще более приводит к неясности по поводу очередности проведения слушаний по делам. Наиболее яркие современные примеры подобных случаев: постановления Конституционного Суда Российской Федерации №№ 36-П, 37-П, 38-П и 39-П от 2 октября 2022 года по делам о проверке конституционности четырех, не вступивших на тот момент в силу международных Договоров между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой, Луганской Народной Республикой, Запорожской областью и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта (указанные договоры подписаны в городе Москва 30 сентября 2022 года).

Представляет интерес законодательно закреплённая для Конституционного Суда Республики Казахстан возможность полностью или частично рассматривать дела в электронном формате. Электронный формат подразумевает возможность представления документов сторонами и иными лицами, а также оформления образующихся в ходе производства документов в электронном виде с использованием электронной цифровой подписи. Участие в судебном заседании может быть обеспечено посредством технических

¹² См.: ст. 47 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

средств, если с такой инициативой выйдет сам орган конституционной юстиции¹³.

В Российской Федерации есть возможность представления документов в Конституционный Суд в электронной форме, однако само разрешение дел в электронном формате не предусматривается. Российское законодательство, в принципе, несколько в ином аспекте регулирует этот вопрос, устанавливая две организационные формы конституционного судопроизводства: с проведением публичного слушания и без такового. При этом дела рассматриваются и разрешаются в заседаниях Конституционного Суда Российской Федерации¹⁴, которые проходят коллегиально¹⁵ и устно¹⁶. Вместе с тем принцип устности разбирательства в Республике Казахстан, в отличие от Российской Федерации, не относится соответствующим конституционным законом к принципам (условиям) конституционного производства.

Изложенное, безусловно, не означает неиспользование в Конституционном Суде Российской Федерации документов в электронном виде и (или) на электронных носителях (начиная от различных справочно-правовых систем и внутренних баз, обеспечивающих, к примеру, делопроизводство, до программно-технических средств, обеспечивающих функционирование официального сайта и размещённой на нём информации), однако итоговые решения оформляются на официальных бланках на бумажных носителях.

При этом важной особенностью деятельности Конституционного Суда Российской Федерации является разрешение дел без проведения слушаний¹⁷. Российское законодательство не содержит перечня дел, при рассмотрении которых возможно использовать подобную организационную форму конституционного судопроизводства: решение об используемой форме всегда принимается индивидуально, с учетом различных обстоятельств, в частности, таких, как сложность конкретного дела, наличие ранее выраженных правовых позиций по предмету рассмотрения и (или) смежным вопросам, общественной значимости исследуемой проблематики и многочис-

¹³ См.: ст. 30 Конституционного закона Республики Казахстан «О Конституционном Суде Республики Казахстан» от 5 ноября 2022 года № 153-VII ЗПК.

¹⁴ См.: ст. 20 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

¹⁵ Там же. Ст. 30.

¹⁶ Там же. Ст. 33.

¹⁷ Там же. Ч. 1 ст. 47.1.

ленных иных факторов. При этом, вопреки мнению некоторых ученых, при рассмотрении дел без проведения слушания не происходит какого-либо нарушения прав участников процесса [9, с. 99], в том числе и принципа состязательности сторон, так как вне зависимости от выбора организационной формы конституционного судопроизводства, участники доводят свою позицию и аргументы до суда в письменном виде. Копия конституционной жалобы со всеми приложенными документами направляются другой стороне (если таковая имеется) для представления письменного отзыва, который также доступен к ознакомлению и подаче на него возражений участниками. Подобное ограничение состязательного процесса в органах конституционного контроля, которое, однако, не является упрощением процесса за счет ухудшения его качества» [4, с. 131 – 135] присутствует во многих странах и не является чем-то предосудительным.

Итоговое решение в органе конституционного правосудия Казахстана принимается без посторонних лиц, большинством голосов судей, участвующих в заседании¹⁸, за исключением случая, когда решение принимается по жалобе гражданина и требует консенсуса¹⁹. Аналогично итоговое решение принимается в Конституционном Суде Российской Федерации – оно может быть принято только в закрытом совещании судей²⁰. Допускается присутствие в совещательной комнате сотрудников аппарата суда для обеспечения протоколирования и нормального хода совещания.

Общим в Российской Федерации и Республике Казахстан является право судей Конституционного Суда выражать свое особое мнение по делу, но они не вправе обнародовать его и ссылаться на него в различных публикациях и источниках. Также судьи сравнимых органов конституционного контроля не могут отказаться от голосования, однако учет голосов при принятии решений осуществляется по-разному. При равенстве голосов в Конституционном Суде Казахстана голос Председателя, который всегда подается последним, имеет решающее значение. Если обязанности Председателя во время голосования исполняет соответствующий судья, то проводится повторное голосование с участи-

ем Председателя или судьи, ранее не участвовавшего в голосовании²¹.

В Российской Федерации голос Председателя Конституционного Суда не считается решающим. Отличительной чертой процедуры голосования при принятии итогового решения в российском конституционном судопроизводстве является то, что в ней не могут принимать участие судьи, не рассматривавшие дело в судебном заседании²².

По общему правилу, все решения также, как и в Казахстане, принимаются большинством голосов. При этом по ряду дел при условии разделения голосов поровну решение считается принятым в пользу конституционного соответствующего объекта конституционного контроля. Требование о наличии квалифицированного большинства голосов для принятия положительного решения предусмотрено при решении вопроса о толковании конституции – требуется не менее двух третей голосов²³.

Обратившись к формам решений Конституционного Суда Казахстана, отметим, что итоговые решения именуются нормативными постановлениями, постановлениями, заключениями и посланиями²⁴.

Нормативные постановления в соответствии со ст. 4 Основного закона, являются частью национального права наравне с нормативными постановлениями Верховного Суда. Принятые Конституционным Судом Российской Федерации судебные акты имеют форму постановлений, определений, заключений и решений (по вопросам организации деятельности).

Послания – вид решений, подготавливаемых органом конституционной юстиции Казахстана в целях утверждения отчетов о состоянии конституционной законности в Республике, которые оглашаются на совместном заседании палат Парламента. У Конституционного Суда Российской Федерации отсутствует законодательно закреплённая возможность выступить перед Федеральным Собранием Российской Федерации, однако с учетом того, что за все время существования подобной возможности, закреплённой в Кон-

¹⁸ См.: п. 2. ст. 58 Конституционного закона Республики Казахстан «О Конституционном Суде Республики Казахстан» от 5 ноября 2022 года № 153-VII ЗПК.

¹⁹ Там же. П. 3 ст. 25.

²⁰ См.: ст. 70 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

²¹ См.: ст. 58 Конституционного закона Республики Казахстан «О Конституционном Суде Республики Казахстан» от 5 ноября 2022 года № 153-VII ЗПК.

²² Ст. 30 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

²³ Там же. Ст. 72.

²⁴ См.: п. 1 ст. 56 Конституционного закона Республики Казахстан «О Конституционном Суде Республики Казахстан» от 5 ноября 2022 года № 153-VII ЗПК.

ституции Российской Федерации вплоть до 2020 года, она ни разу не была реализована, её формальное упразднение вряд ли существенным образом нивелирует значимость Конституционного Суда Российской Федерации, либо ограничивает его полномочия, тем более, что у названного Суда существует достаточно иных способов донести [3] свою позицию по различным вопросам в том числе и до федерального законодателя.

Подводя итог проведенному сравнительно-правовому исследованию, сделаем следующие выводы. Мы попытались сосредоточиться только на существенных моментах правовой регламентации, относящихся к порядку принятия обращений, подготовке дел к судебному заседанию, проведению слушаний по делу, а также принятию итоговых решений органами конституционного правосудия Российской Федерации и Республики Казахстан. В то же время многие аспекты остались в стороне, а каждая из приведенных выше стадий конституционного судебного процесса может быть изучена в рамках отдельных научных изысканий. Все более заметной становится конвергенция деятельности российского и

казахстанского органов конституционного контроля. Схожи требования, предъявляемые к обращениям, перечень участников судопроизводства, несущественно отличаются сроки, сопоставимы принципы, которыми руководствуются суды при принятии итоговых решений. Во многом этому способствуют нормы материального конституционного права.

Трудно спрогнозировать, каких тенденций будут придерживаться законоположения, регламентирующие статус судов в дальнейшем, при этом вряд ли статус Конституционного Суда Республики Казахстан будет ещё более *mutatis mutandis* походит на правовое положение Конституционного Суда Российской Федерации, так как представляется, что весомая доля нормативных положений и так была создана с очевидным сходством с законоположениями, действующими в Российской Федерации. Соответственно, есть основание полагать, что весь наработанный опыт нормативного регулирования Российской Федерации в вопросах конституционного процесса уже был воспринят и адаптирован: далее следует только свой путь и дальнейшая модернизация с учетом вызовов времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Балгынтаев А. О. Конституционный Суд Республики Казахстан — веление времени // Российский судья. — 2022. — № 10. — С. 54–57.
2. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. — Москва : Норма : Инфра-М, 2011. — 544 с.
3. Зорькин В. Д. Актуальные проблемы деятельности Конституционного Суда РФ: вопросы и ответы : выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционный суд Российской Федерации : офиц. сайт. — URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=74> (дата обращения: 05.05.2023).
4. Кокотова М. А. Осуществление принципа состязательности в деятельности органов конституционного контроля (на примере последующего нормоконтроля в конституционном совете Франции) // Вестник Омского университета. — 2014. — № 4. — С. 131–135.
5. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» / под ред. Г. А. Гаджиева. — Москва : Норма : Инфра-М, 2012. — 672 с.
6. Кумарбекова А. Р. Новый Казахстан: основные направления конституционной реформы // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. — 2023. — Т. 1, № 72. — С. 250–257.
7. Нарутто С. В. Конституционный судебный процесс: понятие, признаки, особенности // Право и политика. — 2013. — № 5. — С. 708–713.
8. Саликов М. С. Новеллы конституционного судебного процесса // Российский юридический журнал. — 2011. — № 4 (79). — С. 7–13.
9. Тарабан Н. А. Состояние принципа состязательности в конституционном судебном процессе в условиях конституционной реформы 2020 года // Право и правоприменение в современной России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Новосибирск, 24–26 сент. 2020 г.). — Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2020. — С. 96–99.
10. Усов А. Ю. Теоретические основы конституционного судопроизводства в Российской Федерации : монография. — Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. — 189 с.

REFERENCES

1. Balgyntaev A. O. The Constitutional court of the Republic of Kazakhstan: The need of the hour. *Rossiiskii sudya = Russian Judge*, 2022, no. 10, pp. 54–57. (In Russian).

2. Bondar N. S. *Sudebnyi konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiya* [Judicial Constitutionalism in Russia in the Light of Constitutional Justice]. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 2011. 544 p.

3. Zorkin V. D. *Current Problems of Activity of the Constitutional Court of the Russian Federation: Questions and Answers: Statement by the President of the Constitutional Court of the Russian Federation*. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=74> (In Russian).

4. Kokotova M. A. Realization of the principle of adversariality in the activity by the organs of constitutional control (On the example of the follow-up norms control in the constitutional counsel of France). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo = Herald Omsk University. Series Law*, 2014, no. 4, pp. 131 – 135. (In Russian).

5. Gadzhiev G. A. (ed.). *Kommentarii k Federalnomu konstitutsionnomu zakonu «O Konstitutsionnom Sude Rossiiskoi Federatsii»* [Commentary on the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation»]. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 2012. 672 p.

6. Kumarbekova A. R. New Kazakhstan: Main directions of constitutional reform. *Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan = Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, 2023, vol. 1, no. 72, pp. 250 – 257. (In Kazakh).

7. Narutto S. V. Constitutional Litigation: Concept, Attributes, Features. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2013, no. 5, pp. 708 – 713. (In Russian).

8. Salikov M. S. Novels of Constitutional Judicial Process. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2011, no. 4 (79), pp. 7 – 13. (In Russian).

9. Taraban N. A. Status of the Adversarial Principle in the Constitutional Judicial Process in the Constitutional Reform of 2020. *Pravo i pravoprimenenie v sovremennoi Rossii. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Novosibirsk, 24–26 sentyabrya 2020* [Law and Law Enforcement in Modern Russia. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Novosibirsk, September 24 – 26, 2020]. Novosibirsk State University Publ., 2020, pp. 96 – 99. (In Russian).

10. Usov A. Yu. *Teoreticheskie osnovy konstitutsionnogo sudoproizvodstva v Rossiiskoi Federatsii* [Theoretical Fundamentals of Constitutional Procedure in the Russian Federation]. Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation Publ., 2020. 189 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ревнов Борис Александрович (Санкт-Петербург) — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург) (199106, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3, e-mail: akziz07@yandex.ru).

Кохман Дмитрий Вадимович (Санкт-Петербург) — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (190000, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 96, e-mail: kokhman2013@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Revnov, Boris A. (St. Petersburg) — Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor of the Constitutional and Administrative Law Department, The Institute of Law (St. Petersburg) (3 Gavanskaya St., St. Petersburg, 199106, Russia, e-mail: akziz07@yandex.ru).

Kokhman, Dmitry V. (St. Petersburg) — Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer of the State Law Department, Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (96 Naberezhnaya reki Moyki St., St. Petersburg, 190000, Russia, e-mail: kokhman2013@yandex.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 347.73

Е. А. Васянина

*Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6128-2668
ResearcherID: GRY-5402-2022*

УПРАВЛЕНИЕ ДЕНЕЖНОЙ ЭМИССИЕЙ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 62–70.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.7.

Дата поступления 20.02.2023, дата принятия к печати 01.06.2023,
дата онлайн-размещения 26.06.2023.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются правовые аспекты управления денежной эмиссией, исследуются экономико-правовые вопросы применения инструментов денежно-кредитной и бюджетной политики. Доказано, что Центральный банк РФ является не единственным регулятором денежной эмиссии, а перечень средств управления процессом создания платежеспособности участников гражданского оборота не исчерпывается положениями Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Помимо банковской системы в создании платежеспособности хозяйствующих субъектов участвует бюджетная система, а эмиссия бюджетного рубля опосредована бюджетно-правовым механизмом. Кроме того, в условиях современной модели государственного управления активную роль в регулировании денежной эмиссии играют финансовые институты развития. Применение общелогических методов исследования, в том числе анализа и синтеза, формально-юридического и сравнительно-правового метода, позволили автору прийти к следующим выводам: 1) наделение финансовых институтов развития полномочиями по распределению бюджетных средств, кредитов, а фактически — полномочиями по определению условий возникновения и исполнения эмиссионных финансовых обязательств — привело к созданию альтернативного правового института регулирования процесса передачи денег в экономику, минуя банковскую и бюджетную систему; 2) активизация процесса передачи части функций Банка России Правительству Российской Федерации в условиях беспрецедентного санкционного режима в отношении России положительно скажется на формировании современной правовой модели управления денежной эмиссией, поскольку позволит ограничить самостоятельность ЦБ РФ, исполняющего обязательства, вытекающие из Статей Соглашения МВФ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Эмиссия; деньги; бюджет; Центральный банк Российской Федерации; банки; кредит; финансовые институты развития; налог; криптовалюта; субсидии.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Васянина Е. Л. Управление денежной эмиссией // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 62–70. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.7.

UDC 347.73**E. L. Vasyanina**

*Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6128-2668
ResearcherID: GRY-5402-2022*

MANAGEMENT OF MONEY ISSUE**PUBLICATION DATA**

Prologue: Law Journal, 2023, no. 2, pp. 62–70.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.7.
Received 20.02.2023, accepted 01.06.2023, available online 26.06.2023.

ABSTRACT

The article discusses the legal aspects of money issue management, examines the economic and legal issues of the use of monetary and budgetary policy instruments. It is proved that the Central Bank of the Russian Federation is not the only regulator of monetary emission, and the list of means of managing the process of creating the solvency of participants in civil turnover is not limited to the provisions of the Federal Law «On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)». In addition to the banking system, the budget system participates in the creation of the solvency of economic entities, and the issue of the budget ruble is mediated by a budgetary and legal mechanism. In addition, in the conditions of the modern model of public administration, financial institutions of development play an active role in the management of monetary emission. The use of general logical research methods, including analysis and synthesis, formal legal and comparative legal methods allowed the author to come to the following conclusions: 1) the empowerment of financial development institutions with the authority to allocate budget funds, loans, and in fact the authority to determine the conditions for the emergence and fulfillment of emission financial obligations led to the creation of an alternative legal institution for regulating the process of transferring money to the economy, bypassing the banking and budgetary system; 2) the activation of the process of transferring part of the functions of the Bank of Russia to the Government of the Russian Federation in the context of an unprecedented sanctions regime against Russia will have a positive impact on the formation of a modern legal model of money issue management, since it will limit the independence of the Central Bank of the Russian Federation fulfilling obligations arising from the Articles of the IMF Agreement.

KEYWORDS

Emission, money; budget; Central Bank of the Russian Federation; banks; credit; development financial institutions; tax; cryptocurrency; subsidies.

FOR CITATION

Vasyanina E. L. Management of Money Issue. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 2, pp. 62–70. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.7.

Вопросы управления денежной эмиссией, являющейся, с одной стороны, скрытой формой налога, незаметно конфискующего часть дохода отдельных групп населения [10], а с другой стороны, — источником капиталовложений и создания платежеспособности участников гражданского оборота, всегда вызвали интерес у представителей юридической и экономической науки.

Создание эффективной правовой модели регулирования эмиссии денег требует комплексного подхода к изучению всех форм и регуляторов ее проведения. Значительная часть исследований об осуществлении денежной эмиссии [см., например, 6, 11] посвящена изучению инструментов денежно-кредитной политики, реализуемой ЦБ РФ, прерогативой которого на основании Конституции РФ является эмиссия денежных средств и обеспечение устойчивости курса национальной валюты. Однако ЦБ РФ является не единственным регулятором денежной эмиссии, а перечень инструментов управления эмиссионными финансовыми обязательствами не исчерпывается положениями Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Помимо банковской системы в создании платежеспособности хозяйствующих субъектов участвует бюджетно-правовой механизм, обеспечивающий распределение бюджетных средств в рамках, закрепленных Бюджетным кодексом РФ форм бюджетного финансирования, к числу которых относится сметно-бюджетное финансирование, субсидирование, предоставление грантов, государственные закупки и др. Это позволяет рассматривать бюджет в качестве самостоятельного регулятора денежной эмиссии, подчиненной инструментам бюджетной политики государства.

В условиях современной модели государственного управления происходит необоснованное расщепление функций по управлению денежной эмиссией между Банком России и финансовыми институтами развития, что не вписывается в параметры конституционных предписаний об эмиссии национальной валюты. Передача части полномочий регулятора денежной эмиссии финансовым институтам развития, отсутствие сопряженности инструментов денежно-кредитной и бюджетной политики в сфере управления денежной эмиссией, выпуск в обращение денежных суррогатов — все это приводит к утрате государством полноценного контроля за денежной эмиссией и денежным обращением. Об этом свидетельствует обнаруженное экономистами усиление процесса теневых расчетов, проявляющихся в одновременном росте суммы наличных денег и счетов «до востребования»,

скорости их оборота и низких, на грани нуля темпах инфляции [3].

Цель настоящей статьи состоит в анализе и правовой оценке эффективности правовых инструментов воздействия на процесс осуществления денежной эмиссии, а также в определении направлений формирования современной правовой модели регулирования процесса выпуска денежной массы в обращение.

Выбор правовых средств управления денежной эмиссией во многом зависит от развивающихся денежных теорий. В мировой практике в условиях экономического кризиса активное применение получила новая денежная теория, в соответствии с которой наращивание госдолга происходит за счет дефицита бюджета, а фискальная политика превращается в фактор системного стимулирования экономического развития государства, когда изъятие избыточной денежной массы из обращения происходит посредством повышения налогов [5, 9]. Отдельные элементы этой теории нашли отражение в российской экономической политике. Свидетельством изложенного является увеличение на фоне экономического кризиса масштабов субсидирования, приостановка в 2022 году бюджетного правила, ограничивающего направление нефтегазовых доходов на текущие расходы и, как следствие, — поиск правовых средств, позволяющих увеличить фискальную нагрузку на хозяйствующих субъектов, о чем свидетельствует обсуждение вопроса о введении разового добровольного взноса в бюджет (налога на сверхприбыль прошлых лет).

Избегая оценки эффективности денежных теорий, и оставляя дискуссию об этом для представителей экономической науки, подчеркну, что применение любой денежной теории должно быть сопряжено с анализом и правовой оценкой инструментов, обеспечивающих процесс осуществления эмиссии денег, а также параметров их взаимодействия.

Одним из ключевых инструментов управления денежной эмиссией является кредит, способствующий развитию инвестиционной активности и позволяющий аккумулировать в хозяйственном обороте денежные ресурсы, не охваченные другими каналами финансового распределения [1]. Опосредованная банковской системой, эмиссия кредитных денег обеспечивается реализуемой ЦБ РФ денежно-кредитной политикой, что свидетельствует о публично-правовой природе кредитных обязательств, условия исполнения которых детализируются в рамках договора банковского кредитования. Далеко не случайно в условиях резкого роста инфляции в 2014–2015 гг. в судебной практике начал формироваться

подход об удовлетворении требований заемщиков к банкам о прекращении кредитных обязательств в связи с неисполнением Банком России обязанностей по обеспечению устойчивости курса рубля [11, с. 262]. Однако данный подход не получил развития и в дальнейшем: отказывая в удовлетворении требований заемщиков, заявленных по таким же основаниям, суды, необоснованно отвергая публично-правовую составляющую кредитных правоотношений, разрешали споры исключительно в соответствии с положениями ГК РФ об основаниях прекращения обязательств по требованию одной из сторон¹. Вместе с тем очевидно, что конструкция кредитного договора выступает лишь технико-юридическим приемом воздействия на финансовые отношения в сфере осуществления эмиссии кредитных денег, регулятором которой является Банк России, ответственный за применение инструментов реализуемой им денежно-кредитной политики в целях обеспечения устойчивости и поддержания курса рубля.

Изучая особенности осуществления эмиссии кредитных денег, невозможно не обратить внимания на проблему закредитованности участников гражданского оборота, наличие которой не способствует стабильному экономическому развитию государства. Об избыточном применении кредитного механизма свидетельствует тот факт, что гарантией возврата долга, возникшего в рамках кредитного договора, являются коллекторские агентства, деятельность которых вызывает социальную напряженность. Кроме того, эмиссия кредитных денег сопровождается активной практикой банков, направленной на заключение соглашений о взаимовыгодном сотрудничестве с организациями по реализации программы по оказанию услуг населению в кредит. В результате происходит навязывание гражданам кредита организациями, оказывающими дорогостоящие услуги, на заранее невыгодных для заемщиков условиях.

На фоне закредитованности населения объемы эмиссии кредитных денег на развитие производственного сектора недостаточны, долгосрочное кредитование развивается очень медленно. По данным Ассоциации банков России в первой половине 2022 года

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2016 года № 18-КГ16-102 // Банк судебных решений : сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrfl.ru/stor_pdf.php?id=1477402 ; Апелляционное определение Пермского Краевого Суда от 6 июля 2016 года по делу № 33-7338 // СПС «КонсультантПлюс».

снижение объемов кредитования в большей степени коснулось сегмента крупных предприятий². Одновременно кредитный механизм активно применяется в особо значимых для обеспечения безопасности государства сферах производства, в отношении которых целесообразно применять основанный на казначейском сопровождении расходов механизм финансирования государственных контрактов. Например, в последнее время широкое распространение для финансирования гособоронзаказа на выполнение госпрограммы на вооружение получили целевые кредиты, предоставление которых сопровождается субсидированием процентных ставок³.

Неограниченная денежная эмиссия, опосредованная кредитным механизмом, приводит к закредитованности не только населения, но и публично-правовых образований, а в конечном счете, — к увеличению цен на товары, работы, услуги. Использование банковского кредита в качестве инструмента формирования доходной базы субъектов Российской Федерации привело регионы в долговую яму. По официальным данным, по состоянию на 1 января 2018 года у некоторых регионов полученные кредиты существенно превышали весь годовой доход, а долг 11-ти регионов составлял более 50 % доходов⁴. Рост в структуре государственного долга коммерческих кредитов привел к тому, что по состоянию на начало 2020 года соотношение госдолга и собственных доходов некоторых регионов превышало 100 и даже 200 процентов⁵.

В отличие от кредитных обязательств, регулятором которых выступает ЦБ РФ, правовое регулирование бюджетных обязательств,

² Банки и экономика в цифрах и графиках. URL: https://asros.ru/upload/iblock/723/hsgxp5nknxoh0y0s3uf7tmr50cn9f9o9/Banki-i-ekonomika_2022-_1_2_.pdf.

³ Об утверждении Правил предоставления в 2020 – 2022 годах субсидий из федерального бюджета организациям оборонно-промышленного комплекса, производящим продукцию станкостроения, для возмещения части затрат, понесенных в период с 2017 по 2022 годы на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях и государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ», на пополнение оборотных средств и (или) на финансирование текущей производственной деятельности : Постановление Правительства Российской Федерации от 27 дек. 2019 г. № 1878 // Правительство России : офиц. сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/125623/>.

⁴ Минфин отдал регионы с населением в «работу» госбанкам. URL: <https://zen.yandex.ru/media/sonmaxru> (дата обращения: 11.01.2018).

⁵ Программы льготной ипотеки от застройщика : доклад для общественных консультаций / Банк России. Москва, 2022. 16 с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/140482/Consultation_Paper_12102022.pdf.

обеспечивающих эмиссию бюджетного рубля, охватывается нормами Бюджетного кодекса РФ (далее – БК РФ). Объем осуществляемых бюджетных расходов, обеспечивающих платежеспособность получателей бюджетных средств, ограничивается доходной базой бюджетной системы, формирование которой происходит как посредством привлечения фискальных платежей и принудительных изъятий, так и собственных доходов государства, полученных от приносящей доход деятельности, от размещения займов. Поскольку в сфере государственного хозяйства объем доходов государства определяется объемом расходов [7, с. 5], связанных с финансированием основных направлений хозяйственной деятельности и обеспечением экономического суверенитета страны, осуществление эмиссии бюджетного рубля обеспечивается показателями сбалансированности бюджета, к числу которых относятся допустимый уровень дефицита бюджета субъекта и местного бюджета, верхний предел государственного (муниципального) долга и бюджетное правило, ограничивающее использование нефтегазовых доходов бюджета для финансирования текущих расходов.

Условия исполнения бюджетных обязательств, обеспечивающих эмиссию бюджетного рубля, конкретизируются в государственных (муниципальных) контрактах, соглашениях о предоставлении субсидий, концессионных соглашениях [4], эффективность применения которых требует оценки. Проведенный анализ позволяет констатировать неэффективность по ряду аспектов концессионных соглашений, конкретизирующих условия предоставления бюджетных средств и частных инвестиций для финансирования инфраструктурных проектов. Проблемы в сфере применения этих соглашений связаны с тем, что нередко на определенном этапе исполнения концессии превращаются в государственные закупки, приводя к увеличению финансовых рисков для бюджетной системы. Изложенное можно проиллюстрировать на примере материалов, подготовленных Счетной палатой РФ⁶. Проверив эффективность

реализации концессионных соглашений по строительству двух платных трасс – «Новый выход на МКАД» и «М-11 Москва – Санкт-Петербург на участке км 15 – км 58», контрольный орган пришел к выводу о том, что заключение концессионных соглашений для строительства этих дорог не только не помогло оптимизировать бюджетные расходы, но и привело к дополнительным расходам бюджета в сумме 5,6 млрд рублей, которую государство выплатило концессионерам в качестве компенсации за недополученный доход [9]. Более того, сегодня в регионах происходит формирование бюджетных обязательств на основе так называемых «квази-концессионных соглашений», то есть концессионных соглашений, основанных исключительно на использовании бюджетных средств, в рамках которых концессионерами выступают дочерние компании региональных корпораций, а концедентами – субъекты Российской Федерации [8]. Это приводит к уничтожению концессии как инструмента финансирования инфраструктурных проектов, который государство использует для оптимизации бюджетных расходов и привлечения частных инвестиций.

Проблемы в правоприменительной практике связаны с исполнением соглашений о предоставлении субсидий, масштаб которых увеличивается с каждым годом, тем самым превращая субсидию в один из ключевых инструментов эмиссии бюджетного рубля, который активно используется государством в целях создания платежеспособности хозяйствующих субъектов, а в связке с инструментами денежно-кредитной политики, применяемыми Банком России, может привести к разбалансировке экономики.

Вопросы влияния инструментов денежно-кредитной политики на бюджетно-правовой механизм, соотношения параметров применения кредитного и бюджетного механизмов в процессе формирования и исполнения эмиссионных финансовых обязательств практически не находят отражение в финансовом законодательстве. Проведенный анализ позволил выделить в финансовых законах два ключевых положения по исследуемому вопросу. Во-первых, положение о порядке и условиях взаимодействия инструментов денежно-кредитной и бюджетной политики содержится в гл. 13.2 БК РФ, в соответствии с которой Банк России посредством валютных интервенций, проводимых в рамках закрепленного БК РФ бюджетного правила, ограничивающего бюджетные расходы, регулирует эмиссию бюджетного рубля. Во-вторых, положение о том, что Банк России не вправе предоставлять кредиты Правительству Рос-

⁶ Отчет Счетной палаты Российской Федерации «О результатах контрольного мероприятия “Проверка эффективности применения и реализации Государственной компанией “Российские автомобильные дороги” концессионных соглашений “Строительство скоростной автомобильной дороги Москва – Санкт-Петербург на участке км 15 – км 58” и “Строительство нового выхода на МКАД с федеральной автомобильной дороги М-1 “Беларусь” Москва – Минск (обход г. Одиново) в 2015 – 2019 годах и истекшем периоде 2020 года”». Москва, 2020. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/37c/37c22ef5107087c0bb122bc8d2b525c3.pdf>.

сийской Федерации для финансирования дефицита федерального бюджета, покупать государственные ценные бумаги при их первичном размещении закреплены в ст. 22 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»⁷.

Очевидно, что указанных положений недостаточно для эффективного правового регулирования эмиссии фиатных денег. В условиях отступления от золотого стандарта регулирование процесса возникновения и исполнения эмиссионных финансовых обязательств, включая обязательства, возникающие в сфере банковского кредитования и бюджетного финансирования, является наиболее уязвимой областью. Поскольку, по обоснованному мнению представителей экономической науки, эмиссия вторична по отношению к денежным обязательствам и инфляционным процессам, которые в условиях рыночной экономики запускаются посредством свободного ценообразования [13], одним из основных инструментов, обеспечивающих стыковку финансовой системы и экономической реальности, выступает цена. Далеко не случайно основной целью реализуемой Банком России денежно-кредитной политики является поддержание ценовой стабильности.

Проведенный анализ позволил выявить случаи, когда роль финансового мегарегулятора в поддержании ценовой стабильности ослабевает. В частности, негативное влияние на ценовую стабильность оказывает предоставление кредита, сопровождающегося субсидированием процентных ставок. С экономической точки зрения, изложенное объясняется снижением эффективности процентного канала трансмиссионного механизма. Растущая доля льготных кредитов, сопровождающаяся субсидированием процентных ставок, ослабляет влияние ключевой ставки на стоимость заемных средств для конечных заемщиков⁸, в результате чего ослабевает роль Банка России в достижении ключевой цели денежно-кредитной политики. Изложенное приводит к нарушению экономического закона спроса и предложения. Так, применение кредитного механизма в рамках финансирования долевого строительства, сопровождающееся масштабным бюджетным финансированием,

привело к дестабилизации уровня цен на рынке недвижимости. В соответствии с докладом ЦБ РФ, экстремально низкие ставки по программам «льготной ипотеки от застройщика» достигаются за счет: завышения стоимости квартиры для заемщика и выплаты застройщиком банку этой разницы в составе комиссии для компенсации его выпадающих доходов; использования субсидируемой ставки от государства⁹.

С правовой точки зрения, искажение процесса воздействия ключевой ставки на спрос и цены вызвано децентрализацией управления денежной эмиссией, то есть одновременным приведением в действие нескольких регуляторов денежной эмиссии: *бюджетной системы*, опосредующей эмиссию бюджетного рубля в форме субсидирования процентных ставок; *банковской системы*, выступающей источником эмиссии кредитных денег; *финансовых институтов развития*, принимающих активное участие в распределении кредитов и субсидий между хозяйствующими субъектами.

Среди названных регуляторов особого внимания заслуживают финансовые институты развития, существенная роль которых в механизме денежной эмиссии подтверждается оценками Ассоциации банков России (АБР). В письме АБР от 16 мая 2022 г. № А-02/1Ск-199, адресованному ЦБ РФ, и в Постановлении съезда АБР от 5 апреля 2022 г. отмечается постепенное формирование трехуровневой банковской системы, ключевая роль в рамках которой отводится таким системно значимым кредитным организациям и банкам с государственным участием, как институты развития.

На сегодняшний день помимо ЦБ РФ регуляторами эмиссии кредитных денег выступают: ДОМ.РФ — финансовый институт развития в жилищной сфере, созданный в 1997 году под названием «Агентство ипотечного жилищного кредитования», и являющийся оператором программы льготного кредитования на приобретение жилья, распределяющий лимиты льготного ипотечного кредитования среди банков; ВЭБ. РФ, устанавливающий порядок, сроки и ограничения предоставления кредитов, займов в рамках инвестиционной деятельности и другие финансовые институты развития, наделенные полномочиями по распределению кредитов и субсидий.

Непосредственное участие в регулировании денежно-кредитного механизма принимает государственная корпорация «Агент-

⁷ О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : Федер. закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28. Ст. 2790.

⁸ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов // Там же.

⁹ URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/140482/Consultation_Paper_12102022.pdf.

ство по страхованию вкладов». В актах Совета директоров государственной корпорации о предоставлении субординированных займов путем передачи кредитным организациям облигаций федерального займа закреплены положения об условиях банковского кредитования отдельных отраслей экономики и субъектов Российской Федерации¹⁰.

Произошла ситуация, когда государственные корпорации, наделенные государственно-властными полномочиями в целях эффективного развития определенного сегмента экономики, завладели полномочиями по распределению бюджетных средств, кредитов, а фактически — полномочиями по определению условий возникновения и исполнения эмиссионных финансовых обязательств. При этом не Банком России, а Правительством РФ утверждаются нормативы финансовой устойчивости финансовых институтов развития, а также условия распределения кредитов между участниками гражданского оборота¹¹. В сложившейся ситуации Правительство РФ выполняет функции финансового мегарегулятора.

С одной стороны, сложившееся правовое регулирование существенно осложняет процесс управления денежной эмиссией и свидетельствует об отклонении от функционального подхода к управлению экономикой, в рамках которого «...правильное определение функций каждого органа является определя-

ющим моментом при установлении полномочий и ответственности в управлении» [2, с. 5]. С другой стороны, приведенные акты Правительства РФ свидетельствуют о развитии в государстве процесса передачи части функций Банка России в сфере управления денежно-кредитным механизмом Правительству Российской Федерации. Активизация данного процесса в условиях беспрецедентного санкционного режима в отношении России несомненно будет иметь положительный эффект. Это позволит ограничить самостоятельность ЦБ РФ, исполняющего обязательства, вытекающие из Статей Соглашения Международного валютного фонда (МВФ) (1944 г.) и Статей Соглашения Международного банка реконструкции и развития (МБРР) (1944 г.), поддерживающих глобальную финансовую архитектуру, основанную на доминировании доллара.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что осуществление денежной эмиссии происходит в условиях расщепления функций ее регулятора между Центральным Банком Российской Федерации, бюджетной системой и институтами развития.

Ключевая проблема в сфере управления денежной эмиссией кроется в нарушении организационных принципов государственного управления, пренебрежение которыми привело к появлению альтернативного правового института регулирования процесса создания платежеспособности участников гражданского оборота, минуя банковскую и бюджетную систему, в рамках которого финансовые институты развития «завладели» полномочиями по распределению бюджетных средств, кредитов, а фактически — полномочиями по определению условий возникновения и исполнения эмиссионных финансовых обязательств.

В целях противодействия геополитическим рискам и обеспечения устойчивости финансовой системы России к экономическим кризисам формирование правовой модели управления денежно-кредитным механизмом государства должно основываться на проведении административной реформы, направленной на разграничение функций Правительства РФ и финансового мегарегулятора и подчинения Банка России Правительству РФ.

Существование двух ключевых регуляторов денежной эмиссии — банковской и бюджетной системы — требует конкретизации в актах финансового законодательства положений о порядке и условиях взаимодействия инструментов денежно-кредитной и бюджетной политики. Дефицит правового регулирования в обозначенной сфере препятствует эффективному управлению эмиссией фиатных денег.

¹⁰ См.: Порядок и условия размещения имущественного взноса Российской Федерации в имущество Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» в субординированные обязательства и привилегированные акции банков»: утв. решением Совета директоров ГК «Агентство по страхованию вкладов» от 13 янв. 2015 г. (протокол № 1, раздел I) // СПС «КонсультантПлюс»; Изменения в Порядок и условия размещения имущественного взноса Российской Федерации в имущество государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» в субординированные обязательства и привилегированные акции банков»: утв. решением Совета директоров ГК «Агентство по страхованию вкладов» от 18 дек 2018 г. (протокол № 9, раздел II) // Там же.

¹¹ Постановлением Правительства РФ от 13 октября 2020 г. № 1680 «О вопросах, связанных с обеспечением финансовой устойчивости единого института развития в жилищной сфере» (СПС «КонсультантПлюс») утверждена методика расчета нормативов финансовой устойчивости, методика количественной оценки кредитного риска единого института развития в жилищной сфере; Меморандумом о финансовой государственной корпорации развития ВЭБ. РФ, утвержденным Распоряжением Правительства РФ 10 августа 2021 года № 2208-р, устанавливается порядок, сроки и иные ограничения предоставления кредитов, займов, финансирования в рамках осуществления инвестиционной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алахвердян Д. А. Финансово-кредитный механизм развитого социализма. — Москва : Финансы, 1976. — 238 с.
2. Бачило И. Л. Функции органов управления (правовые проблемы оформления и реализации). — Москва : Юридическая литература, 1976. — 198 с.
3. Белоусов Д. Тринадцать тезисов об экономике. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2022/fall/TT13F.pdf.
4. Васянина Е. Л. О правовой природе денежной эмиссии // Финансовое право. — 2021. — № 6. — С. 3–6.
5. Гринкевич Д., Козлов А. В США обвинили в рецессии теорию, набирающую популярность в России // Ведомости. — 2022. — 13 дек.
6. Кучеров И. И. Право денежной эмиссии и его реализация // Финансовое право. — 2015. — № 3. — С. 3–8.
7. Курс финансового права / сост. Д. М. Львов. — Казань : тип. Университета, 1887. — 521 с.
8. Потаева К. В российских регионах становятся популярными концессии без привлечения частного капитала // Ведомости. — 2022. — 8 сент.
9. Современная денежная теория (ММТ): новая парадигма или набор рекомендаций для макроэкономической политики? / В. Грищенко, В. Остапенко, В. Ткачев, В. Тунёв // Экономическая политика. — 2021. — Т. 16, № 3. — С. 8–43.
10. Соколов А. А. Основные принципы денежно-кредитной политики. — Москва : Финансовое изд-во НКФ СССР, 1927. — 144 с.
11. Трансформация финансового права в новых экономических условиях : монография / Е. Л. Васянина, Е. А. Бочкарева, Е. Н. Горбунова [и др.] ; под ред. С. В. Запольского. — Москва : КноРус, 2021. — 278 с.
12. Третьякова С. Н. Модернизация денежно-кредитного регулирования в условиях трансформации механизма эмиссии денег : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.10. — Ростов-на-Дону, 2016. — 52 с.
13. Юровицкий В. М. Денежное обращение в эпоху перемен : науч.-практ. пособие. — Москва : ГроссМедиа : РОСБУХ, 2007. — 396 с.

REFERENCES

1. Allahverdyan D. A. *Finansovo-kreditnyi mekhanizm razvitogo sotsializma* [Financial and credit mechanism of developed socialism]. Moscow, Finance Publ., 1976. 238 p.
2. Vachilo I. L. *Funktsii organov upravleniya (pravovye problemy oformleniya i realizatsii)* [Functions of governing bodies (legal problems of registration and implementation)]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1976. 198 p.
3. Belousov D. *Thirteen theses on economics*. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2022/fall/TT13F.pdf. (In Russian).
4. Vasyanina E. L. On the legal nature of monetary emission. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2021, no. 6, pp. 3–6. (In Russian).
5. Grinkevich D., Kozlov A. In the USA, the theory that is gaining popularity in Russia was blamed for the recession. *Vedomosti*, 2022, December 13. (In Russian).
6. Kuchеров I. I. The right to money emission and implementation thereof. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2015, no. 3, pp. 3–8. (In Russian).
7. Lvov D. M. (ed.). *Kurs finansovogo prava* [Course of financial law]. Kazan University Publ., 1887. 521 p.
8. Potaeva K. Concessions without attracting private capital are becoming popular in Russian regions. *Vedomosti*, 2022, September 8. (In Russian).
9. Grishchenko V., Ostapenko V., Tkachev V., Tunyov V. Modern Monetary Theory (MMT): New Paradigm or a Set of Recommendations for Macroeconomic Policy? *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2021, vol. 16, no. 3, pp. 8–43. (In Russian).
10. Sokolov A. A. *Osnovnye printsipy denezhno-kreditnoi politiki* [Basic principles of monetary policy]. Moscow, People's Commissariat for Finance of the USSR Publ., 1927 144 p.
11. Vasyanina E. L., Bochkareva E. A., Gorbunova E. N. et al.; Zapolsky S. V. (ed.). *Transformatsiya finansovogo prava v novykh ehkonomicheskikh usloviyakh* [Transformation of financial law in new economic conditions]. Moscow, KnoRus Publ., 2021. 262 p.
12. Tretyakov S. N. *Modernizatsiya denezhno-kreditnogo regulirovaniya v usloviyakh transformatsii mekhanizma ehmissii deneg. Avtoref. Dokt. Diss.* [Modernization of monetary regulation in the conditions of transformation of the mechanism of money emission. Doct. Diss. Thesis]. Rostov-on-Don, 2016. 52 p.
13. Yurovitsky V. M. *Denezhnoe obrashchenie v ehpokhu peremen* [Monetary circulation in the era of change]. Moscow, GrosSMedia, ROSBUKH Publ., 2007. 396 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Васянина Елена Леонидовна (Москва) – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10, e-mail: elenavasianina@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasyanina, Elena L. (Moscow) – Dr. Sci. (Law), Leading Researcher of the Administrative Law and Process Sector of the Institute of State and Law. Russian Academy of Sciences (10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russia, e-mail: elnavasianna@yandex.ru).

УДК 347.963

Е. В. Михайлова

*Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0313-3813
ResearcherID: HMD-3152-2023*

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА
В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

**ИНФОРМАЦИЯ
О СТАТЬЕ**

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 71 — 77.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.8.

Дата поступления 31.01.2023, дата принятия к печати 01.06.2023,
дата онлайн-размещения 26.06.2023.

АННОТАЦИЯ

В статье поднимается проблема участия прокурора в так называемом «цивилистическом процессе». Показано, что в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства рассматривается значительное число дел, в которых предметом защиты является государственный интерес. При этом традиционно участие прокурора в судебном рассмотрении и разрешении гражданских дел сводится к двум формам: инициативной (возбуждение производства по делу) и участия в деле в целях дачи заключения. В научной литературе обычно делается акцент на то, что в любом случае прокурор защищает не интересы конкретного лица, а реализует функцию надзора за законностью, в том числе возбуждая гражданские дела и участвуя в них. Однако тогда, когда стороной в деле выступает государство, а предмет защиты — государственный интерес, процессуальный статус прокурора должен быть иным. Его роль при рассмотрении и разрешении гражданских дел аналогична роли истца, причем в данном случае, будучи частью государственного аппарата, его должностным лицом, он выступает не как «процессуальный истец», а как участник правового конфликта. Доказывается, что в гражданских делах с участием государства прокурор должен рассматриваться как «полноценная» сторона в деле, с предоставлением ему всего комплекса процессуальных прав, включая специальные (распорядительные) права. Критике подвергается действующее процессуально-правовое регулирование статуса заключения прокурора в цивилистическом процессе, отсутствие права прокурора возбуждать производство в арбитражном суде в защиту прав и интересов субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности. В современных условиях интересы защиты и государственной поддержки предпринимательства требуют, чтобы субъекты малого и среднего бизнеса, крестьянские (фермерские) хозяйства и иные субъекты, осуществляющие предпринимательскую и иную экономическую деятельность, могли реализовать свое конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи. Одновременно прокуратура должна осуществлять контроль за соблюдением законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность,

в том числе при рассмотрении дел в суде. Сделаны предложения по совершенствованию действующего процессуального законодательства в части совершенствования процессуально-правового положения прокурора в арбитражном и гражданском процессе, а также наделения его правовым статусом стороны в делах с участием государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цивилистический процесс; гражданское судопроизводство; арбитражное судопроизводство; прокурор; истец; заключение прокурора.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Михайлова Е. В. Некоторые проблемы участия прокурора в цивилистическом процессе // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 71 — 77. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.8.

UDC 347.963

E. V. Mikhailova

*Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0313-3813
ResearcherID: HMD-3152-2023*

SOME PROBLEMS OF THE PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE CIVIL PROCESS

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2023, no. 2, pp. 71 — 77.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.8.
Received 31.01.2023, accepted 01.06.2023, available online
26.06.2023.

ABSTRACT

The article raises the problem of the prosecutor's participation in the so-called «civil process». It is shown that in the framework of civil and arbitration proceedings, a significant number of cases are considered in which the subject of protection is the state interest. At the same time, traditionally, the participation of the prosecutor in the judicial review and resolution of civil cases is reduced to two forms: initiative (initiation of proceedings) and participation in the case for giving an opinion. The scientific literature usually focuses on the fact that in any case, the prosecutor does not protect the interests of a particular person, but implements the function of supervising the legality, including initiating civil cases and participating in them. However, when the State is a party to the case, and the subject of protection is the state interest, the procedural status of the prosecutor should be different. His role in the consideration and resolution of civil cases is similar to the role of the plaintiff, and in this case, being part of the state apparatus, its official, he acts not as a «procedural plaintiff», but as a participant in a legal conflict. It is proved that in civil cases with the participation of the state, the prosecutor should be considered as a «full-fledged» party in the case, with the granting of the whole complex of procedural rights, including special (administrative) rights. The current procedural and legal regulation of the status of the prosecutor's opinion in the civil process, the lack of the prosecutor's right to initiate proceedings in the arbitration court in defense of the rights and interests of subjects of entrepreneurial and other economic activity is criticized. In modern conditions, the interests of protection and state support of entrepreneurship require

that small and medium-sized businesses, peasant (farmer) farms and other entities engaged in entrepreneurial and other economic activities can exercise their constitutional right to receive qualified legal assistance. At the same time, the Prosecutor's office should monitor compliance with the legislation regulating entrepreneurial activity, including when considering cases in court. Proposals have been made to improve the current procedural legislation in terms of improving the procedural and legal position of the prosecutor in arbitration and civil proceedings, as well as giving him the legal status of a party in cases involving the state.

KEYWORDS

Civil procedure; civil proceedings; arbitration proceedings; prosecutor; plaintiff; prosecutor's conclusion.

FOR CITATION

Mikhailova E. V. Some Problems of the Participation of the Prosecutor in the Civil Process. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 2, pp. 71 – 77. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.8.

Собирательная категория «цивилистический процесс» означает судопроизводство по гражданским делам. В него включают как гражданское, так и арбитражное судопроизводство, однако последнее — в контексте существенно искового производства. Производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, а также административное судопроизводство не охватываются понятием цивилистического процесса.

«Цивилистический», таким образом, значит «гражданско-правовой». То есть в рамках цивилистического процесса защищаются исключительно гражданские права и законные интересы. Это бесспорное утверждение, поскольку административное судопроизводство было выделено из гражданского именно по признаку своего предназначения для рассмотрения и разрешения публично-правовых дел. Однако здесь есть проблема.

Дело в том, что исходное понятие «гражданское дело» должно обозначать частноправовые спорные отношения, но это далеко не всегда так. Согласно ст. 124 Гражданского кодекса РФ, гражданские правоотношения характеризуются взаимным равенством участвующих в них субъектов, и Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, участвуя в гражданском обороте, действуют «на равных» со всеми прочими его участниками. Иными словами, гражданские правоотношения — это отношения «горизонтального» типа.

Этот же подход закреплен в правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации: в противовес гражданско-правовым, публичные правоотношения предполагают отсутствие равенства их субъектов и авто-

номии их воли. В рамках публичного правоотношения одна его сторона реализует относительно другой властные полномочия по применению нормативных и ненормативных правовых актов¹.

Между тем, если внимательно посмотреть на содержание отдельных норм и институтов гражданского законодательства, будет очевидно, что далеко не все из них соответствуют сформулированному признаку «горизонтальности». Например, отношения, связанные с изъятием земельных участков для государственных и муниципальных нужд, в сфере пенсионного и иного социального обеспечения граждан, заключения и исполнения государственных контрактов, целого ряда земельных, трудовых, семейных отношений имеют публично-правовой характер. При их реализации используется императивный, властный метод правового регулирования, указанные отношения возникают и развиваются согласно воле одной из сторон. Но самое главное заключается в том, что в этих отношениях реализуются публичные, то есть государственный интерес (а не частный, как это общепринято в науке гражданского права).

Следовательно, в рамках цивилистического процесса сегодня рассматриваются и разрешаются не только частноправовые, но и публично-правовые конфликты, а защите подлежат интересы не только частных субъектов, но и государства.

¹ О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сент. 2016 г. № 36 // Российская газета. 2016. 3 окт.

Государство, будучи «юридической фикцией», политико-правовым институтом, разумеется, лично участвовать в правовых отношениях не может. Оно это делает посредством своих органов, уполномоченных должностных лиц, организаций, наделенных публичными полномочиями. Кроме того, государство, как любой другой субъект гражданского права, может уполномочить гражданина или организацию на ведение его дел — запрет на это в законодательстве отсутствует.

Как правило, от имени государства в суде участвуют те его органы и должностные лица, в чьем ведении находится реализация полномочий, из которых возник конфликт. В большинстве случаев они располагают штатными юристами, которые могут осуществить квалифицированную защиту публичных прав и интересов. По верному суждению М. С. Шакарян, во всех сферах жизни общества органы государственного управления действуют от имени государства [10, с. 765–766].

Однако в системе органов государственной власти имеется особый орган, чьи функции прямо направлены на обеспечение законности — прокуратура.

Правовой статус прокурора в гражданском и арбитражном процессе исторически рассматривается очень узко. Это повелось с тех пор, как в гражданском процессе рассматривались исключительно споры частных лиц друг с другом, а дела публично-правового характера разрешались во внесудебном порядке.

Еще Е. В. Васильковский указывал, что прокурор участвует в заседании суда и дает заключение по вопросам «о пререканиях между судебными и административными учреждениями», в случаях отсутствия ответчика в деле (по брачным делам и делам о законности рождения), при заявлении о подлоге документов и при решении вопроса о возбуждении уголовного преследования в отношении участника судопроизводства [2, с. 236].

Однако с течением времени к ведению суда стали относить все больше дел, в которых фигурирует публичный, или государственный, интерес. В литературе можно встретить обоснованные мнения о том, что правовой статус прокурора в гражданском и арбитражном процессе недостаточно разработан [7, с. 35–38].

Исследователи, да и практики, считают прокурора лицом, оказывающим помощь суду в правильном разрешении дела, «представителем» государства. Основной упор делают на функцию надзора за соблюдением прав граждан. Именно в этих целях он представляет суду свое заключение по делу.

Так, Л. А. Терехова отмечает, что участие прокурора в гражданском деле в поддержку одной из сторон является нарушением принципа состязательности [8, с. 124–129]. Но так ли справедливо это утверждение в случае, если в гражданском или арбитражном судопроизводстве рассматривается дело с участием государства?

Представляется, что, например, при рассмотрении спора, возникшего из отношений по принудительному изъятию для государственных или муниципальных нужд земельного участка, прокурор может представлять интересы государства. При этом необходимо понимать, что интерес государства, как и интерес прокурора, не может быть противозаконным. И они не могут вступать в противоречие. Учитывая, что государственный интерес — это интерес общественный [9, с. 54–55], то, как правильно подчеркивал Р. Е. Гукасян, «он не может быть противозаконным» [3, с. 245].

Подход, согласно которому прокурор в ряде случаев в гражданском процессе выступает в статусе истца, не нов — в соответствии с положением ст. 41 ГПК РСФСР 1964 г. прокурор был вправе как «предъявить иск», так и вступить в дело в целях дачи заключения. Ученые-процессуалисты советского периода отмечали, что «... от формы участия прокурора зависит его процессуальное положение. Прокурор, предъявивший иск, обязан составить заявление с копиями, доказать свои требования; он ведет состязание с ответчиком, может отказаться от иска, первым выступает в судебных прениях, на прокурора же, вступившего в начатый процесс, действие этих норм не распространяется» [6, с. 77]. Таким образом, прокурор-истец обладал всеми процессуальными правами стороны в деле, в отличие от прокурора-«надзирателя».

В самом деле, действующая редакция ст. 45 ГПК РФ тоже предусматривает право прокурора обратиться с заявлением о возбуждении производства по делу в защиту прав и интересов Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований, неопределенного круга лиц. Но правовой статус прокурора, возбуждвшего дело в защиту публичных прав и интересов государства, не раскрыт. Сказано, что он не вправе заключить мировое соглашение — но почему? Если он действует как представитель государства-стороны спорного гражданского правоотношения, рассматриваемого судом, он должен обладать в том числе и распорядительными процессуальными правами.

Нет сомнений и в том, что в ряде случаев прокурор может вступить в гражданское дело

в качестве третьего лица — опять же в случае, когда он является законным представителем государства-участника соответствующего гражданского правоотношения. Авторы, рассматривающие этот аспект, отрицают эту возможность на том основании, что у прокурора отсутствует материальная заинтересованность в деле, а у третьего лица она непременно должна наличествовать [1, с. 24]. Но в случае, когда прокурор действует как сторона правоотношения (представляя государство), у него, несомненно, имеется и материальная, и процессуальная заинтересованность в деле. Исследователи обычно упускают из вида это обстоятельство, в результате чего процессуальный статус прокурора как лица, участвующего в деле, рассматривается усеченно.

Участие прокурора как стороны дела по спору с участием государства вообще предпочтительнее, чем участие представителей других органов власти — прежде всего, исполнительных. Прокурор обладает высочайшей профессиональной компетенцией, высокими юридическими познаниями, осуществляет функцию надзора за законностью — он качественнее и эффективнее выполнит функцию защиты государственных интересов. Кроме того, судебная практика свидетельствует, что в большинстве случаев представители органов публичной власти и должностные лица без указания причин не являются в судебное заседание — даже в тех случаях, когда выступают в качестве стороны или третьего лица. При этом они не представляют суду свою позицию в письменном виде. Прокуроры, в силу их особого правового статуса, конечно, куда дисциплинированнее.

В современный период роль прокурора в обеспечении защиты прав и интересов государства в сфере гражданской юрисдикции вообще должна достичь максимального значения [5, с. 27 — 34]. В период беспрецедентного незаконного экономического давления на наше государство именно в гражданско-правовых отношениях экономические интересы государства должны получить наибольшую защиту. Пожалуй, сейчас это даже важнее, чем совершенствование функции уголовного преследования.

Понимая это, законодатель предпринимает должные меры. В частности в ст. 45 ГПК РФ, регулирующей участие прокурора в гражданском процессе, появилась часть 4, согласно которой прокурор может по собственной инициативе вступить на любой стадии в дела, касающиеся нарушений законодательства о специальных экономических мерах воздействия на недружественные действия

иностранных государств, в дела о выдаче исполнительных листов на решения третейских судов, иностранных государств, иностранных арбитражных решений, и т.д. Но, как представляется, этого не достаточно.

Проблему можно решить гораздо лучше. Ведь вступление прокурора в дело в целях дачи суду заключения — сегодня крайне неэффективная мера. Прежде всего, как известно, заключение прокурора является для суда, рассматривающего дело, лишь одним из доказательств. Оно не имеет приоритетного значения. Суд рассматривает заключение прокурора и оценивает его по своему собственному внутреннему убеждению. Более того, при несогласии с заключением прокурора суд не обязан мотивировать это.

Негативное впечатление производит и положение ч. 2 ст. 45 ГПК РФ, согласно которой неявка прокурора, извещенного надлежащим образом о времени и месте проведения судебного заседания, не является препятствием к рассмотрению дела. Это правило полностью нивелирует роль прокурора в гражданском судопроизводстве, и выражает даже некое пренебрежение к его заключению, без которого, в принципе, можно и обойтись.

Далее, закрепление участия прокурора в делах о выдаче исполнительных листов на решения третейских судов тоже неэффективно. Ведь все возможные правонарушения и злоупотребления скорее совершит не государственный суд при выдаче исполнительного листа, а суд третейский, который, в силу действия принципа конфиденциальности третейского разбирательства, при рассмотрении дела может допустить нарушения действующего законодательства.

Следует иметь в виду, что государство, участвуя в частноправовых отношениях в соответствии со ст. 124 ГК РФ, может, по договоренности с противоположной стороной, передать возникший между ними спор в третейский суд (арбитраж). В процессе принятия этого решения не исключены злоупотребления со стороны соответствующих государственных органов и должностных лиц, в чьей компетенции находятся те или иные вопросы, связанные с участием государства в гражданском обороте. Для того, чтобы обеспечить надзор за соблюдением публичных прав и интересов при рассмотрении дела с участием государства в третейском суде, необходимо закрепить обязательное участие прокурора в самом третейском разбирательстве указанных дел.

Думается, что будет правильным закрепить в действующем процессуальном законодательстве и участие прокурора при рас-

смотрении и разрешении дел по искам призванных для прохождения военной службы в рамках частичной мобилизации граждан — и в целом при рассмотрении дел о защите прав и интересов военнослужащих в сфере гражданской юрисдикции.

Требуется изменить подход к статусу заключения прокурора по делу: при несогласии суда с выводами, содержащимися в нем, следует обязать суд мотивировать свою позицию.

Что касается арбитражного судопроизводства, то ключевой проблемой участия в нем прокурора является отсутствие у него права обратиться с заявлением в защиту прав, свобод и интересов субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности.

Участие прокурора в арбитражном процессе регулируется положениями ст. 52 АПК РФ. Она содержит достаточно обширный перечень дел, по которым прокурор предъявляет иск в защиту государственных интересов. Совершенно правильно указано в ч. 3 ст. 52 АПК РФ, что прокурор в этих делах пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца — то есть, в отличие от гражданского процесса, в делах о защите прав государства он является полноправной и «полноценной» стороной. Это правильно.

Однако возможности обратиться в защиту прав субъектов предпринимательской деятельности у прокурора нет. Между тем, необходимо помнить, что предпринимательскую и иную экономическую деятельность в нашем государстве осуществляют не только субъекты «крупного бизнеса», корпорации и холдинги, располагающие штатом высококвалифицированных юристов, но и крестьянские (фермерские) хозяйства, субъекты малого и среднего бизнеса, индивидуальные предприниматели, а в ряде случаев — самозанятые граждане. Рассматривать их как равных по возможностям субъектам большого бизнеса, крупного предпринимательства будет неправильно, несправедливо. Между тем, в современных условиях, а также в связи с недавней пандемией, они экономически страдают в гораздо большей степени. Совершенно необходимо наделить прокурора правом возбуждать арбитражное судопроизводство в защиту субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности в случае, когда они в силу объективных причин не могут защитить свои права и интересы в арбитражном суде самостоятельно (по аналогии с правом прокурора возбудить гражданское дело в интересах отдельных категорий граждан).

Итак, участие прокурора в гражданском и арбитражном судопроизводстве является одним из важнейших способов защиты прав и интересов государства в сфере гражданской юрисдикции, которому на современном этапе должно быть уделено наиболее значительное внимание. Категорически нельзя согласиться с мнением, что участие прокурора в гражданском процессе должно быть «исключительным случаем» [4, с. 24 — 31].

Государство является одним из субъектов гражданского права и, вступая в гражданские правоотношения, оно реализует общественный, публичный интерес. Поэтому защита государства осуществляется не только в рамках производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, и административного судопроизводства, но и в делах искового производства.

Защищая в гражданском и арбитражном процессе «чужие интересы», прокурор, действительно, является «процессуальным истцом» и, не имея материально-правовой заинтересованности в деле, осуществляет функцию надзора за законностью путем представления суду своего заключения по делу. При этом следует изменить законодательный подход к статусу заключения прокурора: суд, отвергая его, не соглашаясь с ним, должен мотивировать свою позицию. Также требуется закрепить отсутствие прокурора в судебном заседании как одно из оснований для отложения судебного разбирательства.

Прокурор, предъявивший заявление в защиту прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований и неопределенного круга лиц, является «полноценной» стороной в деле, действует от имени и в интересах государства и, несомненно, обладает к делу материально-правовой заинтересованностью. В этом статусе он должен наделяться всеми процессуальными правами и обязанностями стороны, включая распорядительные права.

В арбитражном судопроизводстве в настоящее время у прокурора не имеется возможности возбуждать производство по делу в интересах субъектов предпринимательской деятельности. Этот «пробел» нужно устранить — защита прокурором прав и интересов субъектов, которые по объективным причинам не могут обратиться в арбитражный суд самостоятельно, в конечном итоге будет способствовать развитию экономического оборота, прав и интересов нашего государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахарева О. А., Николайченко О. В., Цепкова Т. М. Реализация прокурором права инициирования судебного разбирательства гражданских дел // Вопросы современной юриспруденции : сб. ст. по материалам 44-й междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск : СибАК, 2014. — № 12 (43). — С. 19–24.
2. Васильковский Е. В. Учебник гражданского процесса. — Москва : Зерцало, 2003. — 464 с.
3. Гукасян Р. Е. Избранные труды по гражданскому процессу. — Москва : Проспект, 2008. — 480 с.
4. Конусова В. Т. Роль и формы участия прокурора в гражданском процессе в контексте нового Гражданского процессуального кодекса // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. — 2016. — № 2 (43). — С. 24–31.
5. Михайлова Е. В. Функции прокурора в сфере гражданской юрисдикции нужно усилить // Законность. — 2021. — № 8 (1042). — С. 27–34.
6. Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р. Ф. Каллистратовой, Л. Ф. Лесницкой, В. К. Пучинского. — Москва : Юридическая литература, 1976. — 600 с.
7. Потапова Л. В. К вопросу об оптимизации участия прокурора в гражданском процессе // European science. — 2018. — № 6 (38). — С. 35–38.
8. Терехова Л. А. Прокурор в гражданском процессе // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2011. — № 2 (27). — С. 124–129.
9. Тихомиров Ю. А. Публичное право : учеб. для юрид. фак. и вузов. — Москва : Бек, 1995. — 485 с.
10. Шакарян М. С. Избранные труды. — Санкт-Петербург : ИД Р. Асланова «Юридический центр», 2014. — 880 с.

REFERENCES

1. Bakhareva O. A., Nikolajchenko O. V., Tsepkoval T. M. Implementation public prosecutor the right to initiate legal proceedings civil cases. *Voprosy sovremennoi yurisprudentsii. Materialy 44-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The Issues of Modern Jurisprudence. Materials of the 44th International Research Conference]. Novosibirsk, SibAK Publ., 2014, iss. 12 (43), pp. 19–24. (In Russian).
2. Vaskovskii E. V. *Uchebnik grazhdanskogo protsesssa* [Textbook of Civil Procedure]. Moscow, Zertsalo Publ., 2003. 464 p.
3. Gukasyan R. E. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure]. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 480 p.
4. Konussova V. T. The role of prosecutor and the forms of participation in civil proceedings in the context of the new Civil Procedure Code. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan = Bulletin of Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan JARSHYSY*, 2016, no. 2 (43), pp. 24–31. (In Russian).
5. Mikhailova E. V. The functions of the prosecutor in civil jurisdiction sphere should be made more effective. *Zakonnost = Legality*, 2021, no. 8 (1042), pp. 27–34. (In Russian).
6. Kallistratova R. F., Lesnitskaya L. F., Puchinskii V. K. (eds). *Nauchno-prakticheskii kommentarii k GPK RSFSR* [Scientific and Practical Commentary on the Civil Procedure Code of the RSFSR]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1976. 600 p.
7. Potapova L. V. On the issue of optimization of the prosecutor's participation in the civil process. *European science*, 2018, no. 6 (38), pp. 35–38. (In Russian).
8. Terekhova L. A. Public prosecutor in civil procedure. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk university. Series "Law"*, 2011, no. 2 (27), pp. 124–129. (In Russian).
9. Tikhomirov Yu. A. *Publichnoe pravo* [Public law]. Moscow, Bek Publ., 1995. 485 p.
10. Shakaryan M. S. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr, R. Aslanov Publ., 2014. 880 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Екатерина Владимировна (Москва) — доктор юридических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующего сектором процессуального права Института государства и права РАН, главный научный сотрудник (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10, e-mail: e.v.mihailova@bk.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailova, Ekaterina V. (Moscow) — Dr. Sci. (Law), Docent, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher (10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russia, e-mail: e.v.mihailova@bk.ru).

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

УДК 347.951

В. Г. Нестолий

*Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7927-1994
ResearcherID: J-8536-2016*

ПРОМЕЖУТОЧНОЕ И ЧАСТИЧНОЕ РЕШЕНИЕ СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ДЕЛУ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 78 — 85.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.9.
Дата поступления 19.09.2022, дата принятия к печати
01.06.2023, дата онлайн-размещения 26.06.2023.

АННОТАЦИЯ

Статья претендует на научную новизну. Ставится вопрос о соотношении понятий частичного и промежуточного решения суда. Предложен метод для решения поставленной задачи: разграничение процессуальной формы судебного решения и судебного решения как акта правосудия. Подчеркивается, что судебное решение как процессуальный документ не тождественно судебному решению как акту правосудия: в процессуальном документе может отсутствовать акт правосудия, в двух процессуальных документах содержится один акт правосудия, в одном процессуальном документе может содержаться несколько актов правосудия. Понятие промежуточного решения позволяет разделить судебное исковое производство на производство по защите оспариваемого или нарушенного права на взыскание денежной суммы и производство по определению размера взыскиваемой денежной суммы. Производство по защите права на взыскание денежной суммы есть исковое производство, поскольку его задача есть защита субъективного права. Производство по определению размера взыскиваемой суммы есть особое производство, поскольку его задача есть установление фактического обстоятельства. Судебное исковое производство прекращается принятием промежуточного решения о признании права на взыскание. После вступления в силу промежуточного решения заинтересованные лица могут урегулировать разногласия полюбовно или инициировать разбирательство об определении размера взыскиваемой суммы. Если промежуточное решение суда есть акт правосудия, то частичное решение суда есть процессуальный документ, который содержит ответ суда только на один из вопросов, поставленных перед судом. На другие вопросы суд отвечает в другом частичном решении, или решении дополнительном. Лучшей формой промежуточного решения суда, с точки зрения автора, является промежуточное решение о взыскании аванса в счет денежной суммы, размер которой может быть определен судом в будущем. В статье названы функции аванса, взыскиваемого промежуточным решением.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Промежуточное решение суда; частичное решение суда; процессуальный документ; акт правосудия; расчетное производство; итоговое решение суда; окончательное решение суда; распределение судебных расходов; исковое производство; дополнительное решение суда.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Нестолий В. Г. Промежуточное и частичное решение суда первой инстанции по гражданскому делу // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 78—85. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.9.

UDC 347.951**V. G. Nestoliy**

*Irkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7927-1994
ResearcherID: J-8536-2016*

**INTERMEDIATE AND PARTIAL SOLUTION COURTS
OF THE FIRST INSTANCE IN A CIVIL CASE****PUBLICATION DATA**

Prologue: Law Journal, 2023, no. 2, pp. 78—85.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.9.
Received 19.09.2022, accepted 01.06.2023, available online
26.06.2023.

ABSTRACT

The article claims to be scientific novelty. The question is raised about the relationship between the concepts of partial and interim court decisions. A method is proposed to solve the problem: differentiation of the procedural form of a court decision and a court decision as an act of justice. It is emphasized that a court decision as a procedural document is not identical to a judicial decision as an act of justice: a procedural document may lack an act of justice, two procedural documents contain one act of justice, one procedural document may contain several acts of justice. The concept of an interim decision makes it possible to divide court proceedings into proceedings to protect the disputed or violated right to recover a sum of money and proceedings to determine the amount of the amount of money being recovered. Proceedings for the protection of the right to recover a sum of money is a lawsuit, since its task is the protection of a subjective right. The proceedings to determine the amount of the recovered amount are special proceedings, since its task is to establish the actual circumstances. The judicial claim proceedings are terminated by the adoption of an interim decision on the recognition of the right to recovery. After the interim decision comes into force, the interested parties may settle the differences amicably or initiate proceedings to determine the amount of the amount to be recovered. If an interim court decision is an act of justice, then a partial court decision is a procedural document that contains the court's answer to only one of the questions put before the court. The court answers other questions in another partial decision, or an additional decision. The best form of an interim court decision, from the author's point of view, is an interim decision to recover an advance against a monetary amount, the amount of which can be determined by the court in the future. The article names the functions of the advance collected by the interim solution.

KEYWORDS

Interim court decision; partial court decision; procedural document; act of justice; settlement proceedings; final court decision; final court decision; distribution of court costs; claim proceedings; additional court decision.

FOR CITATION

Nestoliy V. G. Intermediate and Partial Solution Courts of the First Instance in a Civil Case. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 2, pp. 78 – 85. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.9.

Промежуточное решение. Теории гражданского процесса известно понятие промежуточного решения суда. Согласно доценту М. З. Шварцу, промежуточным именуется решение «о праве, а не о размере». Таковым является приговор суда по уголовному делу, в котором признается право на возмещение ущерба, а вопрос о размере взыскания должен быть решен в гражданском судопроизводстве [6, с. 390]. Соответствующее предписание содержится в ч. 2 ст. 309 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹. Представляется, что положение о том, что промежуточное решение есть решение «о праве, а не о размере» не вступает в противоречие со словами профессора Н. А. Чечины: «Каждое правоотношение может быть предметом спора только однажды, поэтому решением должна быть установлена объективная истина применительно ко всему спору» [5, с. 245]. После принятия решения о праве предмет спора о праве исчерпан, а спор о размере есть спор о факте, а не о праве. Когда спорят только о факте, а не о праве, то нет самого спора о правоотношении. Для сравнения, если суд принимает положительное решение для стороны спора, то, тем самым, чаще всего, суд признает право данной стороны на возмещение судебных расходов, даже если соответствующее ходатайство не было заявлено². Вопрос о праве на возмещение судебных расходов разрешается, тем самым, судебным решением, невзирая на то, что в самом тексте решения о данном праве ничего не говорится. Получив решение, правая сторона может обратиться в суд с заявлением о возмещении судебных расходов (ст. 103.1. Гражданского процессуального ко-

декса Российской Федерации³, далее – ГПК РФ). В судебной процедуре распределения судебных расходов, которая идет в рамках дела по уже разрешенному спору, решается вопрос не о праве на возмещение расходов, а вопрос о размере возмещения, причитающегося правой стороне. Таким образом, если не все, то очень многие решения суда есть решения гипотетически промежуточные, коль скоро после вступления решения в законную силу может иметь место расчетное производство о распределении судебных расходов между сторонами.

Профессор Н. А. Чечина утверждала: «Промежуточные решения создают судебную волокиту и препятствуют тем самым быстрому рассмотрению дела» [5, с. 245]. К оценке профессора Н. А. Чечины следует подходить конкретно-исторически, осознавая, что ее оценка может верно отражать действительное положение вещей («объективную истину») применительно к советскому гражданскому процессу. Если речь идет о современном российском гражданском процессе, то промежуточное решение суда может быть той конструкцией, благодаря которой субъективные гражданские права защищаются наиболее эффективно, то есть быстро и наименее затратно. При этом, следует отметить, что далеко не всегда и не во всех случаях промежуточное решение эффективно в сравнении с решением, в котором решаются вопросы «и права, и размера». В п. 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55⁴ подчеркивается, что промежуточное решение по гражданскому иску принимается, если это не влияет на квалификацию преступления и другие вопросы, возникающие при постановлении приговора. По общему правилу, гражданский иск при постановлении обвинительного приговора должен быть разрешен в полном объеме, то

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 14 июля 2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. I. Ст. 4921.

² «Чаще всего» — означает «не всегда». Например, ст. 393 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (в редакции от 14 июля 2022 года) (Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 3).

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) // Там же. № 46. Ст. 4532.

⁴ Российская газета. 2016. 7 дек.

есть «и по праву, и по размеру». Промежуточное решение по гражданскому иску не обладает эффективностью, поскольку возлагает на гражданского истца бремя судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве.

Почему же мы утверждаем, что промежуточное решение есть значительный шаг вперед в сравнении с обычным ординарным (простым) решением? В Гражданском процессуальном уложении Германии (далее — Уложение) есть указание на то, что промежуточное решение может быть итоговым, то есть решением, которым подводится итог соответствующему циклу развития процессуального отношения. (Итоговое решение в русском переводе Уложения именуется окончательным, между тем окончательное решение — это решение, которое запрещено обжаловать). В § 304 Уложения сказано, что если спорными являются основание и сумма требования, то суд может принять решение прежде всего по основанию. Это решение при обжаловании считается окончательным, но по ходатайству суд может распорядиться о разбирательстве для установления его суммы [1, с. 101 — 102]. Принять решение по основанию требования означает принять решение о защите спорного субъективного права. Поясним, что подтверждение существования субъективного права не всегда означает его защиту, поскольку в защите может быть отказано не в связи отсутствием права, а в связи с пропуском исковой давности (п. 2 ст. 199 Гражданского кодекса Российской Федерации⁵, далее — ГК РФ). Получив решение о защите субъективного права, заинтересованное лицо может его обжаловать в апелляционном порядке. Если решение будет оставлено в силе, то стороны судебного разбирательства могут заключить внесудебную мировую сделку, определив своим соглашением сумму требования, получившего защиту в суде. Если относительно содержания и формы внесудебной мировой сделки стороны не придут к согласию, суд первой инстанции возбуждает производство по определению суммы требования. В судебном разбирательстве стороны могут просить об утверждении мирового соглашения с указанием суммы или о вынесении определения суда о сумме требования.

Очевидно, что конструкция промежуточного решения суда позволяет обойтись без

производства по определению суммы требования, в котором могут потребоваться дорогостоящие экспертизы, расчеты т. п. В настоящее время на уровне закона признано, что размер суммы, подлежащей взысканию, может быть установлен точно далеко не всегда. В п. 5 ст. 393 ГК РФ сказано, что размер убытков, подлежащих возмещению, должен быть установлен с разумной степенью достоверности. По всей видимости, стороны могут быстрее установить размер суммы, которая подлежит возмещению, и себестоимость данной процедуры будет меньше вознаграждения, которое придется заплатить за проведение судебной экспертизы. Если стороны обратятся к экспертам в частном порядке, то эксперты будут согласны получить меньшее вознаграждение в сравнении с вознаграждением за проведение судебного экспертного исследования. Может случиться, что стороны не придут к согласию, и тогда заинтересованное лицо может просить о разбирательстве о расчете взыскиваемой суммы в рамках дела, по которому принято промежуточное решение о защите права.

При ведении переговоров о размере суммы, причитающейся кредитору, должник может занимать позицию более сильную, чем кредитор, и продиктовать последнему сумму, которую он, должник, согласен заплатить. Более сильная позиция должника может определяться ресурсами, имеющимися в распоряжении должника, и ресурсами, которых нет в распоряжении кредитора. Если кредитор не согласен с суммой, предложенной должником, кредитор инициирует разбирательство для определения суммы, подлежащей взысканию. В данном производстве зачастую требуется назначение экспертизы, за проведение которой кредитор должен будет внести денежные средства на депозит суда. Кроме того, требуется оплачивать помощь юрисконсультов, которые готовят состязательные бумаги и собирают доказательства, и помощь адвокатов, выступающих в качестве судебных представителей. Если кредитор осознает недостаток средств для ведения борьбы, он соглашается с суммой, предложенной должником.

Идеальная конструкция промежуточного решения воплощена в ст. 352 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации⁶ (далее — КТМ РФ), ст. 138 Кодекса внутрен-

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 25 февр. 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁶ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 года № 81-ФЗ (ред. от 28 июня 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2207.

него водного транспорта Российской Федерации⁷ (далее — КВВТ РФ). С одной стороны, решение, о котором говорится в названных статьях, есть решение о признании права на удовлетворение иска кредитора о выплате ему вознаграждения. С другой стороны, это решение о взыскании аванса в счет суммы вознаграждения, размер которого может быть определен позднее. После вступления решения в силу уже нет спора по иску, нет спора о субъективном праве на вознаграждение; остаются разногласия по вопросу о размере вознаграждения.

Аванс, который взыскивается промежуточным решением, во-первых, подтверждает право кредитора на вознаграждение. Во-вторых, аванс является гарантией продолжения судебного разбирательства. Если кредитор пожелает определить сумму вознаграждения через суд, то за счет аванса он может оплатить проведение экспертиз, услуги адвокатов и юрисконсультов. Лица, отвечающие за выплату кредитору, принимают во внимание данное обстоятельство. Должник стремится к мировой сделке с истцом, в противном случае истец инициирует судебное разбирательство по определению размера причитающегося ему вознаграждения. В-третьих, аванс выполняет платежную функцию; сумма долга, которую предстоит взыскать с ответчика, уменьшается на сумму аванса, взысканного промежуточным решением.

Может ли сторона просить суд о принятии промежуточного решения? Сторона вправе обратиться с соответствующим ходатайством, но не может инициировать производство о принятии промежуточного решения. К суду следует обращаться не с иском о признании права взыскать вознаграждение, а с иском о взыскании вознаграждения. В свою очередь, суд в зависимости от степени готовности и наличия доказательственного материала принимает либо ординарное решение, либо промежуточное. Если наличие субъективного права сомнений не вызывает, но есть трудности с определением суммы требования, то можно принять промежуточное решение, предоставив сторонам возможность совершить внесудебную мировую сделку.

Является ли судебное разбирательство по определению суммы вознаграждения, причитающегося кредитору, исковым производством? После принятия и вступления в закон-

ную силу промежуточного решения притязание истца становится бесспорным, исковое производство оканчивается. Спор о субъективном праве исчерпан. По заявлению кредитора суд открывает производство об установлении суммы бесспорного притязания к ответчику. В данном производстве идет разбирательство по спору о факте, а не по спору о праве. Это производство относится к числу особых, то есть производств, которые стоят наособицу от искового производства. Теория гражданского процесса, впрочем, говорит, что производство по определению суммы вознаграждения, может быть не только особым, но и исковым. Например, ст. 896 Устава гражданского судопроизводства предусматривала для правой стороны возможность взыскать сумму вознаграждения в исполнительном (расчетном) производстве, то есть в специальной процедуре в рамках разрешенного дела, или предъявить отдельный иск о взыскании [4, с. 156].

Частичное решение. Трудность представляет разграничение понятий промежуточного и частичного решения суда. Профессор С. К. Загайнова определяет частичное решение как решение, «вынесенное по одному из требований, рассматриваемых по одному гражданскому делу» [3, с. 280]. Например, если предъявлено требование о взыскании алиментов на содержание общего несовершеннолетнего ребенка и требование о взыскании алиментов на содержание матери данного ребенка (п. 1 ст. 90 Семейного кодекса Российской Федерации⁸), то суд, гипотетически, может принять отдельное частичное решение о взыскании алиментов на содержание ребенка, и отдельное частичное решение о взыскании алиментов на содержание его матери. И первое, и второе решение принимаются в рамках одного дела. Разумеется, речь идет о теоретической, а не о законодательной конструкции частичного решения суда. В российском гражданском процессуальном законе понятие частичного решения отсутствует.

Действующее законодательство знает конструкцию, которая подобна частичному решению. Из п. 1 ст. 201 ГПК РФ следует, что встречаются решения, в которых суд не дал ответ на требование, предъявленное для судебного разбирательства. Истец может в одном исковом заявлении предъявить несколько связанных между собой требований. По всем требованиям стороны дают объяснения

⁷ Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 года № 24-ФЗ (ред. 14 марта 2022 г.) // Там же. 2001. № 11. Ст. 1001.

⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (ред. от 4 авг. 2022 г.) // Там же. 1996. № 1. Ст. 16.

и предоставляют доказательства, принимается решение. Но по одному или нескольким требованиям в принятом решении суда может отсутствовать резолюция. Тогда суд по заявлению заинтересованных лиц или по своей инициативе принимает дополнительное решение. Такая ситуация возможна, когда истец просит одновременно разрешить вопрос по основному и производному требованию. Взыскание задолженности есть требование основное, а взыскание неустойки, начисляемой на задолженность, — требование производное. В совещательной комнате суд концентрируется на доказательствах, подтверждающих субъективное право на взыскание по основному требованию, а производное требование остается без внимания в связи со сложностью расчетов, которые необходимо осуществить. В итоге объявляется решение о взыскании основного долга, а по требованию о взыскании неустойки решение отсутствует. Далее суд принимает дополнительное решение по производному требованию.

Частичным следует признать решение, которое предполагает последующее принятие решения дополнительного. Виды частичных решений названы в п. 1 ст. 201 ГПК РФ: а) решение, в котором отсутствует ответ на одно или несколько требований, поставленных перед судом; б) решение о субъективном праве, в котором отсутствует указание размера присужденной суммы; в) решение, в котором отсутствует ответ на вопрос о распределении судебных расходов, невзирая на соответствующее ходатайство. Критика согласится с данным тезисом не сразу, поскольку решение о субъективном праве без указания на размер суммы, подлежащей взысканию, ранее было уже названо промежуточным решением. Может ли частичное решение быть одновременно промежуточным? Не являются ли промежуточные решения всегда частичными?

Для решения задачи по разграничению промежуточных и частичных решений предлагаем обратиться к предписанию ст. 201 ГПК РФ, где сказано, что дополнительное решение может быть принято, если в принятом решении отсутствует решение по какому-либо требованию, по которому были даны объяснения и представлены доказательства. Очевидно, что решение принятое и решение отсутствующее есть разные решения. Надо различать решения — процессуальные документы и решения — акты правосудия. Процессуальные документы, в которых фиксируются решения, и акты правосудия, являющиеся решениями, есть понятия, между собой связанные, но не совпадающие. Связь между процессуальным

документом и актом правосудия состоит в том, что акт правосудия не существует вне процессуального документа. Отсутствие тождества между ними доказывается тем, что один акт правосудия может иметь своей внешней формой два процессуальных документа. Например, первоначально акт правосудия, являющийся решением, фиксируется в форме документа, в котором изложена резолюция. «Объявленная резолютивная часть решения суда должна быть подписана всеми судьями и приобщена к делу», — сказано в ч. 1 ст. 199 ГПК РФ. Далее составляется процессуальный документ, в котором излагается мотивированное решение (ч. 2 ст. 199 ГПК РФ). Таким образом, имеется два процессуальных документа (решения), в которых фиксируется один акт правосудия, являющийся решением.

Далее отметим, что в процессуальном документе (решении) акт правосудия может и отсутствовать. Например, если решение суда отменяется в кассационной инстанции, то в материалах дела остается решение — процессуальный документ, а решение — акт правосудия отсутствует. Может быть иначе: между объявленной резолюцией и мотивированным решением выявляются противоречия, это означает, что решение — акт правосудия не принято⁹. Другими словами, имеются два процессуальных документа (резолюция и мотивированное решение), именуемые решениями, а решения — акта правосудия нет.

Частичные решения есть решения, являющиеся процессуальными документами. Промежуточные решения — акты правосудия. Поэтому решение, в котором разрешен вопрос о праве, но не названа присужденная сумма есть одновременно и частичное, и промежуточное решение.

Почему частичные решения есть процессуальные документы? В одном решении — процессуальном документе может содержаться несколько решений — актов правосудия. Истец может в соответствии с ч. 1 ст. 151 ГПК РФ соединить в процессуальном документе — исковом заявлении несколько исков (требований, притязаний). По каждому исковому требованию суд принимает отдельное решение — акт правосудия. Если исковые требования рассматриваются совместно, то акты правосудия излагаются в одном процессуальном документе — решении. В законе сказано, что в решении может не оказаться решения по отдель-

⁹ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12 сентября 2019 года по делу № А21-8189/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

ному требованию. Это означает, что в процессуальном документе, именуемом решением, нет одного из решений — актов правосудия. Восполнить недочет можно дополнительным решением.

В процессуальном документе — решении могут содержаться не только акты правосудия — решения по исковым требованиям, но и акты правосудия — определения по процессуальным вопросам. Внешняя форма процессуального документа воздействует на форму внутреннюю и мы считаем изложенное в решении определение суда о распределении судебных расходов настоящим решением. Во всяком случае, на определение в форме решения подается апелляционная, а не частная жалоба.

Тезис «частичное решение есть процессуальный документ», подтверждается и руководящим разъяснением Верховного Суда Российской Федерации о том, что дополнительное решение является составной частью решения суда и не существует без него¹⁰. Дополнительное решение дополняет решение частичное и вместе они образуют единое решение. Одновременно, дополнительное решение является самостоятельным актом правосудия и потому отмена дополнительного решения сама по себе не влечет за собой отмены решения частичного. Например, если отменяется решение о распределении судебных расходов, это не означает, что частичное решение отменяется. Однако отмена частичного решения должна влечь за собой отмену решения дополнительного. Ведь если сумма основного долга взыскана частичным решением неправомерно, это означает, что и неустойка, начисленная дополнительным решением на сумму основного долга взыскана неправомерно.

Метод познания решений суда, заключающийся в разграничении решений на про-

цессуальные документы и акты правосудия, как представляется, принадлежит профессору М. А. Гурвичу. «При изучении института судебного решения необходимо ... выделить ... ответ суда на исковое требование — акт правосудия в собственном смысле, — писал М. А. Гурвич, — решение суда в таком более узком значении следует отличать от содержания оформляющего его процессуального документа ...» [2, с. 6].

Заключение. Настоящая статья претендует на научную новизну, поскольку в данной статье метод, известный науке гражданского процесса, применяется для решения новой задачи по разграничению промежуточных и частичных решений. Решение промежуточное одновременно является и частичным решением, но не всякое частичное решение есть решение промежуточное. Кроме того, в статье выдвинуто положение об утвердительной, гарантийной и платежной функциях промежуточного аванса, взыскиваемого промежуточным решением суда в пользу спасателя (ст. 352 КТМ РФ, ст. 138 КВВТ РФ). Знатоки вопроса могут сказать, что напрасно частичные решения о признании права требования в статье названы промежуточными решениями. Частичное решение о признании права притязать требует дополнительного решения о сумме притязания, а промежуточное решение может быть решением, которым завершается судебное разбирательство в первой инстанции. В ответ напомним, что после принятия частичного решения стороны вправе заключить мировое соглашение, утверждаемое определением суда, или совершить внесудебную мировую сделку, которая не утверждается судом.

¹⁰ См.: п.46. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» (Российская газета. 2021. 2 июля).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданское процессуальное уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому процессуальному уложению = *Deutsches Zivilprozessordnung mit Einf hrungsgesetz* : пер. с нем. / [сост. В. Бергманн]. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – 415 с.
2. Гурвич М. А. Решение советского суда в исковом производстве. – Москва, 1955. – 128 с.
3. Загайнова С. В. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. – Москва : Волтерс Клувер, 2007. – 400 с.
4. Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции): Устав гражданского судопроизводства. Учреждение Коммерческих судов и Устав их судопроизводства. Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского. Волостной судебный устав Прибалтийских губерний / [отв. ред. и сост. Д. Х. Валеев]. – Москва : Статут, 2018. – 512 с. – (Классика гражданского процесса).
5. Чечина Н. А. К вопросу о видах судебных решений в советском гражданском процессе // *Избранные труды по гражданскому процессу*. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. – С. 229 – 252.
6. Шварц М. З. К вопросу о видах судебных решений // *Тенденции развития гражданского процессуального права России* : сб. науч. статей / гл. ред. И. Х. Дамения. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. – С. 377 – 394.

REFERENCES

1. Bergmann V. D. (Red.). *Deutsche Zivilprozessordnung mit dem Inkrafttretungsgesetz*. Moskau, Wolters Cluver, 2006. 415 S.
2. Gurvich M. A. *Reshenie sovetskogo suda v iskovom proizvodstve* [The Decision of the Soviet Court in the Claim Proceedings]. Moscow, 1955. 128 p.
3. Zagainova S. V. *Sudebnye akty v mekhanizme realizatsii sudebnoi vlasti v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Judicial Acts in the Mechanism of the Exercise of Judicial Power in Civil and Arbitration Proceedings]. Moscow, Wolters Cluver Publ., 2007. 400 p.
4. Valeev D. Kh. (ed.). *Sudebnye ustavy Rossiiskoi imperii (v sfere grazhdanskoj yurisdiktсии)* [Judicial Statutes of the Russian Empire (In the Sphere of Civil Jurisdiction)]. Moscow, Statut Publ., 2018. 512 p.
5. Chechina N. A. On the Question of the Types of Judicial Decisions in the Soviet Civil Process. In Chechina N. A. *Izbrannyye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure]. 2nd ed. Saint Petersburg State University Publ., 2021, pp. 229 – 252. (In Russian).
6. Shvarts M. Z. On the Question of the Types of Court Decisions. In Dameniya I. Kh. (ed.). *Tendentsii razvitiya grazhdanskogo protsessualnogo prava Rossii* [Trends in the Development of Civil Procedural Law in Russia]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2008, pp. 377 – 394. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Нестолий Вячеслав Геннадьевич (Иркутск) – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: nestoliy1@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nestoliy, Vyacheslav G. (Irkutsk) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor of the Civil and Business Law Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (4 Nekrasov St., Irkutsk, 664011, Russia, e-mail: nestoliy1@yandex.ru).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LAW SCIENCES

УДК 343.575; 343.851.5

Е. В. Рогова

*Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2524-0241
ResearcherID: AAS-4345-2021*

Р. А. Забавко

*Иркутский государственный университет,
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1613-9317
ResearcherID: AAD-4666-2021*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ВОВЛЕЧЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ, СОВЕРШАЕМОМУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 86 — 96.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.10.

Дата поступления 26.12.2022, дата принятия к печати 01.06.2023, дата онлайн-размещения 26.06.2023.

АННОТАЦИЯ

Предметом данной статьи является противодействие вовлечению несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемому посредством применения информационно-телекоммуникационных технологий. Авторами исследуются состояние проблемы, средства уголовно-правового противодействия, основные причины и условия совершения рассматриваемых преступлений. Отмечается, что в целом средства уголовного законодательства адекватны состоянию проблемы, однако сформировался комплекс причин, способствующих росту вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемого посредством применения информационно-телекоммуникационных технологий. Авторами приводятся и характеризуются эти причины. Отмечается, что базисными детерминантами выступают проблемы в социально-экономической организации общества, а основным катализатором данного негативного социального явления выступает высокая латентность данного вида преступности, обусловленная технической составляющей — наличием средств оперативного и анонимного совершения преступлений. Проанализирован комплекс основных принимаемых мер противодействия, определена их эффективность, проблемы, перспективы. Рассмотрены отдельные вопросы соответствующего опыта иностранных государств. Некоторые аспекты проблемы и принимаемых мер иллюстрированы статистикой и примерами правоприменительной деятельности. Предложены меры, которые, по мнению авторов, будут способствовать борьбе с рассматриваемым видом преступности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Наркопреступления; преступность несовершеннолетних; латентность; информационно-телекоммуникационные технологии; противодействие преступности.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рогова Е. В., Забавко Р. А. Противодействие вовлечению несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 86—96. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.10.

UDC 343.575; 343.851.5**E. V. Rogova**

*Irkutsk Law Institute (Branch),
University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2524-0241
ResearcherID: AAS-4345-2021*

R. A. Zabavko

*Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1613-9317
ResearcherID: AAD-4666-2021*

COUNTERACTION TO THE INVOLVEMENT OF MINORS IN THE ILLICIT TRAFFIC IN NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AND THEIR ANALOGUES, COMMITTED BY THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

PUBLICATION DATA

*Prologue: Law Journal, 2023, no. 2, pp. 86—96.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.10.
Received 26.12.2022, accepted 01.06.2023, available online
26.06.2023.*

ABSTRACT

The subject of this article is countering to the involvement of minors in the illicit traffic in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues, committed by information and telecommunication technologies. The authors investigate the state of the problem, the means of criminal legal counteraction, the main causes and conditions of the commission of the crimes under consideration. It is noted that, in general, the means of criminal legislation are adequate to the state of the problem, however, a complex of reasons has formed that contribute to the increase in the involvement of minors in illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues, committed through the use of information and telecommunication technologies. The authors cite and characterize these reasons. It is noted that the basic determinants are problems in the socio-economic organization of society, and the main catalyst for this negative social phenomenon is the high latency of this type of crime, due to the technical component — the availability of means of operational and anonymous commission of crimes. The complex of the main counteraction measures taken is analyzed, their effectiveness, problems, prospects are determined. Separate issues of the relevant experience of foreign states are considered. Some aspects of the problem and the measures taken

are illustrated by statistics and examples of law enforcement activities. The measures that, according to the authors, will contribute to the fight against this type of crime are proposed.

KEYWORDS

Drug crimes; juvenile delinquency; latency; information and telecommunication technologies; crime prevention.

FOR CITATION

Rogova E. V., Zabavko R. A. Counteraction to the Involvement of Minors in the Illicit Traffic in Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Their Analogues, Committed by the Information and Telecommunication Technologies. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 2, pp. 86–96. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.2.10.

Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов — одно из наиболее опасных преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, которое оказывает крайне негативное воздействие на все сферы общества, выступает катализатором совершения иных преступлений. Значительный импульс развития преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, придали информационно-телекоммуникационные технологии (прежде всего — сеть Интернет), благодаря развитию которых преступники получили новый, очень эффективный способ сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, не требующий личного контакта продавцов и покупателей. Этому способствуют анонимность, скорость передачи данных, возможность онлайн-оплаты и другие обстоятельства. При этом для преступников особенно привлекательна группа потребителей запрещенных веществ из числа несовершеннолетних: потерпевшие в таком случае не обладают необходимым социальным опытом; будучи вовлекаемыми в употребление наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, они еще длительное время приносят доход виновным; несовершеннолетние обычно образуют закрытые социальные группы, что снижает риски для преступников; вовлеченные в употребление запрещенных веществ несовершеннолетние сами вовлекают новых потребителей.

Появление бесконтактного способа совершения наркопреступлений в значительной степени нивелирует те усилия, которые прилагают правоохранительные органы с учетом многолетней практики работы. В этой связи высокий уровень латентности наркопреступлений, совершаемых с участием несовершеннолетних, является фактором их роста [2, с. 4; 11, с. 60].

Для реализации оборота указанных предметов бесконтактным способом все равно требуются лица, которые будут являться сбытчниками «низшего звена», то есть теми, кто будет получать партии запрещенных веществ, после чего непосредственно осуществлять «закладки» и передавать иным участникам места их нахождения. Все чаще такими лицами становятся несовершеннолетние.

Вышесказанное свидетельствует о высокой актуальности исследования вопросов уголовно-правового и криминологического противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемых в отношении или с участием несовершеннолетних.

Действия виновных в указанных случаях подпадают под описание различных составов преступлений и уголовно-правовых механизмов. Вовлечение несовершеннолетних в немедицинское потребление наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов образует состав склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ). Рассматриваемое криминальное явление необходимо понимать как действия взрослого лица в сети Интернет, выражающиеся в форме обещаний, обмана, предложений совершить преступление и (или) иных действий, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего желания использовать лично свойства наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в немедицинских целях.

Следующая интерпретация вариантов действий виновных связана с использованием несовершеннолетних для совершения наркопреступлений, прежде всего, сбыта запрещенных веществ с их участием. Виновные используют особые подходы государства к привлечению несовершеннолетних к ответ-

ственности; сложности соответствующих уголовно-процессуальных процедур; готовность несовершеннолетних совершать противоправные действия за небольшую плату и иные обстоятельства. Возможны два основных варианта незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с участием несовершеннолетних. Первый вариант предполагает использование несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 228.1 УК РФ. В таком случае содеянное подпадает под признаки посредственного причинения, при котором лицо, непосредственно осуществляющее «закладки», используется как живое орудие. Виновный в таком случае подлежит ответственности в качестве исполнителя. Второй вариант представляет собой вовлечение в совершение указанного преступления лица, достигшего возраста уголовной ответственности, но не достигшего возраста 18 лет, и охватывается совокупностью преступлений, предусмотренных ст. 150 и 228.1 УК РФ. Принципиальных сложностей в квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления нет. Действовавшие ранее разъяснения высшей судебной инстанции позволяли говорить об оконченном преступлении с момента самого вовлечения несовершеннолетнего независимо от того, совершил ли последний какое-либо из противоправных действий¹. Это вызывало определенные сложности в правовой оценке содеянного, в настоящее время вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления считается оконченным с момента совершения потерпевшим преступления, в которое его вовлекали, приготовления к нему или покушения².

Думается, уголовно-правовые механизмы, связанные с противодействием рассматриваемой группе преступлений, эффективны и по большей части достаточны — излишнее правовое регулирование лишь усложнит правоприменительную практику. В этой связи мы не можем поддержать, например, инициативу Н. Ю. Жилиной, которая предлагает

¹ О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февр. 2000 г. № 7 // Российская газета. 2000. 14 марта. (Утратило силу).

² О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 февр. 2011 г. № 1 // Там же. 2011. 11 февр.

закрепить в УК РФ отдельный состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность исключительно за вовлечение несовершеннолетних лиц в участие в незаконном обороте наркотических средств, и поместить его в главу 25 УК РФ [4, с. 8]. Между тем, мы положительно оцениваем инициативу автора об ужесточении наказания за данное преступление. В целом же практику назначения наказаний за рассматриваемые преступления вряд ли можно назвать удовлетворительной, о чем пишут ученые [7, с. 88].

Как показывает анализ статистики, практика привлечения к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ, неэффективна. Так, за весь период 2021 года к ответственности за совершения преступлений, предусмотренных статьями 150-151 УК РФ, было привлечено лишь 344 лица³. С учетом высокой латентности данного преступления, о которой неоднократно писали ученые, указанная статистика свидетельствует о невысоких показателях деятельности правоохранительных органов [8, с. 165; 12, с. 80 и др.].

Представляется важным сосредоточиться на изучении причин и условий рассматриваемых преступлений, организации их предупреждения, а также снижения уровня их латентности.

Одной из основных причин распространения данного явления на территории Российской Федерации является низкий контроль со стороны родителей за виртуальной деятельностью их детей. Результаты опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2021 году, указывают, что порядка 80 % родителей предпринимают какие-либо меры, чтобы обезопасить ребенка от вредной информации в Интернете⁴, однако приведенный в опросе перечень мер видится не самым эффективным, не говоря уже о действительном положении дел в российских семьях. Как следствие, третье место в списке наиболее часто посещаемых

³ Отчет о числе лиц, осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2021 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 16.12.2022).

⁴ Интернет и дети: возможности и угрозы // Всероссийский центр изучения общественного мнения : офис, сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/internet-i-deti-vozmozhnosti-i-ugrozy> (дата обращения: 16.12.2022).

несовершеннолетними интернет-ресурсов занимает комплексная категория, состоящая из алкоголя, табака, наркотических и психотропных веществ⁵.

Еще одной весомой предпосылкой, создающей угрозу распространенности вовлечения несовершеннолетних в потребление наркотиков через сеть Интернет, следует назвать использование при совершении подобных преступлений виртуальных платформ, которым присуща функция удаления переписки (чата) между пользователями через некоторые промежутки времени: «WhatsApp», «Telegram» и др. Политика конфиденциальности обуславливает значительные трудности в выявлении и доказывании правоохранительными органами как самого факта вовлечения, так и лица, причастного к нему. Более того, этому также препятствует применение злоумышленниками системы электронных валют (в частности, «Webmoney», «QIWI» и т.п.), пользование которыми возможно без предоставления персональных данных⁶.

Криминальная составляющая сети Интернет сформировала под свои нужды собственное цифровое пространство, называемое обычно «даркнетом» (от англ. «dark net» — досл. «темная сеть»), который представляет собой совокупность интернет-сайтов, обеспечивающих полную анонимность их пользователей в противоправных целях. В данном контексте О. Н. Епифанова справедливо указала, что даркнет — разрушительное явление, ежесуточно охватывающее около четырехсот тысяч россиян⁷.

Как свидетельствует судебная практика, именно анонимность пользователей затрудняет работу правоохранительных органов по раскрытию рассматриваемой категории преступлений. Анализируя практику по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 150 УК РФ, можно отметить, что зачастую уголовные дела о совершении несовершеннолетним преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств посредством Интернета доходят до суда при том условии, что вовлекшее лицо остается неустановленным.

⁵ Что дети ищут в Сети? Статистика // Безопасность в Интернете : офиц. сайт. URL: <http://security.mosmethod.ru/internet-zavisimosti/166-chto-deti-ishchut-v-seti-statistika> (дата обращения: 16.06.2022).

⁶ См.: Политика конфиденциальности // QIWIInfo : офиц. сайт. URL: <https://qiwiinfo.ru/politika-konfidentsialnosti> (дата обращения: 13.06.2022).

⁷ См.: Ольга Епифанова: Даркнет — глобальная угроза человечеству // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://duma.gov.ru/news/47144/> (дата обращения: 16.06.2022).

Так, подсудимый Ш., достигший восемнадцатилетнего возраста, являясь членом организованной группы, специализирующейся на систематическом совершении умышленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, созданной неустановленным лицом посредством Интернета, действуя умышленно, предложил, обещая распределение прибыли, двум своим несовершеннолетним знакомым Б. и В. совершить производство наркотических средств. Действия Ш. были верно квалифицированы судом по совокупности преступлений, предусмотренных частью 4 статьи 228¹ УК РФ и части 4 статьи 150 УК РФ⁸. В то же время, личность организатора группы осталась неустановленной, поскольку свои действия он, в отличие от Ш., осуществлял с использованием закрытых (анонимных) информационных источников.

Одна из причин рассматриваемого вида преступности — продолжающийся экономический кризис, от которого сильнее всего страдает молодежь. Это подтверждается данными Росстата и крупных интернет-площадок по поиску вакансий (например, «HeadHunter») ⁹. Отсутствие работы и достатка толкает молодых людей при острой потребности в инструментах социализации соглашаться на предложения нелегальной работы в интернете, оплата которой существенно выше средней по региону. Ряд исследователей указывают на высокую прибыльность наркобизнеса [10, с. 218]. Именно это определяет популярность использования «сетевого наркомаркетинга», который заключается в активном вовлечении людей, готовых участвовать в наркопреступлениях. Одним из путей вовлечения несовершеннолетних и молодежи выступает обещание быстрого и высокого заработка, который исчисляется десятками тысяч рублей.

Информация об открытии «вакансий» доходит до «соискателей» чаще всего через интернет. При этом несовершеннолетние почти всегда не знают лиц, которые их вовлекают в такую деятельность.

Несовершеннолетние часто предоставлены сами себе, так как родители вынуждены отдавать практически все время работе. Данные, озвученные детским омбудсменом на конференции президиума Координационного

⁸ Приговор Нижегородского областного суда Нижегородской области от 11 марта 2020 г. по делу № 2-38/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GTT4bZnO5aLb/> (дата обращения: 15.06.2022).

⁹ Рынок труда молодых специалистов накануне кризиса // HH.ru : сайт. URL: <https://irkutsk.hh.ru/article/26787> (дата обращения: 15.06.2022).

совета уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации¹⁰, о том, что треть детей воспитывается в неполных семьях, показывают масштаб проблемы недостатка внимания подростков со стороны взрослых, который мгновенно заполняется вниманием «улицы» и интернета.

Причиной роста вовлечения несовершеннолетних в распространение и потребление наркотиков также служит активная миграция. Для лиц, въезжающих в РФ из других государств, характерен пониженный уровень нервно-психической адаптации: необоснованные страхи, обусловленные сложностью перехода от одной культуры к другой, чувство отверженности представителями другого народа, утрата прежнего социального и профессионального статуса, семейные сложности [7, с. 90]. Это ведет к поиску других средств адаптации и социализации. Кроме этого, данная категория лиц часто выступает в роли курьеров, перевозящих наркотические средства через границу. Особенно это характерно для лиц молодого возраста, с одной стороны, не имеющих востребованной профессии, с другой, ожидающих быстрых и высоких заработков в России. Как отмечают ученые, до половины мигрантов, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков, — лица молодого возраста (из них 11% — в возрасте до 18 лет) [5, с. 66].

В настоящее время ведется масштабная работа по противодействию наркоторговле, одним из основных направлений которой является выявление и устранение каналов распространения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов посредством современных компьютерных технологий [13, с. 110].

Особое внимание пресечению фактов использования средств массовой информации (далее — СМИ) и интернета в целях распространения информации, побуждающей несовершеннолетних к совершению преступлений, том числе, в сфере наркотических средств, уделено ведомственными актами Генеральной прокуратуры Российской Федерации. В частности, прокурорам предписывается добиваться в установленном порядке ограничения доступа к информации, побуждающей несовершеннолетних к антиобщественной или деструктивной деятельности, привлечения виновных в ее распространении лиц к предусмотренной законом ответствен-

¹⁰ Почти в трети российский семей детей воспитывают матери-одиночки // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20170207/1487325545.html> (дата обращения: 16.06.2022).

ности. Подведомственным прокурорам также поручено пресекать факты нарушения законодательства о защите персональных данных несовершеннолетних, а также анализировать состояние законности при реализации региональных и муниципальных программ по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних¹¹.

Так, прокуратурой Куйбышевского района города Иркутска при осуществлении надзора за соблюдением законодательства о наркотических средствах и психотропных веществах были выявлены страницы интернет-сайтов, которые предоставляют возможность приобрести наркотические средства. Вход на указанные сайты был свободным для любого пользователя интернета. По заявлению прокурора сведения, размещенные на данных сайтах, были признаны информацией, распространение которой на территории Российской Федерации запрещено¹².

Приказами Генерального прокурора Российской Федерации на подчиненных прокуроров возлагаются функции организации мероприятий по правовому просвещению граждан, в том числе, несовершеннолетних лиц¹³. Так, Зиминской межрайонной прокуратурой Иркутской области в течение мая 2022 года для обучающихся старших классов проводились мероприятия, направленные на разъяснения действующего уголовного законодательства в части условий привлечения к уголовной ответственности за незаконное употребление и хранение наркотических средств¹⁴. Правовое просвещение осуществляется и на поднадзорных территориях иных субъектов Российской Федерации¹⁵. Рассма-

¹¹ Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 13 дек. 2021 г. № 744 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Решение Октябрьского районного суда города Иркутска Иркутской области от 5 декабря 2016 г. по делу № 2-5824/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SzgbnfwHe7Um/> (дата обращения: 16.06.2022).

¹³ Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 2 авг. 2018 г. № 471 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_38/search?article=74304552 (дата обращения: 18.06.2022).

¹⁵ См.: В Кузнецке прокуроры побеседовали со школьниками о вреде наркотиков // Пензенская правда : офиц. сайт. URL: <https://pravda-news.ru/news/obrazovanie/v-kuznetske-prokurory-pobesedovali-so-shkolnikami-o-vrede-narkotikov/> (дата обращения: 10.06.2022).

триваемое направление работы органов прокуратуры, безусловно, снижает вероятность вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, связанных с наркотическими средствами, однако полностью исключить его не может.

Полномочиями в рассматриваемой сфере обладают и иные ведомства, органы внутренних дел, Следственный комитет РФ и др.¹⁶. Вместе с тем, их деятельность зачастую не согласована. Многие авторы, позицию которых мы поддерживаем, отмечают, что требуется единая система учета информации о таких преступлениях и лицах, их совершивших [9, с. 250].

Помимо текущего ведомственного надзора (контроля), в целях наиболее эффективного предупреждения вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, необходимо применять меры по ограничению доступа к интернет-сайтам, содержащим материалы о наркотических веществах. В частности, предлагается разработать и установить специальные расширения для интернет-браузеров, которые анализировали бы содержание сайтов и препятствовали бы дальнейшему пребыванию виртуального пользователя на них в случае обнаружения запрещенного контента [1, с. 48].

Российское законодательство в сфере контроля за распространением информации в сети Интернет, связанной с наркотическими средствами и психотропными веществами, сложно назвать эффективным. В частности, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁷ устанавливает лишь обязательное внесение сайтов, содержащих информацию о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений, в специальный реестр в целях их идентификации. С учетом того, что правила оценки интернет-ресурсов на предмет наличия на них указанной информации, не вступили в силу, работа в данном направлении практически не ведется. Сам реестр закрыт для ознакомления и ис-

¹⁶ О наркотических средствах и психотропных веществах : Федер. закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 1998. 15 янв.

¹⁷ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Там же. 2006. 29 июля.

пользуется только органами государственной власти и операторами услуг связи.

В Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹⁸ также не содержится сколько бы то ни было значимых механизмов противодействия распространению информации о наркотических средствах и психотропных веществ — законодатель лишь называет указанный вид информации причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей и определяет, в каких случаях распространение такой информации допустимо, а в каких нет.

В Федеральном законе от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации» вообще не содержится упоминания о контроле за распространением информации о незаконном обороте наркотиков¹⁹.

Вместе с тем, нельзя сказать, что законодатель полностью игнорирует вопрос о влиянии информационно-телекоммуникационных сетей на наркотизацию населения и распространение наркотических средств и психотропных веществ. В частности, в 2012 году ст. 228.1 УК РФ была дополнена квалифицирующим признаком «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть "Интернет")». Вместе с тем, следует отметить непоследовательность в этой сфере: например, аналогичный признак в ст. 230 УК РФ появился только в 2021 году. Вызывает вопросы и эффективность применения указанных признаков. В частности, с применением п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ ежегодно осуждается незначительное количество преступников (менее 0,1% от числа всех осужденных по ст. 228.1 УК РФ)²⁰.

¹⁸ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : Федер. закон от 29 дек. 2010 г. № 436-ФЗ // Там же. 2010. 31 дек.

¹⁹ О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации : Федер. закон от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ // Там же. 2021. 5 июля.

²⁰ Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ (форма № 6-МВ-НОН) // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации (раздел «Судебная статистика»). URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 26.04.2023).

В этом ключе гораздо более эффективной видится практика привлечения граждан, вовлекающих несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, к административной ответственности. С 2012 год по 2022 год количество лиц, привлеченных к ответственности по ст. 6.13 КоАП РФ, стало больше почти в три раза (причем темпы прироста значительно увеличились в последние 4 года)²¹. Полагаем, это объективно связано как с переходом наркопреступности в цифровую сферу, так и с осознанием этой проблемы правоохранительными органами государства. Вместе с тем, мы не поддерживаем призывы отдельных авторов, предлагающих криминализировать пропаганду наркотических средств и психотропных веществ. Думается, для этого нет оснований — достаточной общественной опасности, возможностей органов юстиции, а диспозиция потенциальной статьи УК РФ была бы излишне широкой.

Другим аспектом противодействия вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность следует назвать поощрение информационных ресурсов, обличающих негативные последствия и содержащие сведения о возможной помощи. Так, российское интернет-пространство хотя и содержит отдельные ресурсы, направленные на формирование отрицательного образа потребления наркотических средств, представляет собой разрозненный массив незначительных по объему антинаркотических сайтов, наивысший уровень которых — ведомственное правовое просвещение²². В этой связи подлежит оценке положительный опыт иностранных государств, которые давно и эффективно практикуют создание специализированных ресурсов, позволяющих анонимно изобличать лиц, совершающих наркопреступления²³. Кроме того, зарубежные правительства ведут активную интернет-пропаганду против наркотиков, привлекая для этого профессиональных психологов, маркетологов и иных специалистов.

²¹ Административные правонарушения // Судебная статистика РФ : Агентство правовой информации. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/66> (дата обращения: 26.04.2023).

²² См.: Какие виды наркотиков существуют // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 16.06.2022).

²³ См.: Drugs // U. S. Food and Drug Administration : official website. URL: <https://www.fda.gov/drugs> (accessed: 16.06.2022).

Интересен опыт операции «Троянский щит» («Trojan Shield»), проведенной ФБР США, в ходе которой сотрудниками правоохранительных органов была развернута информационная кампания о якобы появлении новой абсолютно анонимной сети, гарантирующей совершенную конфиденциальность переговоров. Стратегия оказалась чрезвычайно успешной: многие преступники воспользовались той программной инфраструктурой, которая была фактически создана и контролируется сотрудниками спецслужб. Результатом операции стало изобличение сотен виновных и изъятие большого количества наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, прекурсоров, а также оборудования, необходимого для их производства²⁴.

Дополнительно отметим, что правоохранительными органами зарубежных государств, в частности, США, принимается во внимание ослабление контроля за распространением «легких» наркотиков в связи с их легализацией. В некоторых штатах ответственность за вовлечение несовершеннолетних в употребление наркотических средств и психотропных веществ одновременно с этим усилилась. Не являясь сторонниками легализации наркотиков в России, мы полагаем возможным применение положительного зарубежного опыта. То обстоятельство, что повестка ослабления контроля в рассматриваемой сфере в нашей стране продвигается зарубежными некоммерческими организациями (происходит это преимущественно с применением интернета) — повод для совершенствования правового регулирования противодействия данной проблемы, в частности, средствами ранее упомянутого Федерального закона от 1 июля 2021 г. № 236.

Противодействие вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений, связанных с наркотическими средствами, должно быть урегулировано не только на уровне отдельно взятого государства, но и на международном уровне. Несмотря на это, на международном правовом уровне до сих пор отсутствует единый правовой акт Орга-

²⁴ См.: FBI's Encrypted Phone Platform Infiltrated Hundreds of Criminal Syndicates; Result is Massive Worldwide Takedown // United States Department of Justice. URL: <https://www.justice.gov/usao-sdca/pr/fbi-encrypted-phone-platform-infiltrated-hundreds-criminal-syndicates-result-massive> (accessed: 16.06.2022) ; ФБР придумало убийцам и наркотиковцам приложение и поймало 800 человек // РБК : офиц. сайт. URL: <https://www.rbc.ru/society/08/06/2021/60bf3c3e9a794763b3a8047d> (дата обращения: 15.12.2022).

низации Объединенных Наций, который бы регулировал механизм международного сотрудничества в сфере профилактики и борьбы с виртуальной преступностью. Между тем, Российской Федерацией в рассматриваемом аспекте осознана существующая проблема и предприняты определенные шаги. Так, российская делегация внесла в Управление ООН по наркотикам и преступности проект конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях (далее – Конвенция)²⁵. Из содержания проекта Конвенции следует, что она предполагает наложение на государства-члены дополнительных позитивных обязанностей, в том числе, по установлению юридической ответственности за совершение преступлений, связанных с распространением наркотических средств и психотропных веществ посредством использования информационно-коммуникативных технологий.

Кроме того, проект Конвенции содержит обязательные условия о повышении информированности общества в сфере предупреждения информационной преступности, обязательствах о взаимной выдаче, процессуального порядка изъятия и выемки материальных носителей информации и др. Вместе с тем, США и страны Европейского Союза в настоящее время оказывают активное противодействие любым инициативам Российской Федерации на международном уровне [3, с. 99].

Проблема вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемых посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий, объективно существует и представляет собой значительную угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Проблема в минимальной степени расположена в сфере уголовного законодательства – существующие нормы вполне достаточны для реализации уголовной ответственности. Следует сосредоточить ресурсы не в области бесконечного совершенствования норм УК РФ, а в сфере его применения на практике.

Основная проблема борьбы с данной группы преступлений – их высокая латентность и приспособляемость преступников к принимаемым мерам. На фоне наличия в целом неблагоприятной среды для развития данного вида преступности латентность выступает катализатором ее роста. Соответственно, основные меры противодействия должны быть направлены на снижение указанной латентности. В этой связи законодателю следует сосредоточиться на профилактике – выявлении фактов вовлечения несовершеннолетних в потребление наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет, быстрой реакции на такие факты, работе с группами риска из числа как потенциальных потерпевших, так и потенциальных правонарушителей.

²⁵ Россия внесла в специальный комитет ООН проект конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/massmedia/news?item=63983506> (дата обращения: 15.12.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глушков Е. Л. Сбыт наркотических средств бесконтактным способом посредством сети Интернет: пути выявления и раскрытия // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2018. — № 2. — С. 45–53.
2. Дремлюга Р. И. Интернет-преступность : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Владивосток, 2007. — 248 с.
3. Евдокимов К. Н. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия преступлениям, совершенным с использованием информационно-коммуникационных, компьютерных и иных высоких технологий : монография. — Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. — 283 с.
4. Жилина Н. Ю. Вовлечение несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Тамбов, 2009. — 22 с.
5. Кетенчиева Е. С. Некоторые вопросы преступности мигрантов в сфере незаконного оборота наркотиков на территории Санкт-Петербурга // Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения : материалы ежегод. межвуз. науч.-практ. конф., 27 сент. 2019 г. / сост.: Р. Ю. Аврутин, Т. В. Стульнова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. — С. 177–178.
6. Макаров Д. А. Особенности наказаний, применяемых к лицам, совершившим преступления в сфере незаконного оборота наркотиков в сети интернет // Державинские чтения : материалы XXII Всерос. науч. конф. — Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2017. — С. 88–93.
7. Малахов М. Н., Турсунов Р. Л. Клинические и этнокультуральные особенности наркомании в Республике Таджикистан // Вестник Авиценны. — 2011. — № 2. — С. 89–92.
8. Мосс Ф. А. К вопросу об актуальности исследования вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2022. — № 10. — С. 165–171. — DOI 10.37882/2223-2974.2022.10.27.
9. Радькова Л. С. О некоторых мерах по профилактике вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник Воронежского института МВД России. — 2018. — № 4. — С. 248–253.
10. Радькова Л. С. Механизмы вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2017. — № 8-9. — С. 218–222.
11. Рогова Е. В. Вовлечение несовершеннолетних в немедицинское потребление, а также распространение наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в условиях информационной глобализации // Сибирский юридический вестник. — 2022. — № 3 (98). — С. 60–63. — DOI: 10.26516/2071-8136.2022.3.60.
12. Таилова А. Г. Состояние, структура и динамика вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Теоретические и прикладные аспекты современной науки : сб. науч. тр. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф., 31 окт. 2014 г. / под общ. ред. М. Г. Петровой. — Белгород : ИП Петрова М. Г., 2014. — Ч. 2. — С. 78–81.
13. Яшин А. В., Шикшеев В. Р. Проблемы противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемым посредством сети интернет // Вестник Пензенского государственного университета. — 2020. — № 3 (31). — С. 107–112.

REFERENCES

1. Glushkov E. L. About some questions of distribution in a contactless manner of drugs via the internet: ways of identification and disclosure. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti = Problems of Law Enforcement Activity*, 2018, no. 2, pp. 45–53. (In Russian).
2. Dremlyuga R. I. *Internet-prestupnost. Kand. Diss.* [Internet Crime. Cand. Diss.]. Vladivostok, 2007. 248 p.
3. Evdokimov K. N. *Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty protivodeistviya prestupleniyam, sovershennym s ispolzovaniem informatsionno-kommunikatsionnykh, kompyuternykh i inykh vysokikh tekhnologii* [Criminological and Criminal-Legal Aspects of Countering Crimes Committed Using Information and Communication, Computer and Other High Technologies]. Irkutsk Law Institute (Branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation Publ., 2021. 283 p.
4. Zhilina N. Yu. *Vovlechenie nesovershennoletnikh v nezakonnyi oborot narkoticheskikh sredstv (ugolovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty). Avtoref. Kand. Diss.* [Involvement of Minors in Illicit Drug Trafficking (Criminal Law and Criminological Aspects). Cand. Diss. Thesis]. Tambov, 2009. 22 p.
5. Ketentcheva E. S. Some Issues of Migrant Crime in the Field of Drug Trafficking on the Territory of St. Petersburg. *Administrativno-pravovoe regulirovanie okhrany obshchestvennogo poryadka i obespecheniya obshchestvennoi bezopasnosti: problemy i puti ikh resheniya. Materialy ezhegodnoi mezhvuzovskoi nauchno-*

prakticheskoi konferentsii, 27 sentyabrya 2019 [Administrative and Legal Regulation of Public Order Protection and Public Safety: Problems and Ways to Solve Them. Materials of the Annual Intercollegiate, September 27, 2019]. St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry Publ., 2020, pp. 177 – 178. (In Russian).

6. Makarov D. A. Peculiarities of Penalties Applied to Persons Who Have Committed Crimes in the Sphere of Illicit Drug Trafficking on the Internet. *Derzhavinskie chteniya. Materialy 22-i Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Derzhavinsky Readings. Materials of the 22nd All-Russian Research Conference]. Tambov State University named after G. R. Derzhavin Publ., 2017, pp. 88 – 93. (In Russian).

7. Malakhov M. N., Tursunov R. L. Clinical and Ethnocultural Features of Drug Addiction in the Republic of Tajikistan. *Vestnik Avitsenny = Avicenna Bulletin*, 2011, no. 2, pp. 89 – 92. (In Russian).

8. Moss F. A. On the relevance of the study of the involvement of a juvenile into commission of a crime. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ehkonomika i pravo = Modern Science: actual problems of theory and practice*, 2022, no. 10, pp. 165 – 171. DOI 10.37882/2223-2974.2022.10.27. (In Russian).

9. Radkova L. S. About some measures for the prevention of the involvement of minors in the illegal turnover of drugs, psychotropic substances or their analogues. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Voronezh institute of the Ministry of the interior of Russia*, 2018, no. 4, pp. 248 – 253. (In Russian).

10. Radkova L. S. Mechanisms of involving minors in the illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*, 2017, no. 8-9, pp. 218 – 222. (In Russian).

11. Rogova E. V. Involvement of minors in non-medical consumption, as well as distribution of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues in conditions of information globalization. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2022, no. 3 (98), pp. 60 – 63. DOI: 10.26516/2071-8136.2022.3.60. (In Russian).

12. Tailova A. G. Status, Structure and Trends of Involvement of Minors in the Commission of Crimes. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoi nauki. Materialy 4-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 31 oktyabrya 2014* [Theoretical and Applied Aspects of Modern Science. Materials of the 4th International Research Conference, October 31, 2014]. Belgorod, Petrova M. G. Publ., 2014, part. 2, pp. 78 – 81. (In Russian).

13. Yashin A. V., Shiksheev V. R. Challenges in Countering Drug Trafficking Offences Committed Through the Internet. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Penza State University*, 2020, no. 3 (31), pp. 107 – 112. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Рогова Евгения Викторовна (Иркутск) – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: rev-80@yandex.ru).

Забавко Роман Алексеевич (Иркутск) – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета (664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: zrairk@gmail.com).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rogova, Eugenia V. (Irkutsk) – Doctor Sci. (Law), Professor, Deputy Director, Irkutsk Law Institute (Branch), University of Prosecutor's Office of the Russian Federation (1 Shevtsov St., Irkutsk, 664035, Russia, e-mail: rev-80@yandex.ru).

Zabavko, Roman A. (Irkutsk) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor of the Criminal Law Department, the Law Institute of the Irkutsk State University (10 Ulan-Batorskaya St., Irkutsk, 664082, Russia, e-mail: zrairk@gmail.com).